

В.Г. Клименко

ЗАПИСКИ КОНТРАЗВЕДЧИКА

Взгляд изнутри
на противостояние
КГБ и ЦРУ, и не только....

РЬСКОЙ ПЛОШАДИ, СЯДЬТЕ НА
КОТОРЫЙ ИДЕТ ПО ЛЕНИНСКОМУ
НАПРАВЛЕНИЮ ВНЕ ГОРОДА. СВАДИТЕ
"МАГАЗИН, НА ЛЕНИНСКОМ ПЕРЕ
ИДИТЕ ПО ПРАВОЙ СТОРОНЕ УЛ. КРУПСКОЙ.
ОЛЬКО ВЫ ПРОЙДЕТЕ ВТОРУЮ АВТОБУСНУЮ
В, ВЫ УВИДИТЕ КОЛОННУ СТОЛБОВ, СЛЕВА
РЯДОМ С УЛИЦЕЙ НА ЛЕНИНСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ,
ОРОЖНЫЙ ЗНАК ПЕРЕКРЕСТКА НА СТОЛБЕ,
И ИГРАЮЩИЙ НА ГОРИЗОНТУ

В.Г. Клименко

ЗАПИСКИ КОНТРАЗВЕДЧИКА

Annotation

Противоборство КГБ и ЦРУ времен холодной войны всегда было в центре внимания общественности, но наиболее ярко оно проявилось в 1980-е годы, названные историками десятилетием шпионажа.

Автор достаточно подробно рассказывает о «подвигах» ЦРУ в тот период времени на территории нашей страны, способах и методах вербовки американцами наших соотечественников, тактике организации ЦРУ конспиративных контактов со своими агентами. В хронологической последовательности раскрывает большинство (удачных и не очень) операций КГБ против американских спецслужб в 70—90-е годы ушедшего века.

Особое место в повествовании автора занимает оперативная игра «Фантом» — уникальная контрразведывательная операция, проведенная КГБ, по мнению специалистов из ЦРУ, на высоком профессиональном уровне и по мотивам которой кинематографистами снят восьмисерийный телевизионный фильм «С чего начинается Родина».

Впервые перед читателем предстает и внутренний мир контрразведывательного подразделения, специализировавшегося в работе по американским дипломатам-разведчикам, и называются конкретные сотрудники, заложившие основу современных методов разработки сотрудников посольской резидентуры ЦРУ в Москве.

-
- [Клименко В.Г. Записки контрразведчика. Взгляд изнутри на противоборство КГБ и ЦРУ, и не только...](#)
    - [Предисловие](#)
    - [От автора](#)
    - [Часть первая](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [Глава шестая](#)

- [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Биографическая справка](#)
-

**Клименко В.Г. Записки
контрразведчика. Взгляд изнутри на
противоборство КГБ и ЦРУ, и не
только...**

Предисловие

Генерал-лейтенант ФСБ Валентин Клименко родился в 1944 году в Москве. Годы его службы в КГБ, а затем и в ФСБ, с 1973 по 2005, пришлись на сложный, но чрезвычайно интересный период и для нашей страны, и для деятельности советской контрразведки.

Валентин Григорьевич прошел путь от младшего оперуполномоченного первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ СССР до начальника Управления контрразведывательных операций ФСБ РФ и заместителя руководителя Департамента контрразведки Федеральной службы безопасности.

На его счету одиннадцать захватов с поличным сотрудников ЦРУ (Центральное разведывательное управление) в Москве и Ленинграде, пресечение четырех акций технической разведки США, проведение мероприятий, связанных с разоблачением ряда советских граждан — агентов ЦРУ, участие во многих оперативных играх.

Генерал Клименко кавалер четырех орденов, награжден шестнадцатью медалями, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» (1981 год) и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации» (2000 год).

В марте 1983 года по решению руководства КГБ СССР в первом отделе Второго главного управления КГБ было создано новое подразделение, состоящее из десяти сотрудников, и первым его руководителем был назначен Валентин Григорьевич. Это подразделение (первое отделение первого отдела ВГУ) предназначалось исключительно для противодействия Центральному разведывательному управлению США. Функции первого отделения заключались в контрразведывательной работе против американской резидентуры, скрывающейся под дипломатическим прикрытием посольства Соединенных Штатов Америки в Москве.

Валентин Клименко многие годы занимался агентурно-оперативной разработкой конкретных кадровых американских разведчиков из ЦРУ, среди которых были и сами резиденты, и их заместители.

Генерал в своей книге рассказывает о себе, о своем становлении, о работе первого отделения. Он отчасти, насколько это возможно,

приподнимает завесу над методами работы контрразведки, вспоминает о своих коллегах-контрразведчиках и наставниках в профессии. Повествует и о способах вербовки американскими разведчиками советских граждан за границей и в нашей стране. В те годы об этом если и публиковалась информация, то коротко — в рубриках «Сообщение ТАСС» или «По сообщению КГБ СССР».

Несомненно, за последние пятнадцать — двадцать лет многое поменялось в работе контрразведки и разведки. Но эти изменения, скорее, коснулись сферы технологий, что в какой-то степени облегчило способы связи разведки с агентурой и усложнило методы спецслужб по выявлению подобных каналов связи. Активно используется Интернет.

Однако в качестве константы осталось противостояние между двумя ядерными супердержавами — США и Россией. А с падением «железного занавеса» у американцев появилось больше возможностей встречаться со своими агентами в третьих странах, избегая пристального внимания контрразведки на территории России.

Да, технологии совершенствуются, а свойства человеческой природы остаются прежними. Предатели существовали всегда и, к сожалению, будут существовать. Но, к счастью, есть и патриоты, которые борются за справедливость то в кольчуге богатыря, то в каске и в скатке через плечо, то в деловом костюме и в плаще не заграничного супермена, а незаметного, умного и прозорливого контрразведчика.

Как говорили древние: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» — времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Но применительно к мемуарам Валентина Клименко «Записки контрразведчика» можно сказать: «Времена меняются, а шпионов и предателей надо разоблачать».

В контрразведке более, чем в какой-либо профессии, важна преемственность. А в девяностые годы пошатнулась не только наша государственность, но и произошел большой отток квалифицированных сотрудников из органов госбезопасности. Теперь время «собирать камни», а стало быть, воспоминания ветеранов контрразведки обретают особый смысл и большую ценность для молодых контрразведчиков.

Ирина ДЕГТЯРЕВА —

член Союза писателей России, лауреат премии ФСБ России за лучшие произведения в области литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности

От автора

Никогда не предполагал, что настанет время, когда я возьмусь за перо и напишу что-то достойное внимания современного читателя.

С 1968 года я прослужил в органах КГБ СССР, а затем ФСБ России в общей сложности более тридцати семи лет и двадцать восемь из них проработал в контрразведке на американском направлении.

Я не был сторонником тех коллег, которые публиковали свои воспоминания и мемуары, где, на мой взгляд, они чаще выглядели политиками, чем профессионалами спецслужб, и при этом излагали во многом спорные, субъективные и достаточно противоречивые точки зрения как на международные события, так и на события внутри нашей страны.

А что касается описания ими оперативной практики и ее результатов, то у меня иной раз складывалось впечатление, что все положительные достижения в работе органов безопасности приписывались ими в основном самим себе.

Они зачастую забывали, что работали под началом своих учителей-наставников, работали рука об руку со своими заместителями и в окружении коллег и подчиненных, чьими идеями и предложениями зачастую пользовались в интересах дела.

Мне порой казалось, что, рассказывая об оперативных мероприятиях органов безопасности, если это была не художественная, а мемуарная литература или публицистика, авторы-коллеги наносили тем самым определенный ущерб нашим спецслужбам, раскрывая формы и методы их деятельности, но за последние годы появилось столько фильмов, интервью и публикаций на эти темы...

Так что же меня заставило написать эти и последующие строки?

Думаю, заставить действительно никто не может, а вот подтолкнуть — это именно то, что и произошло со мной.

Некоторые из моих коллег были достаточно настойчивы и категоричны в побуждении меня к написанию этих воспоминаний. Они подчеркивали — ты, мол, всю жизнь занимался американцами и резидентурой ЦРУ, обосновавшейся под прикрытием посольства США в Москве, и, наверное, из ныне живущих о том времени и о том, как

ЦРУ США работало со своей агентурой не вообще, а на территории Советского Союза, больше тебя никто и не знает.

Так кто же, как не ты, говорили они, во-первых, должен об этом рассказать и поименно для истории назвать имена тех, кто входил тогда в состав созданного в КГБ СССР в начале восьмидесятых годов прошлого столетия немногочисленного, но уникального контрразведывательного подразделения — реорганизованного первого отделения первого отдела Второго главного управления КГБ СССР, которым тебе же и было поручено руководить, подразделения, ставшего организатором взаимодействия всех сил и средств контрразведки на американском направлении.

Тебе следует обобщить и написать, настаивали они, о выдающихся по тем временам конкретных достижениях в работе этого подразделения, и не только о том, что и как происходило на самом деле (о чем неоднократно, но весьма «скромно» сообщалось в газетах), но и о чем не было вообще написано.

Они подчеркивали, что с тех пор прошли годы, но американский шпионаж и по сей день актуален, он был, есть и будет.

И, во-вторых, многие ли современные читатели вообще знают о роли и месте контрразведки в системе органов безопасности страны, чем занимается контрразведка, какова специфика и условия ее работы, есть ли польза от ее существования, может быть, она и вовсе не нужна и контрразведчики даром свой хлеб едят?

После 1991 года только ленивый не пытался опорочить КГБ СССР, но как бы иной раз ни подвергались критике органы безопасности (зачастую справедливой), но именно контрразведка противостояла и в дальнейшем будет противодействовать агентурной деятельности Центрального разведывательного управления США, и об этой стороне деятельности КГБ СССР (ФСБ России) можно и нужно напоминать и рассказывать российскому обществу.

Другие же, но их было меньшинство, наоборот, говорили открытым текстом — ты что, мол, совсем с ума сошел, писать о том, чем мы в те годы занимались?

Полагаю, и те и другие в определенной мере были правы. И тем не менее я принял решение рассказать (не политизируя события) о конкретных агентурных и технических операциях Центрального разведывательного управления США против нас (читай — Советского

Союза) и о результатах работы советской контрразведки на своей территории против американцев в восьмидесятые годы прошлого столетия и сделаю это ради исторической справедливости.

В контрразведке моей специализацией, среди множества решаемых ею задач, было исключительно американское направление, и в течение многих лет я занимался агентурно-оперативной разработкой только конкретных кадровых американских разведчиков из состава Центрального разведывательного управления США, среди которых были и резиденты, и их заместители — руководители московской резидентуры ЦРУ.

Вся наша деятельность была направлена на вскрытие проводимых сотрудниками ЦРУ, имевшими дипломатические прикрытия, операций по поддержанию конспиративных контактов с советскими гражданами, вставшими на путь измены Родине в форме шпионажа.

О резидентуре ЦРУ США, действующей под прикрытием дипломатической миссии в Москве, рассказано достаточно много.

Но лучшее, по-моему, из написанного о посольстве США в Москве и резидентуре ЦРУ, скрывавшейся под его крышей, — это несколько книг выдающегося профессионала-контрразведчика, генерал-майора КГБ СССР Рэма Сергеевича Красильникова, который с 1979 по 1991 год возглавлял первый (американский) отдел Второго главного управления КГБ СССР (в дальнейшем ВГУ).

Под непосредственным руководством Рэма Красильникова мне посчастливилось проработать многие годы, более двенадцати лет, сначала, до 1983 года, в должности его помощника, потом начальника первого отделения первого отдела, а затем и заместителя Красильникова.

Я чрезвычайно признателен Рэму Красильникову, которого считаю своим старшим товарищем и учителем, за поддержку, переданные нам, его подчиненным и ученикам, опыт и знания, позволившие, в частности, мне в дальнейшем в течение трех лет, с 1997 по 2000 год, быть заместителем руководителя Департамента контрразведки и возглавлять управление контрразведывательных операций (УКРО) ФСБ России.

В книгах Рэма Красильникова «“Тихие” американцы» (написана под псевдонимом Р. Сергеев), «Призраки с улицы Чайковского», «Конец “Крота”» и «Новые крестоносцы — ЦРУ и перестройка» достаточно

подробно изложены межгосударственные политические аспекты противостояния между СССР и США, показаны роль в этом противостоянии Центрального разведывательного управления, его руководства и его резидентуры в Москве, в том числе и роль ЦРУ США в развале Советского Союза.

В этих же книгах значительное внимание было уделено оперативному противоборству между КГБ и ЦРУ, вербовочной и агентурной деятельности американских разведчиков, работавших в Москве под дипломатическими прикрытиями в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого столетия.

И именно на этих вопросах, в дополнение к тому, о чем поведал читателям в своих книгах Рэм Красильников, но, может быть, более детально я, как непосредственный участник тех событий, и остановлюсь и выражу свое личное отношение и к ним, и к американцам.

В частности, расскажу о том, какое представление в шестидесятые и начале семидесятых годов двадцатого века было в КГБ о ЦРУ (то есть еще до того, как Рэм Красильников возглавил американский отдел контрразведки) и как оно изменилось в восьмидесятые годы ушедшего века, расскажу о способах вербовки американской разведкой советских граждан за границей и в нашей стране, о резидентуре ЦРУ, «спрятанной» под «крышей» посольства США в Москве и о нашем представлении в то время о резидентуре и ее личном составе.

Поделюсь сведениями и о том, как американские разведчики «работали» со своей агентурой в Советском Союзе, тактике их деятельности на каналах связи с агентами, методах и ухищрениях, которые они применяли для того, чтобы остаться вне поля зрения КГБ.

Я в хронологическом порядке перечислю все ситуации, когда и как советской контрразведкой проводились в Москве и Ленинграде захваты с поличным американских дипломатов-разведчиков (и не только), о которых в советской прессе в рубриках «Сообщение ТАСС» или «По сообщению КГБ СССР» были краткие публикации.

Затрону и не афишировавшуюся в то время и в последующие годы тему достаточно конспиративных контактов между КГБ и ЦРУ, а также то, как эти контакты переросли в девяностые годы прошлого века в межведомственные официальные связи.

Более подробно, чем это сделали Красильников и сами американцы, опишу уникальную оперативную игру КГБ против ЦРУ «Фантом», которую представители американской разведки охарактеризовали как дерзкую и высокопрофессиональную операцию советской контрразведки.

Прошло уже много лет с тех пор когда события, о которых пойдет речь, имели место, и я уверен, что придание этой информации гласности, в том числе и в обобщенном виде, уже не может нанести ущерб российским спецслужбам.

Все, о чем ниже пойдет речь, является результатом обобщения воспоминаний и размышлений на тему нашей работы против американской разведки и особенностей деятельности ЦРУ против СССР и КГБ, воспоминаний в основном о событиях, а не о конкретных лицах, хотя понятно, что за всеми событиями стоял коллективный труд конкретных контрразведчиков, но я их обязательно назову поименно.

Я также очень коротко расскажу о себе и своей семье и о том, как я, простой московский мальчишка, пришел к мысли стать сотрудником КГБ (то есть с чего все для меня началось).

Надеюсь, что и этот автобиографический материал не будет лишним и покажется тем, кто меня знал, или просто кому-либо из читателей познавательным.

При написании этих заметок, связанных с моей оперативной практикой, я исходил только из опыта работы против американцев, накопленного российской контрразведкой за период с 1973 по 1991 годы, не пользовался никакими архивными материалами, и у меня отсутствуют какие-либо дневниковые или иные записи личного характера.

Что касается современной ситуации, то конкретными сведениями о состоянии противоборства между ФСБ РФ и ЦРУ США и об особенностях работы ФСБ против американцев, а также агентурных мероприятий американцев в России я не располагаю и довольствуюсь лишь периодической информацией в СМИ об успехах российской контрразведки, чему я искренне рад.

Уверен, что и в нынешних условиях подобная информация, как и ранее, серьезно охраняется нашим государством, а я, в том числе и в силу профессиональной этики, и не стараюсь получить ее от своих коллег.

За годы, прошедшие с тех пор, оперативная обстановка и в России, и в мире существенно изменилась, и, как следствие, в работе ЦРУ США против нашей страны неизбежно должны были бы произойти значительные перемены.

Такие объективные факторы, как распад и прекращение существования СССР и окончание холодной войны, привели к тому, что в двадцать первом веке российские граждане, как известно, получили практически беспрепятственную возможность, в том числе и на безвизовой основе, выезжать за рубеж.

В этой ситуации, как представляется, большинство операций по связи с агентами из числа наших соотечественников (а они, как показывает современная практика, безусловно, имеются) спецслужбы США должны были бы перенести в интересах собственной безопасности и безопасности своих агентов из России за границу, в ближнее или дальнее зарубежье.

К настоящему времени Интернет и новейшие способы электронных коммуникаций частично, а может быть, и главным образом должны были бы заменить почтовый, кабельный телефонный и сигнальный каналы поддержания конспиративных контактов ЦРУ со своими агентами.

Но все равно американские спецслужбы вынуждены, в силу объективных обстоятельств, но не так интенсивно, как прежде, прибегать к испытанным методам и способам работы со своей агентурой, в том числе и на территории нашей страны, — к тайниковым операциям и личным встречам.

Одновременно имеются основания полагать, что и в работе ФСБ на американском направлении произошли, очевидно, определенные изменения, связанные не только с указанными кардинальными переменами в оперативной обстановке.

Не последнюю роль здесь сыграли и имевший место массовый отток квалифицированных кадров из контрразведки после событий 1991 года и в последующие годы, перманентные реформирования и сокращение органов безопасности, неоднократные существенные сокращения их финансирования и, как результат, «сбои в преемственности поколений», связанные со значительными кадровыми обновлениями в подразделениях ФСБ.

В силу объективных причин на рубеже веков произошло также смещение приоритетов в деятельности контрразведки в сторону борьбы с терроризмом.

Но, несмотря на существенные изменения в оперативной обстановке и внутри ФСБ России, успехи, и значительные, у современных контрразведчиков-американцев имеются, и им есть чем гордиться.

Судя по публикациям в средствах массовой информации, и в начале двухтысячных годов были и выдворения сотрудников посольской резидентуры ЦРУ из России после их захватов с поличным на операциях по агентурной связи со своими агентами (Райн Кристофер Фогл), и судебные процессы над разоблаченными в эти годы агентами ЦРУ (Баранов, Запорожский, Сипачев, Лазарь, Калядин, Михайлов и др.).

На «игровом поле» борьбы разведок и контрразведок недопустимо забвение уже имеющегося опыта, так как новые победы и успехи возможны только на платформе восприятия лучших традиций своих предшественников.

И в этой связи полагаю, что эти воспоминания могут быть интересны и полезны не только действующим сотрудникам ФСБ России, но и тем романтикам, которые намерены связать свою судьбу с российской разведкой или контрразведкой, ибо только ранее накопленный опыт может служить базой для успешной в будущем их оперативной практики.

Часть первая
Путь в профессию

Глава первая

Узы крови

История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество.

Н.М. Карамзин

Москва послевоенная... Город постепенно восстанавливал мирный образ жизни, а вместе с городом подрастал и я. Наш дом № 8 по Старопименовскому переулку располагался в самом центре столицы.

Площади Маяковского и Пушкинская, улица Горького (ныне Тверская)... Военные парады, первомайские демонстрации, праздничные гулянья — все это проходило совсем близко, создавая в моем сознании ощущение сопричастности с чем-то значительным.

Мои воспоминания о том времени напрямую связаны с последствиями войны — на улицах очень много калек без ног или без рук, с изуродованными телами и лицами. И душами...

Многие из ветеранов-инвалидов передвигались на самодельных деревянных тележках с приспособленными вместо колес подшипниками. Калек отталкивались от асфальта руками, а то и деревянными брусочками, чтобы не сдирать в кровь ладони.

В центре Москвы еще в конце сороковых — начале пятидесятых годов за площадью Маяковского существовал целый квартал одноэтажных деревянных домов, без каких бы то ни было удобств, без горячей воды и газового отопления. Москвичи посещали общественные бани.

Отец вместе со мной ходил в старые бани в Палашевском переулке, расположенные на другой стороне Садового кольца недалеко от площади Маяковского. Увиденные мной калек с культями вместо рук и ног, молодые мужчины, искалеченные войной, спасшие мир и нашу страну ценой ужасных ранений и страданий, в моем детском воображении сформировались в образ великого русского воина-героя, воина-мученика, положившего жизнь и здоровье за други своя и за родную землю.

С каждым годом я видел их все реже и реже. И не потому, что москвичи стали получать квартиры со всеми удобствами и у них отпала надобность в походах в баню. Просто война продолжала собирать свой страшный урожай. Очень много ветеранов умерло в первые десять — пятнадцать послевоенных лет.

А московские дворы! Что о них знает нынешняя молодежь? Теперь таких дворишков в центре города и нет. Это был особый мир, скрытый от посторонних в прямом и переносном смыслах слова.

В нашем доме существовало два парадных подъезда, выходящих в переулок, а один из них был проходной. Из каждой квартиры вел черный ход с выходом во двор.

Помимо этого переулок соединялся с двором аркой с постоянно запертыми на висячий замок воротами. Дворник их открывал только для вывоза мусора или когда приходил во двор точильщик, кричавший громогласно: «Точить ножи и ножницы! Точить ножи и ножницы!» Или старьевщик, приезжавший с тележкой и кричавший: «Старье берем! Старье берем!»

Двор был замкнутым пространством, где все знали соседей в лицо и по имени, где родители не боялись выпускать детей гулять одних. Среди детворы были не только русские, но и армяне, евреи и татары. Ссоры между ребятами случались нечасто, мы по-детски дружили, а выходя гулять, делились друг с другом хлебом и сахаром. Иногда в жаркие летние дни с разрешения родителей мы выносили раскладушки и ночевали в нашем дворе в центре Москвы под открытым небом.

Ребята из соседских дворов считались «не нашими», и с ними отношения выяснялись по принципу «двор на двор», но для некоторых дворов делались исключения, мы с ними дружили и играли в футбол, вышибалы, штандар, ножички или в другие игры.

Мы и соседские ровесники-мальчишки гордились тем, что живем практически в самом центре Москвы на улице Горького, что рукой подать до всех музеев и театров, бахвалились нашими знаниями всех проходных дворов, историческими достопримечательностями и постройками в близлежащих переулках.

В наш хрустально-чистый, изолированный от всего двор, мирок детства, стали проникать ветра перемен и понимание огромности окружающего мира, когда в 1957 году во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов мы впервые увидели в Москве множество

иностранцев, свободных и раскованных, одетых не как мы, разговаривавших не как мы.

На улице Горького, нашем «московском Бродвее», нам удавалось пообщаться с заморскими гостями. Мы обменивались значками, но это был лишь повод завязать разговор. Они на ломаном русском, мы кое-как на немецком или английском, а в основном с помощью незаменимых в таком деле жестов и мимики. Подобное общение вызвало большой интерес к заграничной жизни.

Мой жизненный путь поначалу вписывался в типичную схему жизни молодежи послевоенной страны Советов — детский сад при ЗИЛе (бывший ЗИС), средняя одиннадцатилетняя школа № 175 Свердловского района города Москвы (пионерия, сбор металлолома, макулатуры, пионерские сборы и походы, затем комсомол), ежегодные поездки в пионерлагерь ЗИЛа в подмосковное Мячково, занятия спортом (спортивная гимнастика), а потом трехгодичная служба в Советской армии.

После армии я изучал английский язык на курсах при Институте иностранных языков имени Мориса Тореза, несколько месяцев был рабочим во ВНИИПП (Всесоюзный научно-исследовательский институт полиграфической промышленности), а потом больше года проработал макетчиком в мастерской № 12 «Моспроекта-2», расположенной на площади Маяковского.

А в 1968 году я поступил в Высшую Краснознаменную школу КГБ при Совете Министров СССР...

Наступили шестидесятые. В те годы нашим кумиром стал Булат Окуджава, чьи песни звучали из многих московских окон. К тому же в Москву «пришли» Элвис Пресли, Элла Фицджеральд, Дюк Эллингтон и набиравший популярность среди молодежи настоящий американский джаз, который в те памятные годы не только не поощрялся в Советском Союзе, но и запрещался.

Песни Элвиса Пресли и рок-н-ролл передавались из рук в руки знакомым, а записывались умельцами на «ребрышки», то есть на использованную рентгеновскую пленку — там порой отчетливо видны были чьи-то ребра.

В московские кафе «Молодежное», «Аэлита» и «Синяя птица», где вечерами, в обход запретов, для своих играли джаз, без особой протекции просто невозможно было попасть. В кафе пропускали лишь

по предварительной записи, которая начиналась в любую погоду на улице у закрытых дверей кафе еще в два часа дня, но для своих завсегдатаев с улицы Горького, многих из которых швейцары, охрана и бригадмилыцы знали в лицо, делались исключения.

Обычно по вечерам в субботние или воскресные дни с семи часов кафе заполнялись такими «заранее записавшимися», и многие посетители, растягивая один-единственный вишневый коктейль на весь вечер, по-простому рассаживались на полу вокруг импровизированной эстрады и жадно впитывали так называемое «тлетворное влияние Запада».

Площадь Маяковского в те годы, впрочем, как и сейчас, была символом свободомыслия. Эпизодически по выходным на постамент у памятника Владимиру Владимировичу поднимались молодые поэты-шестидесятники, а также артисты и просто молодые люди, вокруг которых собирались толпы москвичей.

С этих импровизированных подмостков читались неформальные и не согласованные с литературными инстанциями стихи Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Гумилева, Саши Белого или Андрея Черного, что считалось грубейшим нарушением порядка и закона.

Милиция и дружинники (бригадмилыцы) устраивали облавы на москвичей, приходивших на те импровизированные поэтические митинги, доставляли задержанных для профилактических бесед в 108-е отделение милиции на Пушкинскую улицу.

Но мне, знавшему все проходные дворы в округе, удавалось всегда избегать подобного общения с дружинниками и представителями правоохранительных органов. Посещение тех поэтических митингов было лишь тягой к запретному, свойственная, наверное, всем юношам.

Однако всегда я старался придерживаться здравого смысла. И в увлечении молодежными течениями, романтикой эпохи шестидесятников, и в стремлении шагать в ногу со страной с ее «идеологией марксизма-ленинизма как самой передовой идеологией в мире». Мои взгляды на жизнь, отношение к окружающему миру и людям формировались, конечно же, в семье.

Как оказалось, о своих истинных корнях я толком ничего не знал. Только в последние месяцы жизни моей мамы в 2009 году, подолгу беседуя с ней, и уже после ее кончины, разбирая семейные документы,

я получил наиболее полный ответ на все вопросы о моем происхождении...

О родителях мои самые первые воспоминания обрывочны. Одно из них, когда я проснулся от яркого солнечного света в своей кроватке в комнате с окнами, выходящими во двор, на первом этаже в нашей квартире в Старопименовском переулке. Над кроваткой висела бумажная тарелка-репродуктор черного цвета, из нее еле слышно звучала музыка.

Родители сидели на диване в противоположной стороне комнаты, обняв друг друга, и о чем-то тихо переговаривались и улыбались мне. Я слез на пол, побежал к ним, они взяли меня на колени, и я остро ощутил, что это мой дом и что это самые близкие мне на свете люди...

Что мне известно о них, об их родственниках и прошлом их предков?

Мой отец, Григорий Федорович Клименко, родился в 1912 году в селе Белое в Луганской области. Село так называлось потому, что располагалось у подножия высокой горы белого цвета (скорее всего меловой), вдоль горы пролегла железная дорога.

Своего отца, шахтера, он не помнил — тот умер очень рано. Воспитывался мой отец в семье деда вместе с тремя старшими братьями и сестрой, был самым младшим.

О своем детстве и ранней юности он мне мало что рассказывал. Известно лишь, что семья владела крепким хозяйством, жила на обособленном хуторе.

В 1928 году, после смерти деда, семью раскулачили, и его мать вместе с детьми была сослана в Сибирь.

В ссылку, как рассказывал отец, долго вместе с товарищами по несчастью ехали в вагонах-теплушках без каких-либо удобств. Высадили их в открытом поле. Они посмотрели вокруг и, по его словам, поняли, что на голом месте им просто не выжить — умрут от голода. Отец, с благословения матери, вместе с многими другими сбежал из Сибири.

Он прятался в ящиках для угля под днищами товарных вагонов. Меня поезда, добрался до Луганска (Ворошиловград), где присоединился к строительной бригаде, в которой работал один из его братьев.

Они с бригадой ездили в поисках работы по стране, строили объекты в Ярославле, Баку, Днепрогэс, ТЭЦ в Москве при заводе АМО (ЗИС), откуда отца и призвали в Красную армию.

Служил он в Наро-Фоминске, был командиром башни танка, принимал участие в физкультурном параде на Красной площади, участвовал в художественной самодеятельности, пел в сводном армейском хоре.

После армии вернулся в Москву, поступил работать на завод имени Сталина (ЗИС, в дальнейшем ЗИЛ), и ему предоставили жилье — комнату в так называемых «испанских домах» на Варшавском шоссе, в которых были расселены семьи испанских антифашистов, вывезенные из Испании в СССР во время и после войны.

Началась Великая Отечественная война. Отец не был призван в армию по состоянию здоровья (болезнь легких), а также потому, что у работников завода, как сотрудников оборонного предприятия, выпускавшего мины и другие боеприпасы и грузовые автомобили, была бронь.

Во время войны отец и познакомился с моей мамой. Она сразу после окончания средней школы весной 1941 года вместо поступления в МВТУ им. Баумана, куда она уже подала документы, пошла работать на ЗИЛ.

На заводе отец первоначально работал техником по ремонту оборудования литейного цеха номер три. После окончания вечернего отделения техникума в том же цехе стал инженером по технике безопасности. Долгое время по профсоюзной линии возглавлял цеховой комитет и позднее объединенный комитет трех литейных цехов. Был членом заводского профсоюзного комитета, а потом — начальником общественного отдела кадров ЗИЛа. Награжден многими медалями, неоднократно поощрялся приказами директора завода, а также грамотами по линии ВЦСПС.

На ЗИЛе он пользовался у рабочих и в коллективе инженерно-технических работников большим авторитетом и уважением. Умел находить общий язык со всеми. В качестве председателя крупнейшего на ЗИЛе цехкома ему приходилось общаться с приглашенными на завод композиторами и артистами, с футболистами команды заводского клуба мастеров «Торпедо» и с многими другими.

Его манера говорить, мягко и доброжелательно, притягивала к нему людей, но в дружбу это не перетекало, он старался все свободное время проводить дома, с семьей.

После выхода на пенсию, отработав более чем сорок лет на ЗИЛе, отец практически до последних дней был комендантом кооперативного жилого дома в Сумском проезде (Южный административный округ Москвы), где они проживали вместе с мамой в однокомнатной квартире.

Вот такой жизненный путь прошел мой отец. Каким же он был человеком, каким он мне запомнился?

В браке отец с мамой прожили пятьдесят пять лет до его кончины, и они жили счастливо. Я не помню, чтобы они когда-нибудь серьезно ссорились, чтобы он хоть раз повысил на нее голос, чтобы довел маму до слез. Отношения между ними сложились исключительно доброжелательные и уважительные. Разговаривая с мамой, он часто улыбался, подшучивал и подтрунивал над ней, но всегда это делал по-доброму.

Отец никогда не курил, выпивал редко, хотя очень любил застолья из-за возможности пошутить, побалагурить и посмеяться от души. А если ему против его воли наливали водку в рюмку, он всегда просил маму, которую звал Калинкой, выручить его.

Из-за отцовского гостеприимства и потому, что наша комната была довольно большой, друзья родителей собирались, как правило, у нас отмечать большинство праздников — Первое мая, 7 ноября, Новый год.

С удовольствием отец ездил в дома отдыха и санатории. В молодости хорошо танцевал и вальс, и танго, и фокстрот. Как рассказывали те, кто знал его в те годы, пользовался успехом у женщин.

Отец следил за своим здоровьем, предпочитал овощи, фрукты, но от хорошего мяса или вкусной рыбы никогда не отказывался. Вспоминал частенько о том, какой же вкусной в молодости ему казалась сельдь иваси.

Он подолгу и с удовольствием принимал теплые ванны, но и закалялся, обтираясь прохладной водой (и пытался безуспешно приучить меня к этому), и даже после восьмидесяти лет ежедневно делал интенсивную физзарядку.

Очень любил природу, гулять по лесу и в парке, кататься на лодке. Часто они с мамой пешком ходили от Старопименовского переулка до

стадиона «Динамо», когда еще не было «Лужников», на футбольные матчи (был заядлым болельщиком команды «Торпедо», а мама предпочитала «Спартак»).

Насколько я помню, он все время работал. Уходил из дома раньше всех, возвращался последним. Оканчивал сначала вечернюю школу — девятый и десятый классы, затем техникум, вечерами принимал рабочих в профкоме, потом в отделе кадров.

Он мог аккуратнейшим образом все починить или исправить, смастерить что-то, подточить, подкрасить, подклеить, спаять, зашить — мастер на все руки. Отец любил чинить ручные и настенные часы, освоил профессию часовщика самостоятельно и даже подрабатывал починкой часов.

Меня он воспитывал только личным примером — никогда не поднимал на меня руку, никогда серьезно не ругал, учебой моей практически не занимался и лишь изредка, когда я еще учился в начальной школе, проверял дневник.

Но любил читать мне нотации, по поводу и без, и делал это в ироничной манере, с усмешкой. Я терпеть не мог эти «лекции».

Теплые и доверительные отношения между отцом и мной в юности и в последующие годы как-то не сложились, я всегда был ближе к матери, чем к нему. В юности он казался мне слишком правильным, всегда знавшим, что и как надо делать.

У него во всем существовал особый порядок, любая вещь находилась в строго отведенном для нее месте. Для каждого инструмента отведен свой ящичек. Гвозди или шурупы рассортированы по размерам и для них свои коробочки. В ящиках письменного стола все должно лежать так, как он положил, одежда никогда не должна быть разбросана по квартире. И так во всем. К этой педантичности отец приучил и меня, за что я ему чрезвычайно благодарен.

Он очень хотел, чтобы я получил высшее образование, пусть и военное. Но к выбранной мною профессии сотрудника КГБ первоначально отнесся без одобрения и даже скептически. Последовавшие затем мои успехи в учебе и по службе воспринимал без особого энтузиазма, весьма спокойно — как должное.

Мою первую женитьбу отец категорически не одобрил и не поддержал, отговаривал. На свадьбу в Калинин (теперь Тверь) и вовсе

отказался ехать. Но в дальнейшем, как мудрый человек, исходил из того, что это мой выбор, моя судьба...

На похвалы он был достаточно скуп, в кругу семьи эмоции проявлял нечасто, пока не появились внуки, в которых он души не чаял.

Внукам искренне радовался, баловал их, любил проводить с ними время не только дома, но и летом на моих служебных дачах — сначала в подмосковном поселке Тарасовская, а затем в Малаховке.

Но больше всего ему нравилось вместе с ними отдыхать на Рижском взморье, где они с мамой практически ежегодно снимали в Юрмале (в Майори) комнату, окружая внуков заботой и вниманием.

Единственный раз в жизни я видел, как у отца на глаза навернулись слезы, когда мы дома отмечали присвоение мне в 1994 году первого генеральского звания. Я тогда произнес тост в его адрес со словами благодарности за поддержку и жизненную школу.

И после восьмидесяти отец не утратил присущих ему бодрости, оптимизма и интереса к жизни — ходил гулять в Битцевский парк, читал прессу, живо интересовался международными событиями, смотрел по телевизору все без исключения футбольные матчи.

Отец скончался в возрасте восьмидесяти девяти лет 20 декабря 2001 года, в то время как я уже год пробыл в длительной, рассчитанной на четыре года, командировке за границей в Израиле.

В Израиле, в должности советника российского посольства я осуществлял официальные профессиональные контакты и проводил переговоры по ряду вопросов с Моссад (разведкой) и Шабак (контрразведкой), Министерством обороны и полицией Государства Израиль.

Я успел вернуться из Тель-Авива в Москву и проводить отца в последний путь. Мама сама организовала его похороны, мужественно вынесла все эти скорбные процедуры на своих плечах.

Несмотря на то что у нее остались я, двое внуков и двое правнуков, с уходом отца для нее жизнь практически потеряла смысл. Она не уезжала из дома больше, чем на неделю, и старалась побыстрее вернуться обратно.

В последние годы жизни мама постоянно вспоминала эпизоды из своего детства, юности, вспоминала отца, рассматривала фотографии своей молодости и молодости отца, своих давно ушедших бабушек, мои

фотографии. Безуспешно пыталась рассортировать их тематически. Ни сил, ни терпения на это у нее так и не хватило.

Моя мама — Калерия Петровна Клименко (Миквиц в девичестве — эта фамилия значилась в ее паспорте, но на самом деле она была Минквитц) родилась в Москве 19 октября 1923 года.

С родней по линии мамы у меня как раз и возникло больше всего вопросов. Во-первых, мама толком не помнила, кто есть кто из многочисленных родственников, а во-вторых, после Октябрьской революции дворянскими корнями интересоваться вообще было небезопасно.

Как и большинство граждан Советского Союза, я шагал в ногу со временем: со второго класса стал пионером, начальную школу окончил на одни пятерки, 19 мая 1962 года на параде в честь сорокалетия советской пионерии с гордостью нес по Красной площади знамя пионерской организации Свердловского района города Москвы.

Но вопрос о моих корнях занимал меня всегда...

Воспитывали маму две двоюродные бабушки. Одна из них, Калерия Георгиевна Михайлова, до революции владела модным ателье в центре Москвы. Другая — Наталья Ивановна Бочарникова, родственница Калерии Георгиевны, имела поместье в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии (там до сих пор есть железнодорожный остановочный пункт «Бочарниково») и недвижимость в Москве.

С нами в Старопименовском переулке также жила Анна Рафаиловна Постникова, в молодости работавшая в ателье у Михайловой и слывшая искусной вышивальщицей бисером, она расшивала наряды даже для царской семьи.

Моя бабушка по маме Анна Федоровна Минквитц, ее брат Петр и сестры Татьяна, Вера и Оля (Ляля) родились в населенном пункте Сашино Кингисеппского района Санкт-Петербургской губернии в семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии Федора Федоровича фон Минквитца и его супруги Анны Николаевны фон Минквитц, в девичестве фон Майер, дочери известного в Санкт-Петербурге и Москве хирурга Николая фон Майера и его супруги Леокадии фон Майер, в девичестве Михайловой (Калерия Георгиевна — ее сестра).

Федор фон Минквитц был фабрикантом, семья имела съемные квартиры в Москве и Санкт-Петербурге, дачу в подмосковном поселке

Петелино, а в Сашино, в родовом гнезде, владели кирпичным трехэтажным особняком наподобие замка на берегу озера, и там же располагалась их бумагоделательная фабрика.

Но чаще семья жила за границей в швейцарском Давосе, в Вене или Париже, а после ранней смерти Федора фон Минквитца его жена Анна Николаевна (моя прабабушка) из-за проблем со здоровьем годами жила и лечилась в санатории в Лозанне.

Во время Первой мировой войны моя бабушка Анна Федоровна одно время проживала в Москве, в квартире, где позже родились и моя мама, и я. Бабушка училась в гимназии на Большой Никитской улице напротив Консерватории. Ее брат Петр обучался в юнкерском училище в Санкт-Петербурге.

После революции в двадцатые годы юнкерское училище эвакуировали в Крым, а потом в Европу, и мамина бабушка Анна Николаевна с дочерьми последовала за сыном в Крым, а затем за границу в Австрию и далее во Францию.

Но одна из ее дочерей Анна Федоровна после знакомства в Крыму с Петром Николаевичем Лукашовым, заведующим хозяйством Детского дома имени 3-го Интернационала при Отделе народного образования исполкома Анапы, не захотела уезжать из России и осталась в Анапе. Петр и Анна стали родителями моей мамы.

До 1941 года из Парижа маме от ее бабушки Анны Николаевны приходили поздравительные открытки, письма и даже посылки, но с началом войны переписка прервалась и больше не возобновлялась. Связь с этой родней мы утратили навсегда.

Родная сестра Анны — Мэри Николаевна фон Минквитц, в замужестве Карауш, жила в Риге. Ее супруг, Николай Иванович, родом из Бессарабии, преподавал математику в Таганрогском и в других высших учебных заведениях России.

Их сына Владимира, химика по образованию, начальника цеха химзавода в подмосковном Троицке, репрессировали в 1937 году, но в шестидесятые годы его реабилитировали. Сестра Владимира — Евгения Николаевна, моя тетка, многие годы проработала в Госплане СССР и периодически жила у нас, в Старопименовском переулке.

Вторая дочь Мэри и Николая Ивановича — Ольга, также моя двоюродная тетка, посвятила свою жизнь коневодству, выращивала племенных тяжеловозов. Была знакома с маршалом С.М. Буденным,

впоследствии стала заместителем министра сельского хозяйства Туркменской ССР, возглавляла НИИ коневодства в Тамбове, затем в Сигулде (Латвия), была секретарем парторганизации Академии наук Латвийской ССР.

Моя мама родилась в Москве и жила в Старопименовском переулке. В тридцатые годы началось уплотнение москвичей, и в нашу отдельную пятикомнатную квартиру в две комнаты подселили жильцов — Симонович и Мост. А когда потребовалось оформлять прописку гражданам СССР, каждая из моих бабушек обитала в отдельной комнате, их так и прописали в этих комнатах, так же как и наших новых соседей.

После кончины бабушек в начале шестидесятых годов их комнаты передали чужим людям. Как я помню, у нас сначала вместе с двумя бабушками, собакой по имени Крошка и кошкой, которую звали Крапива, было три комнаты, затем две, а в конце концов я с родителями остался в одной, но самой большой комнате той, нашей, квартиры.

Как я уже упоминал, я был ближе к маме, чем к отцу, и это легко объяснимо. Отец большую часть времени проводил на работе, а мама находилась постоянно со мной дома — она не работала по болезни до моих тринадцати лет. Безграничную заботу и любовь мамы я несу по жизни в своем сердце.

Мама училась в Москве сначала в школе № 167 в Дегтярном переулке, а затем в школе № 175 в Старопименовском переулке (в этих же школах затем последовательно учился и я).

До революции 175-я школа была частной гимназией Креймана, а после революции ее национализировали, и с 1931 по 1937 годы бывшая гимназия стала носить название 25-й образцовой школы. Тут обучались дети партийных лидеров, членов правительства, известных политических деятелей, дипломатов, актеров, руководителей иностранных компартий.

В 1937 году, после ликвидации образцовых школ, этой школе присвоили номер 175, и она стала простой общеобразовательной, но все равно традиционно в нее направлялись дети «особых» родителей.

Вспоминая школу, мама часто рассказывала о Надежде Константиновне Крупской, чей рабочий кабинет находился в той же школе, — как Крупская выглядела, какая у нее была походка, как вокруг

нее собирались дети и насколько она была доброжелательной и приветливой женщиной.

В параллельных классах вместе с мамой учились Василий Сталин, его сестра Светлана Аллилуева, будущий супруг Светланы Г.И. Морозов, сын маршала Буденного Василий, внучки Максима Горького, С.Л. Берия-Гегечкори, Светлана Молотова, дети Н.А. Булганина, А.И. Микояна, А.Н. Туполева и другие дети высокопоставленных чиновников Советского государства.

Детей Сталина в школу привозили в правительственном лимузине, но автомобиль никогда не подъезжал к фасаду школьного здания, а останавливался за углом в Воротниковском переулке. Василию и Светлану всегда сопровождала одетая в черную одежду слегка горбатая женщина, теперь бы ее назвали гувернанткой.

Дети вождя были нормальными советскими детьми без комплексов зазнайства, вместе с другими носились по крышам близлежащих сараев, ходили в гости домой к другим детям, играли в уличные игры, в том числе в нашем дворе.

Мама была по возрасту младше Василия Сталина, но старше Светланы Аллилуевой, а вот мамина более взрослая подруга сидела за одной партой с Василием, поэтому и мама бывала в их общей компании.

Школьники из параллельных классов специально подбегали к детям вождя посмотреть на подпись Сталина в школьных дневниках Светланы и Василия, где Иосиф Виссарионович расписывался еженедельно.

Мама в юности была очень спортивной, любила кататься на беговых коньках, и ей прочили большое будущее в этом виде спорта, но она предпочла спортивную гимнастику и успешно занималась в обществе «Спартак». Участвовала в спортивных парадах на Красной площади.

После окончания школы в 1941 году она подала документы на поступление в МВТУ им. Баумана, но началась война. В тот же день, 22 июня, мама поступила на работу на автозавод им. Сталина. Ее направили в литейный цех номер три, где она позже и познакомилась с моим отцом.

Несмотря на все тяготы военного периода, мама вспоминала то время как счастливые годы ее жизни. Они с отцом были молоды,

влюблены, у них была крыша над головой, по военным меркам они получали неплохой паек и достаточно хлеба.

Во время войны в Москве работали театры, и они с отцом пересмотрели весь репертуар Большого театра и Московского академического Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Знакомые из администрации давали им контрамарки.

Когда я подросток, родители и меня стали приобщать к театральной жизни, мы вместе побывали на спектаклях «Руслан и Людмила», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Ромео и Джульетта», «Лебединое озеро», «Спартак», «Спящая красавица», а в концертном зале им. Чайковского неоднократно смотрели выступления танцевальных коллективов под управлением Игоря Моисеева и ансамбля Надежды Надеждиной «Березка».

В 1949 году случилось событие, отразившееся на всей последующей жизни мамы. В августе она заболела воспалением легких, и ее положили в Московский городской НИИ туберкулеза с диагнозом «плеврит», где ей сделали операцию — удалили семь ребер и часть легкого. Мама находилась на грани жизни и смерти, но выжила, оставшись инвалидом на всю жизнь.

В 1950 году ей назначили пенсию по инвалидности, но я подрастал, денег в семье не хватало, и поэтому в 1957 году мама от инвалидности отказалась по материальным соображениям и вновь поступила на ЗИЛ, но уже в абразивный цех, где и проработала двадцать четыре года до 1981 года, до выхода на пенсию по возрасту.

Мама дважды избиралась депутатом районного Совета, заносилась на заводскую Доску почета, награждена медалью «Ветеран труда», приглашалась в Кремль, где ей в 1981 году вручили медаль «За трудовое отличие».

Как-то в детстве я спросил маму, почему она не пошла на фронт во время Великой Отечественной, хотя и училась на курсах медсестер. Она ответила: «А кто бы стал заботиться о моих бабушках?» В этом вся она, ведь смысл ее жизни заключался в том, чтобы приносить пользу близким и родным.

Отец и я всегда были обстираны, выглажены и сыты, в доме — уют и порядок. В нашей семье всегда все решалось по-доброму, и этот тон

задавала мама, которая не позволяла себе демонстрировать перепады настроения, а они у нее наверняка случались, как у любого человека.

Она очень переживала, когда стало понятно, что мой первый брак сложился неудачно, но никогда эту тему и не пыталась обсуждать, зная, что я к этому отнесусь негативно.

В отличие от отца мама постоянно интересовалась моими успехами на работе, собирала прессу, где упоминались случаи разоблачения американских разведчиков и агентов, гордилась моими наградами и заслугами — я был неотъемлемой частью ее жизни.

До своих последних дней она старалась окружить меня своей заботой и любовью. Не проходило дня, чтобы она не позвонила и не спросила, все ли у меня в порядке и как я себя чувствую. Постоянно советовала что-то из области самолечения — йога, травы, старинные рецепты.

Она не хотела быть кому-нибудь в тягость, сама за собой ухаживала, саму себя всем обеспечивала. После смерти отца мама надолго замкнулась. Ей было тяжело даже ненадолго покинуть свой дом, где у нее под рукой привычные ей вещи, лекарства и разные снадобья, которые она готовила себе сама.

Мама отказывалась пожить со мной и моей семьей за границей, когда мы были в командировке в Израиле. Да и на дачу в Подмосковье к нам не ездила. Ее все время тянуло домой. Она если и болела, то старалась, чтобы никто не знал. Боялась стать обузой.

Последние годы она болела постоянно, иногда не могла спать или двигаться, но ни на что не жаловалась, сама приводила себя в порядок, не хотела, чтобы ее видели в болезненном состоянии, страдающей.

Сильный человек и сильный характер — только так можно охарактеризовать ее. И еще она очень гордилась тем, что ее подруги и знакомые называли ее мудрой женщиной...

Она скончалась утром 1 ноября 2009 года.

Интересные зигзаги происходят в человеческой судьбе... Я — далекий потомок немецких и русских дворян, с одной стороны, и зажиточных украинских хуторян, с другой, — стал генерал-лейтенантом ФСБ России, наследницы грозных организаций ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ. Именно они в первой половине прошлого столетия в силу исторических и политических причин подвергали репрессиям именно те сословия, представителями которых были мои предки.

Я проработал в органах безопасности тридцать семь лет, и мне по прошествии лет не стыдно ни за один поступок, ни за одно принятое и реализованное мной решение. Определяющими были чувство ответственности за порученное дело, исполнительность и трудовая дисциплина, бережное отношение к кадрам, категорическое непринятие подковерных игр — полагаю, эти качества унаследованы мной от родителей, воспитаны ими во мне.

Глава вторая

Путь в профессию

На вопрос о том, каким образом я пришел в профессию, в контрразведку, я бы ответил, что это был и осознанный выбор, и стечение обстоятельств одновременно.

Мое раннее детство, как и детство всей послевоенной ребятни, в основном проходило во дворе в неизменных играх в войну. Всем хотелось быть за наших, советских, и ни в коем случае не на стороне фашистов.

Мы могли целыми днями и вечерами носиться как угорелые по своему и соседним дворам. С энтузиазмом строили штабы наших вымышленных армий в саду «Аквариум» на Садово-Триумфальной улице, рядом с площадью Маяковского, или в «Эрмитаже» на улице Каретный Ряд, используя для сооружений хранившиеся там в сараях театральные декорации.

Иногда у нас дело доходило до драки. Синяки и ссадины на коленках, кровь из носа — не слишком большая цена победы. Победа приносила настоящее счастье. В таких играх я всегда отстаивал для себя роль разведчика.

Кинематограф того времени оказал на меня очень сильное влияние. Особенно фильмы «Подвиг разведчика» и «Звезда», вышедшие на экраны страны в конце сороковых годов.

Роль советского разведчика в фильме «Подвиг разведчика» блистательно исполнил замечательный актер Павел Кадочников, действовавший под личиной немецкого офицера в стане врага. В немецкой форме, с безупречным знанием немецкого языка — он сформировал во мне желание быть во всем похожим на него.

В фильме «Звезда» наши фронтовые разведчики проявили смелость и героизм, готовность отдать жизнь за Родину, но не сдаться. Глядя на них, очень хотелось стать таким же решительным и мужественным.

Эти фильмы сформировали во мне тогда еще неосознанное желание связать свою жизнь с профессией разведчика. Желание подкреплялось и советской литературой того времени. В третьем или

четвертом классе я прочитал книги «Это было под Ровно» и «Сильные духом», написанные советским чекистом, командиром партизанского отряда «Победители», героем Советского Союза полковником Дмитрием Николаевичем Медведевым.

Образ советского разведчика Николая Кузнецова, успешно действовавшего в тылу врага под видом немецкого офицера Пауля Зиберта, будоражил мое воображение, и я живо представлял себя на его месте.

Оказалось, что Дмитрий Николаевич Медведев живет в нашем Старопименовском переулке в трех домах от моего, ближе к улице Чехова. Тот самый знаменитый полковник КГБ, партизан и разведчик, автор книг, которыми я зачитывался!

Дмитрия Николаевича неоднократно приглашали в нашу школу. Его встречи с юными читателями собирали полный актовЫй зал. В школе часто выступали также врач того партизанского отряда Альберт Цесарский и другие партизаны-разведчики с рассказами о легендарном герое-разведчике Николае Кузнецове, партизане Коле-маленьком и о самом Дмитрие Медведеве, о буднях и подвигах партизан.

Мы, мальчишки, с открытыми ртами слушали их рассказы о войне, жизни в лагере, боевых схватках с немцами, победах и неизбежных потерях.

Настоящие разведчики, участники Великой Отечественной войны — это не киногерои, не образы со страниц книг! Встречи с ними производили невероятно сильное впечатление.

После кончины Дмитрия Николаевича наш Старопименовский переулок переименовали в честь полковника Медведева. Однако сейчас переулку вернули первоначальное название.

На всю жизнь мне запомнилась мимолетная встреча в пятидесятые годы с отцом моей одноклассницы Тани Федотовой.

Однажды меня и еще нескольких одноклассников пригласили на день рождения Тани, организованный родителями девочки на даче в подмосковном поселке Усово, куда нас доставили из Москвы на правительственном лимузине «ЗИС-110».

Для нас ее отец был загадочной личностью, так как никто, ни наши родители, ни ученики не знали, где он работает. Это тщательно скрывалось. Однако поговаривали, что он якобы является большим начальником в Генеральной прокуратуре, поэтому мы, мальчишки,

посматривали на него робея, со страхом, но и с нескрываемым любопытством и интересом.

Многие годы спустя я узнал, что отец Тани — это Петр Васильевич Федотов, генерал-лейтенант КГБ при Совете Министров СССР, в то время руководитель контрразведки страны, начальник Второго главного управления, которое он возглавлял в течение трех лет с 1954 по 1957 год.

Кто бы в то время мог подумать, что ровно через сорок лет, в 1997 году, я возглавлю Управление контрразведывательных операций ФСБ России, которое стало правопреемником Второго главного управления КГБ СССР, и буду его возглавлять тоже три года, как и Петр Федотов?! Удивительное совпадение...

Мамин одноклассник Игорь Соколов после возвращения с фронта поступил на службу в органы госбезопасности в подразделение, несшее внешнюю охрану здания МГБ на Лубянской площади.

Игорь Соколов на фронте познакомился с Риммой Ивановной. Они поженились, и Римма стала также сотрудницей КГБ. Соколовы жили в доме напротив, наши окна практически смотрели друг на друга. Мы дружили семьями и большинство праздничных дней проводили вместе. Об их службе в КГБ я знал, но не помню, чтобы они что-то рассказывали о своей работе.

В 1963 году в Колонном зале Дома Союзов состоялся всем известный судебный процесс над изменником Родины Олегом Пеньковским, и, как впоследствии я узнал, на этом процессе Римма Соколова работала стенографисткой, скрупулезно документируя судебные заседания.

Как я ей завидовал! Быть в центре исторического события, видеть все собственными глазами, слышать судей, прокуроров и защитников, последнее слово подсудимого — и все это непосредственно в зале суда, а не на экране кинотеатра.

И эта женщина, Римма Соколова, была подругой моей мамы, приходила к нам в гости, приводила свою дочь! Это все казалось мне необыкновенным стечением обстоятельств, и я был горд, что лично знаком с таким человеком, которому доверили важное для государства дело.

Но самая главная встреча, во многом предопределившая мою судьбу, касалась семьи Сазоновых.

С младшим из Сазоновых — Александром мы вместе учились с первого по одиннадцатый классы, затем в Высшей школе КГБ (на одном факультете, но в разные годы), а затем вместе работали в одном управлении, оба дослужились до звания генерал-лейтенанта.

Отец Александра, Михаил Иванович, был полковником КГБ СССР, а старший брат Сашки, мой тезка, Валентин и сестра Рита также состояли на службе в органах госбезопасности.

В их квартире на площади Маяковского в детстве я бывал довольно часто. Там я всегда испытывал какое-то волнующее чувство сопричастности к жизни сотрудников спецслужб. Мне все казалось таинственным, наполненным особым смыслом. Фотографии на стенах, награды... Недомолвки в разговорах членов семьи между собой.

Но была и ситуация, когда я на себе прочувствовал силы и возможности КГБ, оказавшись, если можно так выразиться, по ту сторону баррикад.

Я учился в девятом классе, а это было в 1961 году, когда в Москву по обмену приехала группа школьниц из Великобритании. Нашей школе, как одной из лучших в Москве, поручили осуществить попечительские контакты с ними.

Несколько десятиклассников, имеющих от дирекции школы соответствующее поручение, и я, примкнувший к ним по дружбе и которому никто ничего не поручал, встретили группу англичанок на Белорусском вокзале и помогли им разместиться в гостинице «Турист».

После Фестиваля молодежи, проходившего в Москве в 1957 году, это было наше первое общение с иностранцами — нас это и волновало, и будоражило, и хотелось испытать свои познания в английском языке.

Я не блистал в английском, но все же мог достаточно свободно объясниться на простые темы благодаря нашей учительнице. Английский у нас преподавала жена Председателя Совета Министров СССР Николая Булганина — Елена Михайловна.

Английских девчонок, жительниц Лондона, пригласили в нашу школу, где в актовом зале состоялся вечер дружбы, на котором все и началось...

Иностранки-англичанки разулись и босиком, а мы, балбесы, вместе с ними стали отплясывать буги-вуги, твист и рок-н-ролл. Эти танцы нельзя было в то время исполнять в общественных местах. Их

танцевали только стилиаги, что порицалось и высмеивалось в советской прессе, в документальных и художественных фильмах.

Мы, конечно, танцевали и раньше, дома, втихаря, но никогда вот так — на виду у всех, в актовом зале советской школы, образцовой, одной из лучших в Москве, на глазах директора и приглашенных на встречу официальных лиц!

Дальше — больше. Пустились во все тяжкие. На собственные сбережения сводили некоторых девочек в московские рестораны «Будапешт» и «Метрополь», без сопровождения гида показывали им Красную площадь и другие московские достопримечательности. Много фотографировались. Поздними вечерами провожали англичанок до гостиницы и, очарованные раскрепощенными девчонками, даже целовались с ними.

В конце концов группа иностранок благополучно уехала из Москвы, обменявшись с нами адресами.

Как оказалось, все эти дни за нами приглядывали сотрудники КГБ — приход, уход, места пребывания. Мы же, ослепленные романтикой, ничего и не замечали.

Директору школы здорово попало за наше легкомысленное поведение. наших родителей вызывали в школу. С нами беседовали, угрожая исключением. Но в конце концов все успокоилось, и никаких оргвыводов или административных взысканий не последовало.

Это событие открыло передо мной силу и возможности КГБ в повседневной жизни нашего общества, хотелось не противостоять этой силе, а, наоборот, быть на ее стороне.

Встречи, книги, фильмы и даже то фиаско, которое мы потерпели от всевидящего КГБ, гуляя с англичанками, — все это сыграло определяющую роль для меня в выборе будущей профессии.

Мечты мечтами, но после окончания школы я, не имея никаких серьезных увлечений, кроме гимнастики, мог связать судьбу скорее со спортом, чем с органами госбезопасности. Но как добиться мечты, к кому обратиться, с чего начать — я тогда понятия не имел.

По спортивной гимнастике у меня был уверенный первый взрослый разряд (в те годы не существовало понятия «кандидат в мастера спорта»), и в 1963 году я уже был полностью подготовлен к получению звания «мастер спорта», освоив достаточно сложную произвольную программу.

Но в спортивной гимнастике, как известно, существует помимо произвольной еще и обязательная программа, которая по международным правилам полностью обновлялась каждые четыре года, после Олимпийских игр, а очередное обновление должно было состояться после Токийской олимпиады 1964 года.

Мы с моим тренером Олегом Дмитриевичем Рождественским в то время решили дождаться новой обязательной программы и не осваивать старую, так как ее все равно поменяют на следующий год. Именно по этой причине я не участвовал в соревнованиях, на которых можно было бы еще в 1963 году выполнить нормативы мастера спорта.

Я очень надеялся на свои спортивные достижения. Спортсменов в институты принимали вне конкурса. А я запланировал поступить в Московский электротехнический институт связи, учиться и выступать на первенстве Москвы и на всесоюзных соревнованиях за общество «Буревестник», получить высшее образование, а затем уже попытаться связать судьбу с КГБ. Планов, как говорится, громадье.

Но тут выяснилось, что поступить в институт мне не удастся. Школу я окончил в восемнадцать лет, в мае 1963 года. В том же году, уже почти в девятнадцать лет, меня призвали в Советскую армию.

В те годы вступительные экзамены во все вузы начинались одновременно с 1 августа, а мне пришла повестка явиться с вещами на призывной пункт 17 июля, что не давало мне шансов поступить в выбранный мною институт на факультет автоматики, телемеханики и электроники.

Лично я той повестки не получал, но ее вручили нашей соседке, которая подтвердила, что я нахожусь в Москве, и расписалась в получении. Это означало, что я обязан явиться на призывной пункт.

Я отчетливо осознал, что все мои планы на ближайшие годы меняются: не будет института, не будет спортивной карьеры, да много чего не будет. Я пожалел, что пошел в школу на год позже, то есть с восьми лет, но изменить эту данность уже не мог.

У меня и мысли не возникло каким-либо образом избежать призыва. Надо так надо. Единственное, что я предпринял, — в военкомате попросил вместо обычного призыва направить меня на учебу в Высшую школу КГБ, но мне сказали, что в Москве нет такого учебного заведения.

Я был настойчив и назвал адрес: Ленинградский проспект, дом 3. Но мне уклончиво ответили, что я что-то путаю, и предложили вместо этого поступить в танковое или другое военное училище.

В итоге утром 17 июля 1963 года я из дома с мамой, Сашей Сазоновым и другими друзьями пешком прибыл на место сбора (стадион недалеко от станции метро «Новослободская»), откуда и отправился служить в рядах Вооруженных сил СССР.

География моей срочной военной службы — Дорогобуж, Владимир, Ковров, Калинин. В Дорогобуже, в Смоленской области, мы прошли Курс молодого бойца и приняли присягу.

Как выяснилось, исключение из строгих правил по срокам осеннего призыва было сделано Министерством обороны Советского Союза для Сергея Федоровича Бондарчука. Режиссер набрал таким образом летом 1963 года около пятнадцати тысяч москвичей для батальных съемок своего ставшего всемирно известным художественного фильма «Война и мир», включая съемки Бородинского сражения, переправы через Неман, взятия Шевардинского редута и других батальных эпизодов фильма.

Съемки в районе города Дорогобуж длились четыре месяца. Мы жили в военном городке в палатках до первых заморозков. Нас экипировали и Семеновскими стрелками, и французами, а помимо съемок мы занимались общефизической и строевой подготовкой, изучали уставы, с нами проводили тактические занятия и политическую учебу.

По окончании съемок большинство из нас, москвичей, из состава моей роты были направлены в танковый учебный полк в город Владимир, где мы задержались ненадолго, и нас перевели для прохождения дальнейшей службы в Ковров в общевойсковой учебный полк — в сержантскую школу.

В ковровской сержантской школе, готовившей сержантский состав для всего Московского военного округа, мне по окончании шестимесячного учебного курса присвоили воинское звание — младший сержант. Я получил знания и навыки командира младшего армейского звена, командира отделения.

В Калининское суворовское военное училище меня откомандировали из Коврова летом 1964 года. Там я больше двух лет прослужил в должности помощника офицера-воспитателя, был

практически мамкой-нянькой у ребяташек-суворовцев, после окончания восьмого класса общеобразовательной школы оторванных от дома и пожелавших связать свою судьбу с армией.

Я жил со своими суворовцами-подопечными в одной комнате, укладывал их спать и поднимал рано утром, делал с ребятами физзарядку на открытом воздухе в любое время года, вместе завтракали, обедали и ужинали, я разводил их после завтрака на занятия по классам.

Следил за порядком во время самоподготовки суворовцев, проверял выполнение ими уроков, диктовал им диктанты. Играл вместе с ними в футбол, баскетбол или волейбол, зимой ходил на лыжах, а помимо этого еще вел секцию спортивной гимнастики (подготовил более двадцати спортсменов-разрядников) — в общем, стал их старшим товарищем и жил с ними одной жизнью.

После окончания службы в армии я поступил на курсы английского языка при Институте иностранных языков имени Мориса Тореза, временно работал разнорабочим во Всесоюзном научно-исследовательском институте полиграфической промышленности (ВНИИПП) с зарплатой пятьдесят семь рублей в месяц, затем перешел на постоянную работу макетчиком в мастерскую № 12 «Моспроекта-2». Ее возглавлял известный архитектор Борис Иванович Тхор.

Однажды весной 1967 года меня пригласили в военкомат Свердловского района Москвы. Я полагал, что речь пойдет о постановке на воинский учет, но совершенно неожиданно мне предложили стать сотрудником КГБ, пройдя годичное обучение в одном из учебных заведений КГБ в Ленинграде.

Именно в Свердловском военкомате четыре года назад я безуспешно пытался получить направление на учебу перед призывом в армию. Судьба вернула меня в тот же военкомат, где я получил направление в новую профессию.

Дав принципиальное согласие на работу в КГБ, я обратился с просьбой послать меня на учебу не в Ленинград, а в московскую Высшую Краснознаменную школу КГБ при Совете Министров СССР (ВКШ КГБ) на контрразведывательный факультет № 2, где в то время учился мой одноклассник Александр Сазонов. Я хотел получить высшее юридическое, языковое и специальное образование.

Мою просьбу удовлетворили, но с оговоркой, что если я не пройду по конкурсу (а он составлял семнадцать человек на место), то я все-таки поеду на подготовку в Ленинград. Я с такой постановкой вопроса согласился.

В течение года на одном из закрытых объектов КГБ с нами в аудиториях проводили занятия по оперативной подготовке, устраивали психофизиологические испытания, медицинские обследования, собеседования с психологами и иными специалистами.

В городских условиях нам прививали навыки ориентирования в незнакомой обстановке, общения с незнакомыми людьми, тренировали быстроту реакции, зрительную память и память на лица, числа, тексты и тому подобное.

После года многочисленных тестов и проверок и окончания специальных подготовительных общеобразовательных курсов, где нам дали в концентрированном виде материал по предметам, экзамены по которым предстояло сдавать, нас направили в подмосковный лагерь в Голицыно.

Опять, как и в 1963 году, я ощутил на себе «прелести» армейской дисциплины — мы жили в палатках, нам устраивали проверки перед сдачей экзаменов и перед отбоем, но все это нивелировалось приподнятым настроением и предвкушением чего-то нового и необычного. Все стремились с честью пройти испытания и стать сотрудниками Комитета госбезопасности СССР.

Я успешно сдал вступительные экзамены, и 1 августа 1968 года меня зачислили на второй факультет Высшей Краснознаменной школы КГБ при Совете Министров СССР.

С этого началась моя многолетняя служба в органах безопасности.

Глава третья

Высшая Краснознаменная школа КГБ при Совете Министров СССР

Наряду с Московским государственным институтом международных отношений (МГИМО) в те далекие годы ВКШ КГБ считалась уникальным и привилегированным учебным заведением. Туда стремилась попасть патриотически настроенная молодежь, жаждущая проявить себя в деле защиты интересов Отечества, в том числе и молодые люди из семей так называемой элиты советского общества.

Привлекательным в профессии сотрудника Комитета госбезопасности была перспектива принадлежать к узкому кругу лиц, посвященных в государственные тайны, романтика профессии, желание стать офицером и расти в званиях, оставаясь для окружающих гражданским человеком. Ну и, конечно, возможностью работать за границей.

На нашем курсе учились и сын члена Политбюро ЦК КПСС, и родственник руководителя Секретариата Верховного Совета СССР, дети руководителей обкомов и райкомов КПСС, высокопоставленных сотрудников республиканских органов КГБ, но их было не так уж и много.

Большинство курса составляли молодые люди, выходцы из самых разных семей и республик Союза — с Украины, из Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Азербайджана, Грузии, Армении, среднеазиатских республик. Была даже монгольская группа. И все искренне мечтали посвятить свою жизнь работе в органах безопасности (в разведке или контрразведке), не преследуя никаких корыстных целей и стремясь получить при этом очень качественное высшее образование.

Москвичи, отслужившие срочную службу в Советской армии, жили дома, остальным предоставлялось общежитие. Те, кто поступил в ВКШ сразу после школы, принимали присягу после прохождения Курса молодого бойца и поэтому на первом курсе находились на казарменном положении.

Студентов традиционно называли слушателями, они являлись военнослужащими, занятия посещали исключительно в военной форме с эмблемами подразделений войск связи на черных петлицах.

После лекций и семинарских занятий обязательной для всех была самоподготовка по специальным дисциплинам в аудиториях ВКШ, а по иностранным языкам — в лингвистических кабинетах с прослушиванием пленок с записями новостных программ.

На курсе существовало шесть учебных групп, состоявших каждая из трех-четырех языковых подгрупп. Изучали английский, немецкий, французский, испанский, чешский, китайский, японский, корейский, фарси и другие восточные языки.

После сдачи вступительных экзаменов мне по распределению выпало изучение английского языка, чему я обрадовался. Все же не начинать все с нуля.

Я рассчитывал быть, как все, ничем не отличаться от других слушателей, но судьба в лице начальника курса Григория Андреевича Звягина распорядилась по-другому — меня, несмотря на мое сопротивление, назначили командиром первой учебной группы, в которую входили три английских и одна чешская подгруппы.

Я не слишком хотел брать на себя такую ответственность и быть на виду у всего курса и преподавательского состава. Впрочем, понимал, почему выбор пал на меня. Я отслужил в армии, уже обзавелся семьей, у меня родился сын, мне двадцать четыре года, а главное, я обладал опытом воспитательной работы, полученным в Калининском суворовском училище.

Часто товарищеские отношения с одногруппниками вступали в противоречия с дисциплинарными требованиями. Приходилось балансировать и иногда быть жестким, решать организационные вопросы с преподавателями и начальником курса. За время пяти лет учебы четверых из группы отчислили из-за нарушений дисциплины и за неуспеваемость.

Изначально я решил для себя, что в учебе мне надо хотя бы быть не хуже других. Так сказать, определил для себя программу минимум. Стать отличником и не мечтал. Но все экзамены на первой же сессии сдал на отлично. После окончания первого курса обнаружил свою фотографию на Доске почета отличников. Пришлось соответствовать и в дальнейшем. Я тщательно конспектировал лекции, готовился к

каждому семинару, учил наизусть английские тексты и билеты по другим дисциплинам.

Некоторые предметы мне нравились больше остальных, например английский, международное и уголовное право и процесс, криминалистика, специальные дисциплины, история государства и права зарубежных стран, история политических учений. Исторический и диалектический материализм, политэкономия социализма и капитализма, история КПСС (пленумы, съезды и так далее) не вызывали энтузиазма, но приходилось учить и это.

Учеба, честно сказать, далась мне нелегко. Усидчивость и старание, дисциплинированность и стремление к достижению цели, чтение большинства рекомендованной литературы и активная работа на семинарских занятиях (это особенно ценилось преподавателями) — все вместе приносило не только моральное удовлетворение и новые знания, но и материальные результаты. Со второго курса я получал повышенную стипендию, сначала им. Ф.Э. Дзержинского, затем им. В.И. Ленина.

Преподавательский состав в ВКШ КГБ был очень квалифицированный. Большинство, за исключением кафедр иностранных языков, — это аттестованные офицеры: на лекции и занятия они приходили в военной форме, подтянутые и аккуратные, вежливые и внимательные по отношению к слушателям. Среди них были и профессора, и доктора, и кандидаты наук — юридических, экономических, военных и медицинских (в числе других предметов мы изучали судебную медицину и судебную психиатрию).

Иностранные языки преподавали в основном женщины. Педагоги не жалели ни сил, ни времени, чтобы привить нам любовь к языкам, расширить наши познания о странах, где говорят на этих языках.

Мы изучали историю, географию, внешнюю и внутреннюю политику, экономику, искусство и культуру, живопись и театр, спорт и религию США и Великобритании (с учетом того, что наша группа была англоязычной), обычаи населения, особенности поведения и общения.

Моим первым преподавателем английского языка в ВКШ КГБ на первом курсе была Ольга Сергеевна Симонова, мать известной народной артистки России Евгении Симоновой и ее брата, профессора МГИМО, автора и телеведущего программы «Умники и умницы» Юрия Вяземского.

Именно благодаря ей, а затем и другим преподавателям английской кафедры я получил такую хорошую языковую базу, что позволило мне в восьмидесятые и девяностые годы уверенно поддерживать служебные контакты с американцами и вести с ними официальные переговоры. А через тридцать лет после окончания вуза общаться с директорами израильской разведывательной службы Моссад Эфраимом Халеви, а затем Меиром Даганом и с другими представителями израильской разведки, контрразведки, армии и полиции.

Для того чтобы по окончании ВКШ КГБ стать полноправными членами чекистского братства, нам недостаточно было получить оперативные навыки и общеобразовательные знания, требовалось обладать высокой нравственностью. Это может прозвучать пафосно, однако профессии контрразведчика и разведчика — наверное, как никакие другие — требуют особой порядочности и патриотизма.

Поэтому едва ли не основой обучения в стенах ВКШ КГБ было воспитание в нас качеств, без которых нельзя обойтись сотрудникам органов госбезопасности — беззаветная преданность Родине и педантичность в неукоснительном соблюдении законов. Еще в семье, в школе и во время службы в армии нас учили этому. Однако предстоящая служба имела свою специфику.

Нас воспитывали на конкретных примерах. Мы изучали историю ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, подвиги чекистов и отрицательные моменты в деятельности органов безопасности, встречались с ветеранами разведки и контрразведки.

Как мы воспринимали всем известную фразу про чистые руки чекиста в дополнение к горячему сердцу и холодной голове? Это понятие не было для нас абстракцией и воспринималось всерьез — честное отношение к делу, к руководителям и подчиненным, к гражданам нашей страны и к самому себе.

Начальник курса полковник Григорий Андреевич Звягин приложил все силы, чтобы достоинство и честь стали для нас жизненным кредо, а не пустым звуком.

Григорий Звягин родился в 1923 году, артиллеристом прошел Великую Отечественную войну, служил в СМЕРШе, потом поступил в Высшую Краснознаменную школу КГБ при СМ СССР, в 1960 году окончил ее с золотой медалью, остался в ВКШ работать на кафедре

специальных дисциплин, благодаря своим личным качествам стал начальником нашего курса.

Его богатейший жизненный опыт, умение разбираться в людях, бережное и отеческое отношение к нам, порядочность и принципиальность, навыки преподавательской работы вызывали у нас безмерное уважение к Григорию Андреевичу. Он пользовался непререкаемым авторитетом.

По окончании пяти курсов слушателям присваивалось офицерское лейтенантское звание и выдавался диплом о высшем юридическом и языковом образовании. Окончил ВКШ я с золотой медалью.

И вот настало 28 января 1973 года, когда нам вручили офицерские погоны и нас распределили в различные подразделения КГБ.

Я мечтал попасть в разведку. Во время обучения мы встречались с прославленными разведчиками Рудольфом Абелем (Вильямом Фишером) и Бенем (Кононом Молодым), читали описание тайных операций советской разведки за рубежом, а в качестве курсовой работы я переводил с английского на русский язык книгу Кима Филби «Моя тайная война». Все это будоражило мое воображение.

И золотая медаль, и отличное знание английского языка позволяли мне надеяться на то, что моя мечта сбудется и меня направят для прохождения дальнейшей службы в разведку, в Первое главное управление КГБ СССР.

Однако руководство ВКШ и комиссия, занимавшаяся распределением выпускников, рассудили иначе.

Я получил назначение в контрразведку, в ее центральный аппарат в Москве, в первый отдел Второго главного управления КГБ СССР на должность младшего оперуполномоченного.

Как известно, мечты не всегда сбываются, но для меня такое назначение не стало неожиданностью. После окончания четвертого курса все слушатели ВКШ проходили обязательную практику, как правило, в тех подразделениях КГБ, куда затем направлялись на работу. Так вот я в 1972 году был на месячной практике именно в первом отделении первого отдела В ГУ.

В двадцать восемь лет я окунулся в совершенно незнакомую для меня сферу жизни.

Глава четвертая

Первое отделение первого отдела ВГУ КГБ СССР

Из более чем сотни выпускников нашего курса всего лишь несколько человек, включая меня, получили направление во Второе главное управление КГБ СССР.

Незначительное число моих сокурсников пошло в разведку — в Первое главное управление КГБ, в Московское управление КГБ и его районные отделы. Но основное большинство моих товарищей разъехались по территориальным и республиканским органам КГБ, откуда они и были направлены на обучение в Москву.

Вспоминая свое состояние в те дни, могу сказать, что я испытывал чувство гордости, ведь судьба вынесла меня на вершину контрразведки — в подразделение, о котором в период учебы и мечтать-то не приходилось.

В январе 1973 года, как мне тогда казалось, я вступал в совершенно новый и незнакомый для меня мир контрразведки, трудный и загадочный, полный опасностей и приключений. Моя жизнь должна была быть наполнена ежедневной кропотливой и безумно интересной работой, к которой я усердно готовился все предшествующие пять лет обучения.

Так и произошло. Мне посчастливилось в числе немногих быть участником острейших мероприятий, провал которых грозил международными осложнениями или скандалами на высшем политическом уровне, раскрывать преступные замыслы и операции американской разведки, задерживать дипломатов-разведчиков и арестовывать их агентов из числа граждан СССР и многое другое — и все это было результатом напряженного коллективного труда подразделения, в котором я работал, и наших коллег из других отделов и управлений КГБ СССР, с которыми мы в круглосуточном режиме взаимодействовали многие годы.

Во главе ВГУ КГБ СССР в те годы стояли легендарный контрразведчик Григорий Федорович Григоренко, по учебникам

которого мы учились в ВКШ. Его первыми заместителями были Федор Алексеевич Щербак и Виталий Константинович Бояров.

Они пользовались непререкаемым авторитетом и глубочайшим уважением у коллег и подчиненных.

Первый отдел ВГУ всегда считался элитным в контрразведке. В то время отдел возглавлял полковник Евгений Михайлович Расщепов, его заместителями были Вадим Викторович Косолапов и Аркадий Васильевич Гук.

Именно сотрудники первого отдела принимали участие в разоблачении известных агентов ЦРУ Попова и Пеньковского, работали по сбиту над Уралом летчику ЦРУ Фрэнсису Гарри Пауэрсу.

Поначалу трудно было себе представить, что я окажусь среди таких зубров контрразведки, буду перенимать у них опыт, учиться оперативному мастерству, общению с людьми, работе с документами, но именно так и вышло.

Однако в первый день своего пребывания на Лубянке мне не удалось официально представиться руководству отдела по случаю моего назначения, потому что генерал-лейтенант Федор Алексеевич Щербак, куратор первого отдела (американской линии), велел нам, новичкам, идти не в отдел, а по домам...

Дело в том, что группа выпускников во главе с представителем отдела кадров Высшей школы КГБ, чтобы представиться руководству ВГУ и получить официальные направления в конкретные отделы, пришла в назначенный день в сшитой по заказу военной форме, с лейтенантскими погонами, — красивые, подтянутые, гордые собой и своим внешним видом.

Щербак, «патриарх контрразведки», поздравил нас с окончанием ВКШ, получением высшего и специального образования, сказал добрые напутственные слова, выслушал кадровика, доложившего, в какие отделы мы распределены, а в заключение огорошил нас:

— Вы — офицеры, и это хорошо, что вы гордитесь своим званием и воинской формой. Но все-таки вы не просто офицеры и военнослужащие, с сегодняшнего дня вы — представители специальной службы, оперативные работники контрразведки.

В КГБ необходимо строжайше соблюдать конспирацию, никто из посторонних не должен знать, где вы служите.

В военной форме вам надлежит только фотографироваться на новые удостоверения и прибывать на военные сборы или по тревоге, если на то будет специальное распоряжение.

Чтобы я вас в форме без специального на то указания здесь больше никогда не видел. Отправляйтесь сегодня по домам, а завтра представитесь в отделах, но уже в гражданской одежде.

Только на следующий день я приступил к своей многолетней службе в первом отделе ВГУ.

Функционально наш первый отдел считался «посольским» и вместе с тем «территориальным или региональным», так как в его ведение входил весь Американский континент, то есть Северная (за исключением Канады) и Южная Америки, и «линейным» — главным в координации работы по американской линии, организации взаимодействия других подразделений КГБ на этом направлении.

Первое отделение осуществляло оперативное сопровождение дипломатического и технического персонала посольства США из числа сотрудников Госдепартамента США и выявляло среди них разведчиков ЦРУ, а в случае выявления занималось их разработкой.

Другие подразделения первого отдела ВГУ работали по остальным направлениям — по военным дипломатам, среди которых были разведчики РУМО (Разведывательное управление министерства обороны США), коммерческому бюро при посольстве США, представителям АНБ (Агентства национальной безопасности), а также российским гражданам, которых подозревали в шпионаже в пользу американцев.

Оперативное обслуживание контрразведкой посольств иностранных государств не нарушает их дипломатического статуса и дипломатических привилегий их персонала. Это лишь защита государственных интересов. Во всем мире оперативное обслуживание посольств рассматривается как контрразведывательная деятельность против разведок иностранных государств, использующих посольства в качестве дипломатического прикрытия для своих разведчиков.

Оперативное обслуживание позволяет выявить из числа персонала дипмиссий представителей национальных спецслужб, установить за ними контроль и сковывать их разведывательную активность и деятельность.

Перед первым отделением стояла задача наладить работу против американских разведчиков так, чтобы на базе собственных оперативных мероприятий, а также используя промахи и ошибки американцев, выйти на разоблачение агентуры, с которой ЦРУ поддерживало шпионские отношения.

Это так называемая работа от объекта. По информации из ПГУ (разведка) или по существующим собственным методикам и внешним признакам из сотен дипломатов надо найти объекты (разведчиков ЦРУ) и организовать за ними контроль, в ходе которого научиться различать, какие их действия носят повседневный бытовой характер, а какие связаны с работой с агентами и являются агентурной деятельностью (личные встречи, тайниковые операции и т. д.).

Этим мне и предстояло заниматься в составе первого отделения первого отдела В ГУ.

Быть частью этого контрразведывательного подразделения, организующего работу против посольских резидентур иностранных государств, заниматься оперативными мероприятиями — мечта любого оперативного работника контрразведки.

В 1973 году первое отделение возглавлял полковник Юрий Николаевич Белов. В В ГУ и других подразделениях центрального аппарата его знали практически все — и руководители, и оперативный состав, так как для организации взаимодействия, связанного с проверкой информации о возможной причастности ЦРУ к работе с их объектами разработок, обращались непосредственно к Белову.

Юрий Николаевич был асом своего дела, как никто другой знал посольство США в Москве, помнил всех дипломатов из числа тех, кто подозревался в принадлежности к ЦРУ, лично вел многие оперативные разработки и принимал участие в вербовочных мероприятиях по американцам, был прекрасным агентуристом и мастером проведения нестандартных агентурных комбинаций и комплексных операций против ЦРУ.

Белов учил нас, молодых сотрудников, на личном примере, активно привлекая к участию в различных мероприятиях. Я не помню, чтобы он на кого-либо прилюдно повышал голос, срывал злость или проявлял недовольство в связи с оперативными неудачами, которые эпизодически случались, был по-житейски мудр и уравновешен.

Заместителем Белова был Юрий Иванович Чекулаев. Он и в заграничных командировках (когда служил в разведке), и в Москве, перейдя в контрразведку, многие годы специализировался на работе по американской линии.

Знаком особенностей американского образа жизни, Чекулаев мог подсказать любому сотруднику наиболее правильный и оперативно выгодный путь к достижению поставленной цели. Он был нетороплив и рассудителен, любил во всем порядок и комфорт.

По внешнему виду и манере держаться и одеваться его можно было принять за американца. Юрий Иванович был мастером перевоплощения, и эту его способность с успехом использовала контрразведка.

В те годы первым отделением первого отдела ВГУ во взаимодействии с рядом других подразделений КГБ была создана система перехвата инициативников — людей, по собственному желанию предлагавших в письменном виде или по телефону свои услуги американской разведке.

В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века инициативники составляли основу вербовочной базы ЦРУ.

В поисках инициативников американцами использовался телефонный канал. Лица, возжелавшие продать государственные секреты, звонили на коммутатор посольства США в Москве с просьбой об организации встречи в городе с сотрудником ЦРУ.

Кроме того, не только разведчики, но и кадровые американские дипломаты по указанию резидентуры ЦРУ оставляли в городе свои автомашины с дипломатическими номерами серии D 04 в качестве своеобразного почтового ящика с опущенными стеклами. Потенциальные шпионы бросали в такие «почтовые ящики» обращения к правительству США или к разведке.

Значительное количество подобных обращений контрразведке удавалось перехватывать, и тогда на встречу с инициативником выходил не сотрудник посольства США, а Юрий Иванович Чекулаев, экипированный под американца (для этого в первом отделении существовал специальный гардероб) и мастерски проводивший первичный опрос инициативника на хорошо поставленном английском с американским акцентом.

Цель таких контактов — разобраться в мотивах человека, обратившегося к сотрудникам ЦРУ. Псевдоамериканец Чекулаев даже пытался отговорить инициативника от преступных намерений, ссылаясь на незаинтересованность спецслужб в подобной информации и на недоверие к инициативнику. На первой встрече никакие секретные или иные материалы от собеседников не принимались.

Если человек все же настаивал на повторных контактах с твердым намерением передать в разведку США секретные материалы, то ему давалось дополнительное время для принятия окончательного решения и по его просьбе назначалась следующая встреча.

А уже по итогам следующей встречи принималось решение о задержании инициативника и передаче его следственным органам. Таким образом удалось обезвредить десятки инициатив-ников, и в этом немалая заслуга Юрия Чекулаева.

В состав отделения тогда входили оперативные сотрудники Владимир Соколов, Игорь Смурыгин, Николай Бондаренко, Валентин Михайлов, Роберт Ахмеров, Лев Юрьев, Лев Гаврилин, Анатолий Портяной, Владимир Лейбович, Олег Гусев, Владимир Карасев, Виктор Гончар и пришедший вместе со мной из ВКШ мой однокурсник Юрий Колесников, с которым мы затем вместе проработали вплоть до 2000 года.

В последующие годы происходила смена поколений, и в течение нескольких лет на смену ветеранам пришло пополнение в лице Владимира Бойцова, Александра Филиппова, Юрия Беднякова, Бориса Писарева, Юрия Иванова, Александра Леонтьева, Владимира Буланкина, Алексея Егорова, Никиты Гололобова, Артура Борзунова, Анатолия Челнокова, Александра Говердовского, Алексея Осипова, Виктора Бесчастных, Владимира Круглова, Вячеслава Юдина и других.

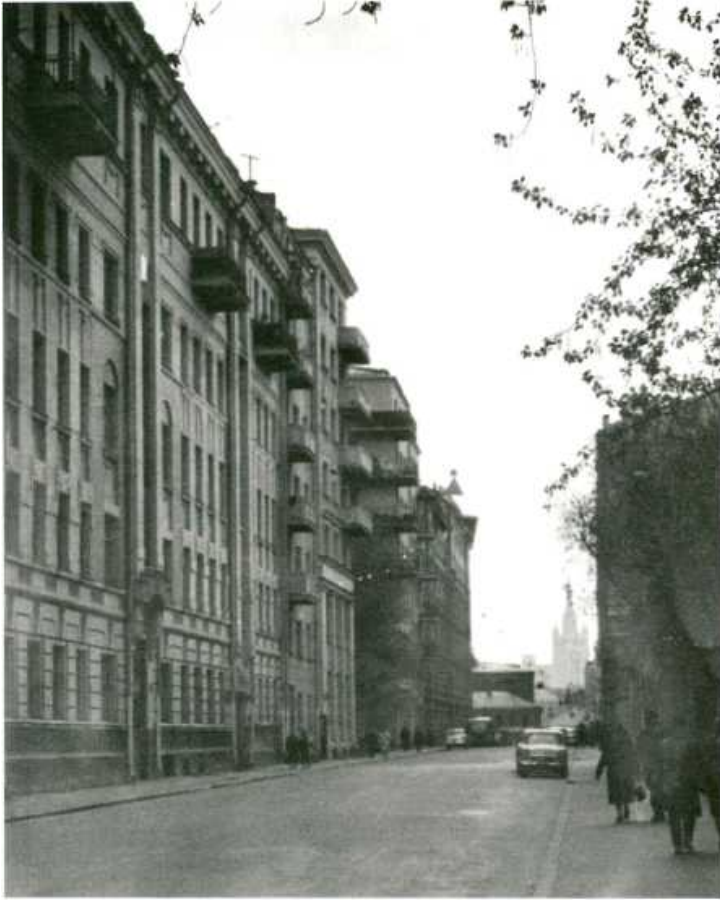
Мне, конечно, хотелось, чтобы мне сразу поручили серьезный участок работы, хотелось произвести хорошее впечатление. Но все оказалось гораздо прозаичнее, чем я полагал.

Так как предыдущим летом я проходил месячную практику-стажировку в первом отделе (моим наставником был Владимир Игоревич Соколов), меня там уже знали и помнили.

В те годы институт наставничества применялся повсеместно по отношению ко всем молодым сотрудникам. Шефство надо мной взяли Юрий Чекулаев и Владимир Соколов, но официальным моим

наставником стал Соколов, ведь он ко всему прочему получил и партийное поручение сформировать из меня опытного оперработника.

Москва, Старопименовский переулок, дом 8. Здесь в квартире на первом этаже прошли детство и юность автора (1944–1968 годы)

С родителями. 1952 год

Спортивная гимнастика. Тренировка в спортзале. 1961 год

Первенство Москвы по гимнастике. Дворец спорта «Крылья советов». 1962 год

С друзьями на ул. Горького. 7 ноября 1961 года

На сборном пункте перед отправкой в армию. 17 июля 1963 года

Дорогобуж, Смоленская область.
Август 1963 года

Помощник офицера-воспитателя в Калининском суворовском военном училище. 1965 год

Съёмки фильма «Война и мир». Сентябрь 1963 года

Первый курс,
Высшая Краснознаменная школа КГБ при СМ СССР. 1968 год

В аудитории в перерыве между занятиями. 1969 год

Перед построением во дворе ВКШ КГБ

Субботник на стадионе «Динамо». 1971 год

Первая группа 2-го факультета, четвертый курс. 1972 год

Выпускной 5-й курс. Первая группа 2-го факультета ВКШ КГБ при
СМ СССР. 1973 год

С родителями. 20 декабря 1997 года

С супругой. 18 сентября 2010 года

Со всеми вопросами я обращался к Соколову, и он на первом этапе давал мне поручения. Он же докладывал Белову обо мне — как я вписывался в коллектив, какие мои успехи, какие недостатки.

Владимир Игоревич человек мягкий и добрый. Очень улыбчивый и доброжелательный, с хитринкой в глазах, с чувством юмора. Он притягивал к себе окружающих готовностью всегда прийти на помощь, делая это всегда бескорыстно. Я чувствовал его живое участие по отношению ко мне. Сильным качеством Соколова было его умение устанавливать контакты с людьми, располагать собеседников в оперативных целях к себе и заручаться их поддержкой для решения контрразведывательных задач.

Я сам был неоднократно тому свидетелем, принимая участие вместе с Соколовым в спецмероприятиях. И многому научился у Владимира Игоревича.

Вопреки моим ожиданиям, в первые дни и недели мне не поручали никакой конкретной работы, и я очень переживал по этому поводу, хотя

мне и выделили рабочее место, стол и стул в кабинете, где сидели Чекулаев и Соколов.

Обстановка в то время в кабинетах была примерно такой, как показано в фильме «Место встречи изменить нельзя», — истертые кожаные диваны, громадные металлические сейфы желтого или грязно-коричневого цвета, столы с зеленой суконной вставкой, испещренной чернильными пятнами, старинные черные телефонные аппараты и громоздкие настольные лампы, допотопные трофейные немецкие пишущие машинки «Ундервуд».

Меня снабдили справочниками нашего первого отдела, управления, дежурных служб, а также списком дипломатов посольства США с наименованием подразделений, где они работали. Я получил ЦУ ознакомиться со всем этим не торопясь, не отвлекая других сотрудников от их повседневных дел.

В последующие месяцы я выполнял исключительно техническую работу. Мне пришлось осваивать делопроизводство, учиться чисто и аккуратно печатать документы на «Ундервуде» — пробные тексты или же проверки по учетам и справки по маловажным вопросам.

Я учился, как выписывать проверки по учетам КГБ и МВД, составлять и оформлять документы, узнавал, где они регистрируются, где происходит их учет, каким образом оформляются шифротелеграммы, как формируется и подшивается с помощью банального шила и нитки с иглой дела оперативного учета и составляются описи, как сдаются дела в архив.

Мой дальнейший опыт показал, что все это чрезвычайно важно — подготовка документов и логичность их содержания. Аккуратность их исполнения как нельзя лучше характеризует деловые и личные качества сотрудников, способствуют плодотворному взаимодействию с другими подразделениями спецслужб.

Я изучил десятки дел оперативных разработок на уже выехавших из СССР по окончании сроков заграникомандировок американских дипломатов, подготовил итоговые справки по имевшимся в тех делах материалам, чтобы сдать дела в архив.

Эти дела вели опытные сотрудники первого отделения Чекулаев, Соколов, а также Смурыгин. Передавая дела в архив, я опустошил их громадные сейфы, которые были забиты до отказа.

Изучение дел дало мне прекрасный опыт и понимание того, как, например, складывается повседневная жизнь в посольстве США в Москве, чем на практике занимаются американские дипломаты, в том числе и разведчики ЦРУ, и главное — как действует контрразведка, какие проводятся агентурные комбинации и оперативно-технические мероприятия.

Пока я несколько месяцев корпел над бумагами, руководство отделения и коллеги ко мне присматривались, оценивали мои личные и деловые качества, прикидывая, насколько я впишусь в коллектив и какую работу можно будет поручить мне в дальнейшем.

И вот меня перевели под начало старшего оперуполномоченного Игоря Смурьгина, он стал моим новым куратором-наставником вместо Владимира Соколова. Я переехал в его кабинет.

У Смурьгина, кроме ряда иных оперативных задач, в разработке было два объекта — американские дипломаты, установленные разведчики ЦРУ Ричард Корбин и Гарри Веттерби. Помимо этого, Игорь вел и всю Службу безопасности посольства США. Он оставил за собой дела на офицеров безопасности, а мне поручил работу по охранникам из Корпуса морской пехоты. Несколько десятков морских пехотинцев осуществляли физическую защиту американской дипломатической миссии и подчинялись Службе безопасности посольства США.

Через некоторое время в моем ведении оказалась вся Служба безопасности посольства, состоявшая из нескольких офицеров. Дополнительно меня загрузили контролем за американскими дипломатами — сотрудниками центрального аппарата Госдепартамента США, приезжавшими в их посольство в Москву в непродолжительные служебные командировки.

В составе Службы безопасности в то время разведчиков ЦРУ не было, офицеры безопасности являлись сотрудниками Госдепартамента США и набирались для работы за границей в основном из числа бывших военнослужащих, ФБР или полиции.

Это был мой первый самостоятельный участок работы в первом отделении первого отдела ВГУ КГБ СССР.

Но уже тогда Смурьгин стал привлекать меня к проведению отдельных дневных и ночных мероприятий по сотрудникам ЦРУ, а также стал брать с собой в краткосрочные командировки по стране.

На рубеже шестидесятых и семидесятых, когда я учился в Высшей Краснознаменной школе КГБ, на лекциях по спец-дисциплинам нам говорили о том, что после провалов в шестидесятые годы агентов ЦРУ Попова и Пеньковского американцы якобы отказались от агентурной работы в СССР из-за жесткого, по их мнению, контрразведывательного режима на территории нашей страны.

По словам наших преподавателей ВКШ, с агентурными источниками из числа граждан СССР американцы с тех пор работали исключительно за границей. А в Советском Союзе агентурной деятельностью ЦРУ практически не занималось. Разведывательная и подрывная деятельность против нашей страны велась американцами только лишь с так называемых легальных позиций, то есть без нарушения законов страны пребывания, а также с помощью технических средств.

Работавшие в Москве дипломаты из состава посольства США, в том числе и сотрудники ЦРУ, имевшие прикрытие Госдепартамента, а также приезжавшие в СССР американские журналисты, бизнесмены и туристы занимались сбором информации только из открытых источников.

Достоверно также было известно контрразведке, что сотрудники РУМО США, военные разведчики из состава атташатов американского посольства, в поездках по стране и по Подмосковию осуществляли визуальную разведку и доразведку объектов военного назначения с помощью технических средств.

Против СССР Агентство национальной безопасности на постоянной основе проводило массированную техническую разведку с помощью спутников-шпионов, самолетов-разведчиков и с территорий сопредельных государств (Турция, Скандинавские страны), а также из здания посольства США в Москве.

Как оказалось, данная позиция советской контрразведки в целом соответствовала действительности. Я это понял, когда пришел в первый отдел В ГУ.

И это же много лет спустя в частных беседах со мной подтвердил бывший начальник советского отдела ЦРУ Милтон Бирден. В силу служебной необходимости я познакомился с ним в 1991 году в Москве и встречался затем и в США, и в Израиле. Я склонен ему верить.

В своей книге «Главный противник» он написал:

«В шестидесятые и семидесятые годы руководство ЦРУ дилетантски и часто крайне неудачно подходило к ведению разведки против Советского Союза. Мимолетные успехи в области агентурной разведки всегда заканчивались провалами.

Разрушительное воздействие на российское направление деятельности ЦРУ имело большое воображение печально известного руководителя контрразведки ЦРУ США Джеймса Энглтона и его паранойя по поводу работавшего на ЦРУ с 1962 года и перешедшего к американцам в 1964 году бывшего сотрудника контрразведки КГБ СССР перебежчика Юрия Носенко.

Энглтон посчитал Носенко агентом-двойником, специально внедренным КГБ в ЦРУ в целях дезинформации относительно убийства Джона Кеннеди, роли в этом Ли Харви Освальда и КГБ и для последующего агентурного проникновения Носенко в ЦРУ.

С учетом этой его позиции любой выход русских инициатив-ников на американцев рассматривался Энглтоном как подстава со стороны КГБ, а оперработники ЦРУ, пытавшиеся организовать агентурную работу по гражданам СССР, сами брались контрразведкой ЦРУ в разработку.

Таким образом, на десятилетие была заблокирована работа московской резидентуры, что привело практически к параличу оперативной работы на советском направлении не только в Москве, но и за пределами СССР».

Как известно, в 1961 году американцы вывезли в США завербованного ими майора КГБ Анатолия Голицына, который попытался убедить своих новых хозяев в том, что в ЦРУ США, а также в спецслужбах Великобритании, Финляндии и ряде других стран работают многочисленные советские агенты, и ему поверили.

Энглтон, возглавлявший в то время контрразведку ЦРУ, на основании показаний Голицына выдвинул теорию широкомасштабного проникновения КГБ в ЦРУ и затеял многочисленные проверки оперработников.

Он запретил ЦРУ привлекать к агентурному сотрудничеству граждан СССР (и в Москве, и за ее пределами), опасаясь, что они специально подставлены американцам КГБ.

А когда в 1964 году в США сбежал другой сотрудник КГБ — подполковник Юрий Носенко, в ЦРУ посчитали, что КГБ его

специально направил в США в целях дискредитации Голицына, чтобы убедить американцев в том, что Голицын — это агент-двойник, дезинформирующий ЦРУ.

В течение четырех лет Носенко содержали в изоляции, проверяли на полиграфе и тщательно допрашивали, чтобы подтвердить версию о том, что он специально заслан КГБ к американцам с целью дезинформации. Но подтверждения этому не нашли.

В восьмидесятые годы яростным борцом с теорией Джеймса Энглтона и сторонником возобновления активной агентурной работы на территории нашей страны стал сотрудник центрального аппарата ЦРУ Бартон Ли Гербер, который с 1980 по 1982 год возглавлял резидентуру в Москве.

Под влиянием Гербера и его соратников в ЦРУ коренным образом пересмотрели доктрину агентурной работы против Советского Союза в сторону ее резкой активизации по двум главным направлениям: возобновление активной работы с инициативниками на территории СССР; возвращение прерванной ранее (под влиянием Энглтона) вербовочной обработки граждан СССР в тех странах, где имелись оперативные позиции у ЦРУ.

В итоге в восьмидесятые годы американцам действительно удалось создать серьезные агентурные позиции в нашей стране и в результате у американцев возникла уверенность в том, что в СССР, невзирая на «жесткий» контрразведывательный режим, возможно вести агентурную работу.

В КГБ, разумеется, начали реагировать на изменение обстановки. Но не так быстро, как того требовала ситуация.

Хотя в первой половине семидесятых уже были разоблачены агенты американской разведки из числа инициативников Калинин, Казачков, Московцев, Григорян и Капоян, а в декабре 1973 года в Ленинграде при изъятии тайника захватили с поличным сотрудника ЦРУ Шорер, советская контрразведка в то время все еще не имела реального представления о посольской резидентуре ЦРУ, масштабах и методах ее работы, а количественный состав московской резидентуры первым отделом В ГУ преувеличивался в несколько раз. В первом отделе В ГУ еще не существовало самостоятельного участка (или центра) по разработке посольской резидентуры ЦРУ.

Преобразования в контрразведке начались лишь только после того, как летом 1975 года в Москве задержали при проведении тайниковой операции американского разведчика Эдмунда Келли, а осенью того же года под Можайском обнаружили два электронных устройства, закамуфлированные под сосновые пеньки и предназначенные для съема информации с военного объекта с последующей ее ретрансляцией на искусственный спутник Земли.

Эти устройства были установлены сотрудниками ЦРУ Ричардом Корбиным (секретарь-архивист секции закупки литературы посольства США) и Гарри Ветгерби (атташе административно-хозяйственного отдела).

С тех операций и началась моя работа на главном направлении деятельности контрразведки — ЦРУ США.

Сперва меня подключили к штабной работе при проведении контрразведкой операции по задержанию Келли.

Однажды летом 1975 года начальник отделения Юрий Белов вызвал меня к себе в кабинет и сообщил, что КГБ спланирована секретная операция против ЦРУ. Время операции и ее исполнитель были не известны. Он велел мне занять временно пустовавший отдельный кабинет, сказав, что в отделе больше никто не должен знать, чем я буду заниматься.

Полковник Белов дал несколько номеров телефонов, по которым я должен был периодически звонить и получать информацию о передвижении по Москве подконтрольных наружному наблюдению КГБ американцев, фиксировать эти данные в письменном виде и в конечном итоге составить справку для доклада руководству первого отдела ВГУ КГБ СССР.

В тот день КГБ успешно провел операцию по захвату сотрудника посольской резидентуры ЦРУ Эдмунда Келли, работавшего в американском дипломатическом представительстве под прикрытием атташе административно-хозяйственного отдела. Его взяли с поличным в момент выброса им из движущейся автомашины тайникового контейнера.

Меня не посвящали в детали операции, и я не знал, кто из советских граждан, вставших на путь измены Родине, находился на связи у Келли (как мне стало известно позже, это были агенты ЦРУ Капоян и Григорян). Но тогда для меня это и не было главным.

Я гордился тем, что меня, единственного из всего отдела, за исключением руководства отдела и отделения, вообще допустили к подобной информации и подготовке документов по ее итогам.

В контрразведывательной операции по Корбину и Ветгерби я уже принимал участие с момента планирования и до полного ее завершения.

Именно после задержания Келли и раскрытия роли Корбина и Ветгерби в операции по внедрению «сосновых пеньков» было принято решение о создании в первом отделении первого отдела Второго главного управления КГБ СССР самостоятельной группы по разработке всей посольской резидентуры ЦРУ.

В задачу группы входила работа по выявлению из состава дипломатов посольства США кадровых разведчиков ЦРУ, их оперативная разработка и анализ деятельности, организация надежного контроля за ними, выявление каналов связи с агентурой ЦРУ, разоблачение агентов из числа советских граждан.

В соответствии с замыслом руководства КГБ планировалось сосредоточить информацию обо всех объектах разработки, о сотрудниках ЦРУ в одном центре, из которого осуществлялось бы единое руководство всеми имеющимися и приданными оперативными силами и средствами.

Новый участок оперативной деятельности поручили старшему уполномоченному Игорю Смурыгину, который возглавил это направление работы, и мне, в то время уже оперуполномоченному.

Если раньше, например, оперативный работник, занимавшийся политическим или экономическим отделом американского посольства, разрабатывал всех без исключения дипломатов из этого отдела, включая и достоверно установленных сотрудников ЦРУ, то после создания нашей немногочисленной группы (на тот момент она состояла только из нас двоих) всех сотрудников ЦРУ, выявленных в различных отделах посольства, оперативные работники первого отделения по указанию руководства стали постепенно передавать Смурыгину и мне.

А мы вдвоем осуществляли их разработку в рамках дел оперативного учета.

Выявленных сотрудников ЦРУ из числа вновь прибывших американских дипломатов мы со Смурыгиным уже сразу закрепляли за собой и вели их дальнейшую разработку.

Вели по несколько дел оперативных разработок на установленных сотрудниках ЦРУ, ежедневно отслеживали деятельность всего состава резидентуры и проводили сопоставительный анализ.

Первоначально мне поручили разработку резидента ЦРУ в Москве Роберта Фултона (работал в посольстве США с 1975 по 1977 год под прикрытием должности первого секретаря политического отдела), а затем и его сменщика Гарднера Хэттавея. Передали мне для разработки сотрудников ЦРУ Гарри Веттерби и Ричарда Корбина, которых раньше вел Игорь Смурыгин, и Джона Гуилшера.

Затем после отъезда американских разведчиков из СССР я вел дела оперативных разработок на других руководителей московской резидентуры ЦРУ: Бартон Гербера, Карла Гебхардта, Мурата Натирбоффа и многих других сотрудников разведки.

Одновременно мы проводили анализ деятельности всех уже уехавших из СССР разведчиков-агентуристов из числа американских дипломатов. В наших руках оказались не только настоящее, но и прошлое московской резидентуры ЦРУ.

Обязанности в группе распределялись таким образом, что Игорь Смурыгин занимался анализом материалов по действиям разведчиков ЦРУ во время их поездок по территории СССР, а я анализировал деятельность ЦРУ в самой Москве.

Анализ — один из основных элементов в работе против разведки иностранного государства. Мне предстояло сопоставлять многочисленные данные о кадровых разведчиках ЦРУ — определить местоположение их рабочих мест в здании посольства и номера служебных телефонов, частоту посещения ими строго охраняемого и защищенного от прослушивания помещения резидентуры, расположенного на седьмом этаже здания посольства на улице Чайковского, использование разведчиками автотранспорта, маршруты их передвижения по Москве и Подмосковию и т. д.

Прежде всего мне помимо иной текущей работы предстояло проанализировать дела оперативного учета. Их вели оперативные работники первого отделения первого отдела. В них концентрировались материалы и на достоверно установленных разведчиков ЦРУ, и на дипломатов, подозреваемых в принадлежности к американской разведке. Также в них содержались материалы по результатам наружного наблюдения за этими лицами.

Я исходил из того, что главное для агента — скрыть от контрразведки КГБ свою преступную деятельность, а для сотрудника ЦРУ — спрятать от КГБ свои агентурные операции, не засветить свою агентуру, организовав конспиративный контакт с ней таким образом, чтобы агента ни в коем случае не обнаружило и не арестовало КГБ.

И чтобы разоблачить агента ЦРУ из числа граждан СССР, работая по дипломатам-разведчикам, мне необходимо было разобраться, каким образом разведка поддерживает конспиративные контакты со своими источниками. Где это происходит?

Только ли в Москве и Ленинграде? А может быть, и во время поездок американских разведчиков по стране в других городах СССР, в столицах союзных республик? А если в Москве, то где конкретно, в какое время суток и т. д.

Для сопоставительного анализа мест, посещаемых разведчиками ЦРУ в Москве, и выявления зон их активного интереса понадобились подробные карты Москвы с отображением на них всех магистралей, переулков и проходных дворов, скверов и парковых зон, но таких общедоступных карт не существовало.

Воспользовавшись тем, что до службы в КГБ я работал в мастерской № 12 «Моспроекта-2», специализировавшейся на реконструкции центра Москвы в пределах Садового кольца, где у меня остались знакомые, я договорился о безвозмездной передаче КГБ СССР копий с так называемых синек-подоснов, на которых подробнейшим образом в соответствующем масштабе отображалась вся Москва.

Эти подосновы применялись архитекторами для изготовления макетов любых районов Москвы. Их закрепляли на деревянных подрамниках, и располагали на них макеты домиков как уже существующей застройки, так и проектируемые новые архитектурные решения.

Маршруты всех (и уехавших, и действующих) разведчиков ЦРУ первоначально выписывались мною в специальные журналы, систематизировались по районам города, а затем с помощью подоснов наносились на кальку для наглядного сопоставительного анализа и выявления точек пересечения их маршрутов — это была достаточно кропотливая работа.

Эти и новые маршруты совместно с представителями Седьмого управления КГБ СССР мы изъездили, что называется, вдоль и поперек.

Пытались поставить себя на место разведчиков ЦРУ и определить конкретные точки в городе, удобные для проведения личных встреч с агентами, для закладок или изъятия содержимого тайников, для нанесения условных графических сигналов, радиовыстрелов, для отрыва от слежки на проверочных маршрутах и т. д. Ставили подобные места на особый учет.

Через несколько десятков лет, когда в КГБ появились компьютеры, наши рукописные и изобразительные материалы стали базой для создания банка данных по деятельности посольской резидентуры ЦРУ в Москве.

Дальнейшее становление участка по разработке посольской резидентуры ЦРУ со второй половины семидесятых годов шло постепенно. Расширялся состав нашей группы, скрупулезно накапливались опыт и знания о формах и методах работы американцев, особенно на фоне первых успешных результатов завязывания и осуществления оперативных игр.

Первый отдел ВГУ и соответственно первое отделение первого отдела традиционно формировались за счет выпускников различных факультетов Высшей школы КГБ СССР. Через некоторое время группу дополнили новички. В числе первых были Владимир Бойцов, Александр Филиппов, Юрий Бедняков и Владимир Беликов.

А Смурыгина назначили заместителем начальника первого отделения первого отдела ВГУ. До службы в КГБ СССР он работал в московском уголовном розыске и дослужился там до звания капитана. Его опыт был полезен и в нашей деятельности. Игорь прекрасно ориентировался в незнакомой обстановке, находил выходы из сложных ситуаций, адекватно реагировал на быструю смену событий, молниеносно принимал правильные управленческие решения.

Смурыгин всегда изысканно одевался, предпочитая яркие галстуки, клубные пиджаки и строгие костюмы. Во всем соблюдал идеальный порядок. Любил песни Евгения Мартынова, пил много кофе и красиво курил (в основном американские сигареты).

Смурыгин был страстным коллекционером фотографий, открыток, значков и любой информации, связанной с советскими и американскими космическими летательными аппаратами, поддерживал знакомства с другими коллекционерами. Изучил биографии всех космонавтов и астронавтов.

Зная о его увлечении, многие сотрудники из других подразделений приносили ему статьи, открытки и сувениры, связанные с космосом, — и он был счастлив, когда коллекции пополнялись.

Его отличали цепкий ум, хватка настоящего оперработника, имевшего опыт работы «на земле», умение переубедить оппонентов и настоять на своем при исключительно интеллигентном поведении — таким был мой первый (и последний) руководитель группы.

Мы со Смурыгиным исходили из того, что только единомышленники, уверенные в своих силах, доверяющие друг другу, пользующиеся взаимной поддержкой и нацеленные на конечный результат, смогут эффективно работать в составе нашей группы.

Для достижения такой атмосферы мы старались вывести отношения за рамки служебных (кабинетных). С новыми сотрудниками ходили в гости друг к другу, знакомились с семьями, приглашали на свои дни рождения всю группу. Объединяющим фактором стал и еженедельный день спортивной подготовки, существовавший в ВГУ.

Оперативный состав выезжал на стадион «Динамо» или «Водный стадион». Там в течение нескольких утренних часов офицеры занимались легкой атлетикой, летом бегали кроссы, зимой — на лыжах, играли в футбол, волейбол или баскетбол, плавали в бассейне, участвовали в соревнованиях и сдавали нормативы.

Ежегодно контрразведчики участвовали и в общественных мероприятиях КГБ, выезжали на субботники, работали на различных московских овощных базах, в подшефном детском доме, убирали территорию на стадионе «Динамо», сажали деревья в подмосковных домах отдыха и санаториях КГБ СССР.

Сформировался тот коллектив контрразведчиков, из которого в дальнейшем было организовано то самостоятельное подразделение, которое в 1983 году было оформлено как первое отделение первого отдела ВГУ, специализирующееся исключительно на разработке ЦРУ.

Начальника первого отделения полковника Юрия Николаевича Белова со временем заменил Игорь Георгиевич Смурыгин, но после инфаркта его перевели с повышением в другое подразделение ВГУ КГБ СССР с более щадящим режимом работы.

После Смурыгина отделение возглавил бывший разведчик полковник Леонид Иванович Голубовский, а меня назначили

помощником начальника первого отдела — руководителем группы по разработке посольской резидентуры ЦРУ.

Глава пятая

Оперативная комбинация и командировка.

Урок страноведения

Молодых сотрудников, независимо от направления их деятельности, руководство первого отделения привлекало к участию в различных комбинациях, чтобы они приобретали опыт агентурной и оперативной практики.

Однажды летом 1974 года начальник отделения полковник Белов пригласил меня, тогда уже оперуполномоченного, в кабинет и дал указание срочно раздобыть для него в Северном речном порту так называемый адмиральский катер с каютой, на котором можно устроить речную прогулку, позагорать на палубе, устроить знатный обед.

Об этом поручении никто из коллег не должен был знать. Иных разъяснений на тот момент мне больше не дали.

Как это сделать, с чего начать, к кому обратиться за помощью при условии секретности задания? Как добиться того, чтобы гражданские портовые чиновники, не задавая лишних вопросов, пошли навстречу КГБ?

В то время удостоверение сотрудника центрального аппарата КГБ открывало практически все двери — таково было отношение граждан СССР к нашему ведомству. Но бюрократия тогда, так же, как и сейчас, играла по своим правилам. Я понимал — только лишь ради уважительного отношения к КГБ вряд ли кто захочет взять на себя материальную ответственность за катер, если что-то с ним случится.

Выяснив, кто и за что отвечает в порту, на свой страх и риск я подготовил гарантийное письмо в адрес начальника порта с просьбой предоставить КГБ СССР конкретный катер с формулировкой «По поручению руководства КГБ СССР» и за подписью полковника Белова.

Письмо одобрили, и мне разрешили провести переговоры с руководством Северного речного порта, которые завершились успешно.

Я был уверен, что на этом моя миссия закончена, но я ошибался. Накануне даты, на которую мною был забронирован комфортабельный катер, Белов сообщил, что и я буду принимать участие в спланированном мероприятии, и ввел меня в курс дела.

Контрразведкой давно разрабатывался один из сотрудников американского посольства, и пришло время Белову, пользуясь подготовленными позициями, познакомиться с ним лично под видом советского чиновника, располагающего широкими связями и возможностями.

Под «позициями» подразумевались директор одного из московских ресторанов и его дочь. Американец с ними познакомился и подружился.

Белову в этой оперативной комбинации отводилась роль хозяина катера, приятеля ресторатора, а мне — подручного Белова и ухажера за дочерью директора ресторана.

В прекрасный солнечный летний день мы, забрав по дороге американца, поехали в порт, погрузились на катер, прекрасно провели время, совершив прогулку от Северного речного порта до Бухты Радости со стоянкой там на пару часов, а затем вернулись обратно.

Поставленную цель достигли — успешно осуществили знакомство с ничем не подозревавшим американцем. Начальник первого отделения решил свою задачу, а я приобрел неоценимый опыт проведения подобных мероприятий.

...В шестидесятые годы в памяти советских граждан еще были свежи воспоминания о послевоенных событиях. Тогда западные спецслужбы воздушным, морским путями и через сухопутную границу забрасывали в СССР вооруженные диверсионные группы с различными разведывательными заданиями.

Государство, используя средства массовой информации (печать, радио и телевидение), художественную литературу, театральные постановки и кинематограф, призывало советских людей к бдительности, прививало им чувство личной ответственности за безопасность Родины.

И вот однажды, уже в середине семидесятых годов, в КГБ СССР поступил сигнал — письмо от советских граждан о том, что в Смоленской области на опушке леса рядом с засеянным пшеницей полем они случайно обнаружили тайник с аппаратурой неизвестного предназначения с надписями на английском языке.

Руководство КГБ СССР поручило Второму главному управлению разобраться, посчитав, что, кроме американцев, такого никто не смог бы себе позволить.

По указанию начальника первого отдела полковника Расщепова меня и Смурыгина направили в командировку, необычную для нас, разработчиков американских дипломатов.

Приказали выезжать на следующий же день.

В оставшееся до отъезда время мы пытались на общедоступных картах разыскать указанный в письме населенный пункт, но нам это не удалось. На помощь пришла военная контрразведка, предоставившая нам армейские топографические карты. На них мы обнаружили тот населенный пункт, о котором шла речь в письме и к которому между лесов и болот вела единственная проселочная дорога.

На следующий день рано утром мы со Смурыгиным, имея при себе табельное оружие, на автомашине-вездеходе Седьмого управления КГБ СССР с установленными на ней смоленскими номерами выехали из Москвы.

Через несколько часов пути мы въехали в Смоленскую область. С помощью местных жителей разыскали ту самую проселочную дорогу, которая вела к интересующему нас населенному пункту.

От местных же мы узнали, что во время Великой Отечественной войны этот населенный пункт не оккупировали немцы, так как просто не смогли добраться туда ни пешком, ни на транспорте. Там всю войну сохранялась советская власть.

Мы двинулись в путь. Поистине это оказалось сказочное Берендеево царство — узкая дорога вела через высоченный, стоявший сплошной стеной лес, а вдоль дороги росли в несметном количестве белые грибы — удивительное зрелище.

А дорога со времен войны вряд ли существенно изменилась — колдобины и канавы с водой. Совершенно не удивительно, что немцы по ней не проехали.

Наш вездеход нырял в воду по самый радиатор, мутной жижей заливало и передние стекла, и салон.

Благодаря искусству нашего водителя, сотрудника Седьмого управления, мы, проехав через лес, все же добрались до населенного пункта. Сбежавшиеся местные жители смотрели на нас как на чудо.

Мы разыскали председателя сельсовета, автора письма, и он, бывший партизан, поведал нам, что это сельские мальчишки отыскивали под деревом непонятную аппаратуру, а он счел своим долгом

проинформировать КГБ, велел мальчишкам о находке держать язык за зубами.

В сопровождении мальчишек, соблюдая меры предосторожности, мы пошли к тайнику. В углублении под корнями дерева обнаружили прикрытые травой две переносные радиостанции с надписями на английском языке.

Наше расследование длилось недолго. Выяснилось, что эти современные радиостанции, вернее, одноволновые передающие устройства (типа уоки-токи) принадлежат комбайнерам МТС, которых прикомандировали в тот населенный пункт для помощи в уборке урожая.

Механизаторы, чтобы не таскать рации каждый день с собой, оставляли их на краю поля, в потайном месте, не догадываясь, что их тайник вскрыли любопытные мальчишки.

Так закончилась моя первая командировка.

В последующие годы по службе мне довелось бывать в различных регионах Советского Союза и России — в Ленинграде, Выборге, Риге, Таллинне, Минске, Бресте, Кишиневе, Одессе, Киеве, Баку, Тбилиси, Ереване, Владимире, Можайске, Суздале, Уфе, Екатеринбурге, Иркутске, Хабаровске и Смоленске.

В заграничных командировках я выезжал во Вьетнам, Монголию, Венгрию, дважды в Болгарию и США, в Израиль.

Страноведение — увлекательнейший предмет изучения, но учебники, пресса и кинофильмы — это одно, а побывать в стране, увидеть все своими глазами — это совсем другое.

Мне посчастливилось осенью 1975 года совершить поездку в США, в страну, против спецслужб которой я работал.

В те годы оперативных сотрудников КГБ включали в состав некоторых делегаций под легендированным прикрытием для обеспечения их безопасности во время пребывания за границей. Таким образом удавалось предотвратить провокации против них со стороны антисоветских зарубежных групп, а это тогда было весьма актуально. А главное, это способствовало решению конкретных контрразведывательных задач.

Меня включили в делегацию Комитета молодежных организаций ЦК ВЛКСМ, направлявшуюся в Чикаго на четвертую традиционную встречу советской и американской молодежи под видом сотрудника

президиума Академии наук СССР, специализирующегося на правовых межведомственных отношениях в системе органов государственной власти.

Делегация состояла более чем из сорока человек, и возглавлял ее первый секретарь ЦК ЛКСМ Украинской ССР. В ее состав входили представители ЦК ЛКСМ союзных республик, известный композитор, бард и исполнитель собственных песен Сергей Никитин, вокально-инструментальный ансамбль «Лучина», эстрадный певец, композитор и актер Полад Бюль-бюль-оглы, Михаил Гусман, впоследствии заместитель генерального директора информационного агентства России ТАСС, Анатолий Торкунов, в настоящее время ректор Московского государственного института международных отношений, хоккеист ЦСКА и сборной СССР Игорь Ромишевский и ряд других ныне известных лиц.

У меня было конкретное поручение от руководства КГБ СССР — обеспечить безопасность, уберечь от возможных провокаций девушку из состава делегации по имени Севиль, дочь члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Гейдара Алиева.

Поездка прошла без каких-либо происшествий, к счастью, никто на спокойствие дочери Алиева не посягал, зато мне удалось своими глазами посмотреть Америку.

Из Москвы мы прилетели в Вашингтон, и я вместе с Сергеем Никитиным около двух суток жил дома у американского безработного.

Он был безработным не потому, что в Вашингтоне для него не было работы по специальности преподавателя, а лишь потому, что не было вакансии преподавателя в конкретном высшем учебном заведении, где он хотел работать.

В другие вузы или колледжи он идти не соглашался. Это в корне отличалось от советской пропаганды о безработице в США.

Он абсолютно не бедствовал, жил на пособие по безработице, ездил на собственном «Саабе» и на судьбу вовсе не сетовал.

Принимающая сторона так спланировала наше время в Вашингтоне, что мы успели везде побывать с экскурсиями.

И в здании конгресса США, и в Белом доме, посетили Арлингтонское кладбище и могилу Джона Фицджеральда Кеннеди, мемориалы Линкольна и Джефферсона, совершили обзорную поездку

по Вашингтону и Аннаполису. Я воочию увидел то, о чем читал и на тему чего сдавал экзамены в Москве на английском языке.

В Вашингтоне, помимо довольно высокого уровня жизни американцев, меня поразило, что на улицах мало пешеходов (за исключением экскурсионных зон). Большая часть вашингтонцев ездила на своих автомобилях.

Из Вашингтона мы перелетели внутренними авиалиниями в Чикаго, где несколько дней проходило заседание круглого стола с американской молодежью.

Во время заседаний мы не чувствовали никакой враждебности со стороны американской молодежи. Они проявляли искреннее любопытство и стремление понять наше отношение к США и международным проблемам, хотели побольше получить информации о жизни в СССР.

Творческая группа нашей делегации дала небольшой концерт, на котором присутствовала немногочисленная русскоязычная американская публика.

Американцы нас пригласили на пикник, мы совершили обзорную поездку по Чикаго, побывали на озере Мичиган, в зоопарке, сходили в кинотеатр на популярный тогда фильм «Челюсти».

В свободное время вечерами к нам подходили и активно пытались вести с нами довольно провокационные разговоры дети эмигрантов, выходцев из СССР. Они противопоставляли себя нам, членам советской делегации, и назойливо пытались доказать преимущества американского образа жизни.

И не только разговоры были провокационными — некоторым членам делегации они предлагали покурить марихуану, сходить в бар или в казино. Там при входе требовалось предъявление документов, удостоверяющих возраст и личность (наши загранпаспорта). Звали в подпольные публичные дома и в кино на фильмы для взрослых.

Никаких происшествий, на которые, может, и рассчитывали эти люди, не случилось.

Во время пребывания в Чикаго мне особенно запомнились несколько событий.

Экскурсия на завод фирмы «Арго», связанной с оборонной промышленностью, однако тот завод, куда нас привезли, выпускал кукурузное масло.

Нас провели по всем цехам и ознакомили с процессом производства масла: от момента, когда железнодорожный вагон с початками кукурузы прибывает на территорию предприятия, сгружает урожай в подземные бункеры для дальнейшей переработки, до момента, когда ящики с бутылками масла с конвейера поступают на погрузку в грузовые машины.

Нас поразила техническая оснащенность предприятия — весь производственный процесс проходил без применения ручного труда.

В центре больших цехов ангарного типа, где шли технологические процессы, были смонтированы кондиционированные закрытые помещения, в которых находилось по два — четыре оператора, и с помощью пульта управления с кнопками и экранами, как в космическом корабле, они контролировали весь производственный цикл.

Запомнилось и посещение чикагского небоскреба, принадлежащего афроамериканцу, владельцу издательства «Эбони».

Мы прошли по издательству, изумляясь роскоши обстановки. Может, это и случайность, но мы нигде не встретили белокожих американцев.

Создалось впечатление от посещения Вашингтона и Чикаго, что в США ярче выражен расизм в отношении белых, чем наоборот.

Наш отель УМСА находился не в центре города Чикаго, и мы часто становились свидетелями, как афроамериканцы нагло и вызывающе себя держали, провоцировали прохожих, пытались затеять скандал. Многие из них, очевидно, были под воздействием наркотиков.

Большое впечатление произвела и наша поездка в штаб-квартиру полицейского управления Чикаго.

Нам показали операционный зал, из которого осуществлялось непосредственное управление всеми подразделениями городской полиции. Тут стояло несколько десятков столов, за каждым сидело по одному оператору-сотруднику, перед которым была смонтированная в столешницу цветная стеклянная карта закрепленного за ним микрорайона с нанесенными на нее домами, улицами и переулками. Горели лампочки, отображавшие в реальном масштабе времени, где находятся патрульные машины полиции. Операторы могли с помощью радиосредств в кратчайшие сроки переместить полицейский патруль в любую точку микрорайона, где случалось какое-либо происшествие.

Нам о подобном уровне технической оснащенности в то время приходилось только мечтать.

С профессиональной точки зрения знакомство с техническим обеспечением полиции, как составной части американских силовых структур, стало главным в поездке. Увиденное позволяло хотя бы теоретически представить себе, каково же материальное обеспечение и каков технический уровень оснащения ЦРУ и ФБР, если даже у полиции США такие продвинутые возможности.

По окончании всех запланированных в Чикаго мероприятий мы перелетели в Нью-Йорк. Там нас на пару дней расселили в американских семьях, где взрослые дети стремились изучать русский язык.

Нью-Йорк поразил небоскребами, магазинами, концертом звезд рок-н-ролла, экскурсиями на смотровые площадки статуи Свободы и самого высокого тогда здания в мире «Эмпайр стейт билдинг».

Нью-Йоркский международный аэропорт им. Кеннеди провожал нас невиданной грозой и страшным ливнем, когда всполохи от молний освещали, как днем, вечернее небо, а ливень стоял сплошной стеной.

Мы возвратились в Москву переполненные впечатлениями от увиденного, осознав, что простые американцы — это достойный уважения, гостеприимный и трудолюбивый народ, достигший многого в самых различных сферах жизнедеятельности.

Для меня эта поездка была очень полезна. В плане понимания образа жизни и мышления американцев.

Всегда в последующей своей работе я исходил из того, что пренебрежительное отношение к противнику никогда не приносит успеха. Противника надо не только изучать, но и уважать — только такой подход приведет к положительному результату.

Часть вторая
ЦРУ — главный противник

Глава шестая

Контрразведка и разведка — взаимоотношения между ними

До тех пор пока существуют государства с административным аппаратом, армией, полицией и судебными органами, будут существовать в этих государствах разведывательные и контрразведывательные службы — это аксиома.

Наличие в странах национальных интересов — политических, экономических, социальных, религиозных обуславливает конфронтацию между спецслужбами иностранных государств, даже несмотря на сотрудничество в некоторых областях, как, например, в сфере борьбы с международным терроризмом.

Противодействие посольским резидентурам иностранных разведок, функционирующим под «крышей» посольства, консульства, военной базы, торгпредства и т. д., есть квинтэссенция противостояния между контрразведкой и иностранной разведкой.

Для добывания секретов иностранных государств разведка использует различные методы. Легальные, когда получает сведения из открытых источников — газеты, книги, телевидение и т. д. И нелегальные, когда использует в качестве агентов граждан интересующих их стран, осуществляет техническое проникновение на объекты, в государственные учреждения, производит перехват каналов связи с помощью технических средств, ведет космическую и военную разведку.

При этом разведывательными сообществами уделяется первостепенное внимание деятельности именно резидентур своих национальных спецслужб.

Разведчики резидентур стремятся добыть оберегаемую государством пребывания информацию, а контрразведка защищает охраняемые законом сведения.

Методы деятельности разведок и контрразведок в различных странах в целом сходны между собой. Различия лишь в национальных особенностях, опыте, силах, финансовых и технических возможностях.

В странах, где исторически традиционно спецслужбы сильны, например в России, США, Германии, Великобритании, Франции, Израиле, Китае и ряде других стран, комплекс контрразведывательных мер по выявлению разведчиков иностранных спецслужб и разработке посольских резидентур задействован в полном объеме.

В тех же странах, где финансовые и технические возможности спецслужб ограничены, контрразведка, конечно, тоже действует, но не в полном объеме реализует свой потенциал, имеющиеся на ее вооружении методы и средства. Тем не менее контрразведка такой страны не становится для иностранной разведки менее опасной с точки зрения расшифровки разведчиков и проведения по ним конкретных мероприятий.

Не секрет, что КГБ СССР организационно, методически и материально помогал специальным службам стран Варшавского договора и ряда развивающихся стран в их антиамериканской, антианглийской, антигерманской и т. д. разведывательной и контрразведывательной деятельности. Мы имели свои представительства при местных спецслужбах, снабжали их передовой спецтехникой и занимались профессиональной подготовкой их кадров.

В свою очередь спецслужбы ряда стран блока НАТО, осуществляя антисоветскую, а в дальнейшем антироссийскую деятельность, находились и находятся в материальной и профессиональной зависимости от США и Великобритании.

В настоящее время в большинстве европейских, азиатских, ближневосточных или африканских государств, где имеются серьезные резидентуры ЦРУ, в их состав входят группы сотрудников, нацеленных сугубо на работу по российскому посольству и российской колонии, и местные спецслужбы традиционно охотно взаимодействуют с американцами на этом направлении.

Основной задачей контрразведки является обеспечение безопасности своего государства и защита его интересов и секретов. В любой стране контрразведка является составной частью государственного аппарата.

Но, в отличие от иных госструктур, ее полномочия выходят за рамки собственно своего ведомства, пронизывают все сферы жизни государства, распространяются на другие госучреждения, так как вопросы национальной безопасности — защита секретов и борьба со

шпионажем на своей территории являются прерогативой контрразведки.

Полномочия контрразведки достаточно широки, в том числе и в сфере разработки посольских резидентур. Ее возможности расширяются за счет использования оперативных и иных ресурсов административных органов, разведки, армии, полиции и других правоохранительных структур своей страны.

Свои задачи любая контрразведка решает путем агентурного и технического проникновения в посольские резидентуры. Создает условия для подготовки и проведения вербовочных мероприятий по установленным сотрудникам иностранных спецслужб. Вскрывает и перехватывает проводимые иностранными разведчиками операции по связи с агентами на тайниковом, радио-, телефонном, почтовом, сигнальном, интернет-каналах связи, а также во время личных встреч.

Степень конфронтации между разведками и контрразведками или обоюдовыгодное взаимодействие между ними обусловлена блоковой зависимостью (НАТО или Варшавский договор), партнерскими межгосударственными связями, доверием, традициями, экономической зависимостью и т. д.

Но иной раз даже очень дружественные страны шпионят друг за другом. Об этом ярко свидетельствуют преданные в 2013 году гласности бывшим сотрудником американских спецслужб Сноуденом материалы о разведывательном контроле Агентства национальной безопасности США за телефонными переговорами руководителей стран блока НАТО.

В КГБ СССР традиционно организация всего комплекса контрразведывательных мер против разведывательных служб иностранных государств и их резидентур, функционировавших под прикрытием посольств этих стран в Москве, была возложена на Второе главное управление КГБ СССР.

Послевоенные годы, начало холодной войны были отмечены жестким идеологическим, политическим и экономическим противостоянием между странами Запада (НАТО) во главе с США и социалистическим блоком (страны Варшавского договора).

Результат холодной войны налицо — социалистический лагерь больше не существует, а СССР, как великая держава, исчез с карты мира в конце прошлого столетия.

На тему многолетнего противоборства спецслужб двух государств, США и Советского Союза, написаны сотни книг как в СССР, так и за рубежом. В том числе книги блестящего контрразведчика, моего учителя генерал-майора Рэма Сергеевича Красильникова. Особенно ярко и подробно он изобразил противостояние между ЦРУ США и КГБ СССР в книге «Новые крестоносцы — ЦРУ и перестройка».

Именно Рэм Сергеевич и его подчиненные добились самых весомых результатов по разоблачению агентов американской разведки в Советском Союзе.

В документах, на совещаниях и в приказах КГБ СССР американцев и спецслужбы США всегда именовали главным противником. Американцы, в свою очередь, называли Советский Союз «империей зла», и к его спецслужбам, КГБ и ГРУ, был аналогичный подход.

Ожесточенное противостояние иллюстрирует и само название уже упоминавшейся мною книги, изданной в США в 2004 году профессиональным американским разведчиком Милтоном Бирденом: «Главный противник. Тайная история последних лет противостояния ЦРУ и КГБ». Высокопоставленный сотрудник ЦРУ специализировался на работе против СССР и в последние годы своей карьеры руководил Советско-Восточноевропейским отделом ЦРУ.

Бирден в книге называет агентов ЦРУ, завербованных американцами в советских загранучреждениях, в разведслужбах и оборонных предприятиях (Поляков, Толкачев, Моторин, Мартынов, Вареник, Пигузов, Южин, Воронцов и др.), рассказывает об их провалах и о выданных ими американцам секретах, показывает роль ЦРУ в осуществлении тайных операций по оказанию помощи афганским повстанцам.

Повествование об исторической дуэли ЦРУ и КГБ завершают главы, посвященные изменениям во взаимоотношениях спецслужб в период распада СССР и всей социалистической системы.

Книга снабжена фотографиями и Рэма Красильникова, и моей, и сотрудника первого отделения первого отдела ВГУ Александра Жомова в качестве представителей КГБ, непосредственных противников ЦРУ.

Моя последняя встреча с Милтоном Бирденом, с которым я знаком с 1991 года, состоялась в отеле «Шератон» в 2003 году в Тель-Авиве, где я работал в посольстве России советником, официальным

представителем ФСБ РФ. Встретились за год до выхода этой книги Милтона.

Бирден тогда упомянул, что заканчивает писать книгу про ЦРУ и КГБ, про то, как эти две всемогущие спецслужбы, сохраняя разведывательную и контрразведывательную антинаправленность, превратились тем не менее из заклятых врагов в партнеров по вопросам защиты общечеловеческих ценностей.

В 2004 году по моей просьбе заместитель директора Моссад запросил экземпляр этой книги из ЦРУ. Книгу доставили из США в Тель-Авив и передали мне израильтяне.

Поскольку США — их вооруженные силы, разведка и контрразведка (ЦРУ, РУМО, АНБ и ФБР), по мнению Политбюро и ЦК КПСС, являлись основной угрозой для нашей страны, то и основные усилия КГБ были направлены на сбор информации именно по американской линии с целью не пропустить признаки подготовки США к началу ракетно-ядерной войны.

Учитывая серьезность и особую важность задач, поставленных перед КГБ руководством страны, к работе по американцам были привлечены многие контрразведывательные подразделения Второго главного управления и другие подразделения центрального аппарата КГБ, а также практически все территориальные органы.

Глава седьмая

Посольство США в Москве и резидентура ЦРУ

Американская дипломатическая миссия занимает особняк посла на Спасопесковской площади, недалеко от Старого Арбата, и два здания, объединенные одной территорией, на Новинском бульваре и в Большом Девятинском переулке.

Основными подразделениями посольства являются политический, экономический и консульский отделы, военные атташаты, группа гражданских помощников атташе по вопросам обороны, отдел прессы и печати (представительство Информационной службы США ЮСИС), служба безопасности, служба шифровальной связи и диппочты, а также административный, хозяйственный, сельскохозяйственный (представительство заграничной сельскохозяйственной службы) отделы.

Эти подразделения и отделы делятся на многочисленные секции, к примеру внешнеполитическую и внутривнутриполитическую, внешнеэкономическую и внутриэкономическую. Имеются отдел кадров и бухгалтерия, секция закупки литературы, гараж, медчасть и т. д.

Военное ведомство и Разведывательное управление министерства обороны США в посольстве представлены военным, военно-воздушным и военно-морским атташатами, а Агентство национальной безопасности — гражданскими помощниками атташе по вопросам обороны.

За безопасность посольства и его физическую защиту отвечает служба безопасности и приданные ей сотрудники корпуса морской пехоты США, за каналы связи — отдел шифросвязи и диппочты.

Помимо этого, в качестве самостоятельных подразделений в состав посольства входят: специалисты Агентства по борьбе с наркотиками, группа представителей центрального аппарата ФБР, представительство Корпуса мира.

Личный состав посольства, включая дипломатический и обслуживающий персонал, в некоторые периоды достигал полутора тысяч человек, особенно в период строительства нового корпуса.

Как следует из Дипломатического листа за 2005 год, изданного Министерством иностранных дел РФ, с которым мне удалось ознакомиться, посольство США в Москве располагало лишь тремястами пятьюдесятью дипломатическими должностями. Но с учетом членов семей дипломатов — мужей, жен и детей, также имеющих дипломатические паспорта, эта цифра увеличивается как минимум в три раза.

Согласно этому штатному расписанию за 2005 год в посольстве, по моим подсчетам, числилось одиннадцать советников, двадцать семь первых секретарей, тридцать девять вторых секретарей, семнадцать третьих секретарей, пятнадцать высших офицеров и сто пятьдесят атташе, из них сорок семь — сотрудники военных атташатов, десять — занимающие должности, аналогичные первым секретарям, шестьдесят один — аналогичные вторым секретарям. Все сотрудники военных атташатов, службы безопасности и отдела шифросвязи и диппочты имеют ранг атташе или помощников атташе.

Штатная численность посольства от года к году может меняться. Одни должности упраздняются, другие вводятся, но в любом случае посольство США остается крупнейшим дипломатическим представительством в Москве.

Американское посольство в рамках выполнения своей основной дипломатической миссии представляет интересы Соединенных Штатов Америки и своих граждан в нашей стране, осуществляет консульские функции, способствует взаимовыгодному развитию и укреплению российско-американских отношений, экономических и партнерских связей в области науки, культуры, искусства и т. д.

Но, помимо этого, Госдепартаментом США по поручению американской Администрации за счет должностей дипломатического состава посольства организовано прикрытие для сотрудников разведки. Они могут работать в различных вышеперечисленных структурных подразделениях посольства, отделах и секциях.

Большой численный состав посольства позволяет американским разведывательным службам с помощью Госдепартамента США достаточно надежно маскировать своих разведчиков среди дипломатов, не имеющих прямого отношения к американской разведке.

В разведывательное сообщество США, по данным самих американцев, входят семнадцать отдельных правительственных

учреждений. Среди них Центральное разведывательное управление играет ведущую роль.

ЦРУ США — основной орган внешней разведки и внешней контрразведки США было создано в 1947 году на базе действовавшего во время Второй мировой войны Управления стратегических служб (УСС).

Штаб-квартира ЦРУ находится в районе Лэнгли, в городке Маклин, расположенном в тринадцати километрах от Вашингтона в штате Виргиния.

Управление выполняет наиболее сложные, опасные и специфические разведывательные задачи — вербовку за рубежом агентуры из числа иностранцев и проведение вне территории США тайных операций.

Под эгидой Министерства обороны действуют Разведывательное управление министерства обороны США и четыре разведки различных родов войск: армейская разведка, военно-морская разведка, разведка военно-воздушных сил и разведка морской пехоты.

К военному ведомству относятся также Департамент оперативной контрразведки, Национальное агентство геопространственной разведки (NGA) и Национальное управление военно-космической разведки (NRO).

Особое место в американском разведывательном сообществе занимает Агентство национальной безопасности США, обеспечивающее глобальный сбор информации по всему миру, в том числе в интересах ЦРУ и военной разведки.

В состав разведывательного сообщества США входят также самостоятельные подразделения отдельных министерств: от Министерства внутренней безопасности — разведка береговой охраны, от Министерства юстиции — Федеральное бюро расследований (ФБР), от Департамента финансов — Секретная служба, от Госдепартамента США — Управление разведки и исследований и Департамент энергетики.

В те годы, когда я работал, мы полагали, что под прикрытием посольства США в Москве представлено не все разведывательное сообщество, а на постоянной основе действуют лишь три основные американские специальные службы: резидентуры ЦРУ, РУМО и пост АНБ.

Но считалось, что только резидентура ЦРУ традиционно является организатором и исполнителем всего комплекса операций по связи с агентами из числа российских граждан и только сотрудникам ЦРУ, имеющим дипломатическое прикрытие, поручалось проведение вне здания посольства США агентурных операций и специальных технических разведывательных мероприятий в России.

Этот уверенный вывод советская контрразведка сделала в результате собственных многочисленных агентурно-оперативных мероприятий против резидентуры ЦРУ в Москве еще в начале восьмидесятых годов прошлого столетия.

Поэтому в первую очередь против резидентуры ЦРУ, против ее вербовочной и агентурной работы, против технического проникновения к охраняемой информации и в современных условиях, как и прежде, сосредоточены усилия российской контрразведки.

Военные атташаты посольства укомплектованы опытными военными разведчиками, стремящимися постоянно расширять и поднимать уровень своих контактов в среде представителей Министерства обороны России.

Американские военные совместно с сотрудниками военных атташатов из других посольств стран НАТО участвуют в различных совместных военных программах, в разведывательных целях совершают многочисленные поездки по всей территории нашей страны, проводят глубокие аналитические исследования состояния и перспектив развития российских вооруженных сил.

Агентством национальной безопасности США на верхних этажах посольства развернут высокотехнологичный пункт радиоэлектронной разведки, работающий в круглосуточном режиме и позволяющий с территории посольства США в Москве вести контроль правительственных коммуникационных каналов связи, различных ведомственных и персональных телефонных переговоров, радиорелейных линий передач, анализировать характеристики излучающих устройств военных и иных объектов в Москве и Московской области и т. д.

Помимо этих резидентур, разведывательное сообщество США представлено в посольстве в Москве многочисленными сотрудниками Управления разведки и исследований Госдепартамента США, а также

отдельными представителями ФБР и Агентства по борьбе с наркотиками.

Кроме того, функциональной обязанностью каждого дипломата, не состоящего в штате какой-либо американской разведслужбы, является сбор легальными методами информации о стране пребывания в той области, в которой он специализируется как сотрудник внешнеполитического ведомства США.

Каждый дипломат обязан готовить аналитические исследования по тематике своей работы, отчеты о контактах с сотрудниками российских учреждений и ведомств, о своих поездках по стране, об уровне и состоянии американо-российских отношений и предложения по их дальнейшему использованию в интересах США.

Таким образом, помимо дипломатических и консульских функций, посольство США в Москве является центром сбора всеобъемлющей информации о нашей стране.

И хотя резидентуры американских спецслужб функционируют автономно, все-таки вся эта разведывательная машина находится в ведении посла США в Москве, он является главным представителем американской администрации на территории нашей страны и, стало быть, несет персональную ответственность за создание условий для успешной работы американской разведки.

Все выводы и о количественном составе, и о методах работы посольской резидентуры ЦРУ были сделаны нами исключительно на основе практических знаний о ее деятельности, полученных с помощью повседневной, кропотливой работы контрразведки, наших вербовочных мероприятий по американцам, захватов их с поличным и главное — на основе многих оперативных игр, в организации которых автору посчастливилось принимать участие.

Так, в семидесятые годы мы в первом отделе В ГУ ошибочно считали, что посольская резидентура ЦРУ состоит из нескольких десятков сотрудников.

По нашим приблизительным подсчетам, резидентура достигала пятидесяти, а то и шестидесяти человек, так как в ее состав мы включали большинство американских дипломатов из внутривластной секции политического отдела, отделов культуры, прессы и печати и консульской секции, контактировавших с советскими гражданами — диссидентами и так называемыми отказниками,

которым по различным причинам, в том числе и по причине осведомленности об особо охраняемых государством сведениях, отказали в выезде из СССР.

Ушли годы, чтобы к началу восьмидесятых понять, как устроена резидентура в целом, определить почерк и тактику работы американцев и осознать, что сотрудникам ЦРУ контакты с гражданами Советского Союза в то время были не просто не нужны, но и запрещены.

Разведчики ЦРУ, как правило, таких контактов избегали, а если ситуация не позволяла сделать этого, в дальнейшем контакты все равно развития не получали. Делалось это американцами в интересах собственной безопасности, чтобы исключить нежелательные связи с агентами или оперативными сотрудниками российской контрразведки, скрывающимися под личиной инициативников.

В итоге мы достоверно установили, что в действительности, несмотря на многочисленность персонала американского посольства, оперативный состав резидентуры ЦРУ всегда был не столь велик, как считалось ранее. Включая резидента, его заместителя и шифровальщиков, состав никогда не превышал полутора десятков человек.

Но с учетом того обстоятельства, что жены почти всех разведчиков ЦРУ имели оперативную подготовку и часть из них принимала личное участие в агентурных акциях, в том числе и самостоятельно, а другая часть работала в качестве технического персонала и секретарей в помещении резидентуры, состав посольской резидентуры ЦРУ в Москве практически мог быть увеличен вдвое.

Помимо этого, в посольство США в Москву эпизодически откомандировывались на короткий срок различные специалисты ЦРУ — от аналитиков до высококлассных технических специалистов.

Резидент ЦРУ замещал в посольстве должность первого секретаря политического отдела, а с середины восьмидесятых годов резидент традиционно занимает в посольстве должность советника по региональным вопросам, а его заместитель является первым секретарем политического или экономического отдела.

С начала девяностых годов эти же лица объявляются официальными представителями ЦРУ в Москве, которым поручены открытые контакты с российскими спецслужбами по вопросам взаимной заинтересованности, таким, например, как ядерная

безопасность, борьба с международным терроризмом, организованной преступностью, наркотрафиком, разрешение конфликтных ситуаций между нашими службами.

В семидесятые — девяностые годы московскую резидентуру возглавляли такие квалифицированные сотрудники ЦРУ со значительным опытом работы против нашей страны за границей, как Роберт Дюмейн (1971–1973) Дэвид Барри Келли (1973–1975), Роберт Фултон (1975–1977), Гарднер «Гэс» Хэттавей (1977–1980), Бартон Ли Гербер (1980–1982), Карл Гебхардт (1982–1984), Мурат Натирбофф (1984–1986), Джек Даунинг (1986–1989), Майкл Кент Клайн (1989–1991), Дэвид Рольф (1991–1993), Джеймс Моррис (1993–1994), Рольф Моуэт-Ларсен (1994), Майкл Сулик (1994–1996), Стивен Каппес (1996–1999).

За годы моей работы против ЦРУ, помимо резидентов Фултона, Хэттавея, Гербера, Гебхардта, Натирбоффа, я вел также дела оперативных разработок на разведчиков ЦРУ Ричарда Корбина, Гарри Веттерби, Джона Гуилшера, Чака Ливена и Грея Макгрегора.

Я помню также и других сотрудников резидентуры ЦРУ, которыми мы активно занимались в те или иные годы, — оперативные работники Алмер, Аллен, Богатыр, Бауман, Вайтхед, Вилсон, Грищук, Даннинберг, Олсен, Огилви, Осборн, Петерсон, Планкерт, Прайс, Палмер, Рейнольдс, Робинсон, Саттер, Синал, Спархок, Селлерс, Сайтс, Таубе, Залуцки, Келли, Крокетт, Колт, Либернайт, Макдональд, Майерс, Макмэхен, Мюллер, Монтроул, Норвилл, Фицджеральд, Хамильтон, Хенсен, Шорер, Энгл, Эренфрейд, Якли — и это неполный список.

Оперативный состав резидентуры формируется как из мужчин, так и из женщин, замужних и незамужних, в дипломатических рангах первых, вторых или третьих секретарей, атташе, гражданских помощников атташе по вопросам обороны или вице-консулов.

Усилия резидентуры ЦРУ сосредоточены как на зашифровке своего личного состава, так и на сокрытии своей конспиративной деятельности по организации связи с агентами из числа советских (российских) граждан, завербованных за пределами СССР (России) и готовых продолжать шпионский контакт с ЦРУ на территории нашей страны.

Резидентура привлекает к сотрудничеству и проводит оперативную проверку надежности инициативников, а также операции по установке

и эксплуатации АУТР (Автоматические устройства технической разведки) и других технических средств разведки.

Должности прикрытия для сотрудников ЦРУ, как нам в то время стало известно, были распределены по разным отделам — политическому, экономическому, консульскому, административно-хозяйственному, отделу кадров, в службе безопасности, в секции закупки литературы, финансовой секции, в группе гражданских помощников атташе по вопросам обороны и некоторых других подразделениях посольства США в Москве.

Московская резидентура ЦРУ, так же, как и немногочисленная опергруппа ЦРУ, функционирующая под прикрытием Генконсульства США в Санкт-Петербурге, подчинена управлению Центральной Евразии Оперативного директората ЦРУ, ранее именовавшемуся советским отделом, а затем отделом СССР и стран Восточной Европы.

По нашим представлениям, относящимся к тому времени, оперативный состав посольской резидентуры ЦРУ в Москве состоял из двух основных частей, не считая шифровальщиков и технического персонала.

Первая и большая часть резидентуры — это разведчики ЦРУ, включая резидента и его заместителя, которых американцы сами считали в той или иной степени расшифрованными нашей контрразведкой.

Они, как правило, не в первый раз находились в загранкомандировках и в предшествующие годы имели за рубежом контакты с представителями российских внешнеполитических ведомств, из-за чего, по мнению самих американцев, и попадали в поле зрения наших спецслужб.

Эти сотрудники разведки не афишировали, но и не скрывали в посольстве своей ведомственной принадлежности, более того, практически все американские дипломаты знали их как сотрудников ЦРУ.

Они поддерживали открытые служебные и внеслужебные контакты с другими сотрудниками ЦРУ и все свое рабочее время проводили в основном в зоне безопасности посольства.

Обязанностей по прикрытию практически не выполняли, в функциональных отделах посольства числились формально и лишь

эпизодически появлялись там на рабочих местах, с тем чтобы «чистые» дипломаты не забывали об их существовании.

К контактам с российскими гражданами они не стремились, однако от случайных контактов особо рьяно не уклонялись, но и глубокого развития подобные контакты, как правило, никогда не получали.

Основными функциями таких сотрудников по линии разведки, помимо рутинной работы в резидентуре, были изучение и контроль обстановки в городе, подбор и документирование проверочных маршрутов и мест, удобных для проведения тайниковых операций и личных встреч с агентами. Они подбирали места для постановки условных графических сигналов, исследовали районы проведения операций с использованием аппаратуры ближней радиосвязи.

Они также специализировались на изучении режима и тактики работы нашего наружного наблюдения. Выявляли, какие наружное наблюдение (НН) использует радиочастоты.

По большому счету их задачей всегда являлось отвлечение на себя сил и средств контрразведки.

И тем не менее эти разведчики участвовали и в агентурных операциях ЦРУ — изымали тайниковые контейнеры, осуществляли радиовыстрелы или односторонний прием ближних радиопередач, выставляли автомашины в качестве условных сигналов, считывали условные графические метки на маршрутах следования из дома в посольство, и наоборот.

В самых серьезных агентурных акциях, провал которых приведет к неминуемому разоблачению агента (личные встречи с агентами, закладки для них тайниковых контейнеров, отправление писем в их адреса), эти сотрудники ЦРУ принимали участие лишь в исключительных случаях, если не было возможности направить на такую операцию сотрудника из второй части резидентуры, разведчика, находящегося в посольстве в Москве под глубоким прикрытием.

Вторая и наиболее важная и оберегаемая часть резидентуры, малочисленная и особо оберегаемая группа, — это сотрудники глубокого прикрытия. Сами американцы называют таких разведчиков *clean slot*, то есть «чистый след».

Эти разведчики, как правило, молоды и, как правило, впервые направляются в заграникомандировку. Они никогда не попадали в поле зрения российских дипломатов или сотрудников советской

(российской) разведки, прошли подготовку к заграничным командировкам по линии ЦРУ на специальных виллах, а не в штаб-квартире ЦРУ.

По линии Госдепартамента США такие разведчики часть подготовки к командировке в СССР проходили в составе учебных групп подготовки американского внешнеполитического ведомства в Вашингтоне и являлись как бы своими для дипломатов.

Об их истинной ведомственной принадлежности в посольстве, кроме посла и руководства резидентуры, никто не должен знать. Им не рекомендованы внеслужебные контакты с другими разведчиками ЦРУ. Помещение круглосуточно охраняемой резидентуры в зоне безопасности они открыто не посещают.

Эти сотрудники ЦРУ ведут очень спокойный и размеренный образ жизни, стараясь не привлекать к себе внимание ни своего, американского, окружения, ни тем более контрразведки.

По месту службы в подразделениях посольства они не формально, а реально целиком и полностью отрабатывают свои функциональные обязанности по прикрытию. Ведут себя как обычные карьерные американские дипломаты.

Их должности в подразделениях посольства в большинстве случаев не предполагают контактов с российскими гражданами (но бывают и исключения). Они и члены их семей избегают любых контактов, опасаясь подходов оперработников контрразведки, подвода агента КГБ (ФСБ) или социально нежелательных элементов.

Они дружат семьями в основном с «чистыми» американскими дипломатами.

После работы, как правило, возвращаются домой, не отклоняясь от привычных маршрутов, а в выходные дни их поездки по городу ограничиваются близлежащими магазинами и общепосольскими мероприятиями — выездами на концерты, в рестораны, на дачу посольства.

Если за такими разведчиками контрразведкой и выставляется периодическое наружное наблюдение для их изучения, то они не предпринимают мер к его выявлению или отрыву от слежки, с тем чтобы не раскрыть своих профессиональных навыков.

Но именно этим разведчикам руководство ЦРУ поручает наиболее сложные и ответственные мероприятия по линии резидентуры —

закладки тайниковых контейнеров и, главное, конспиративные личные встречи с агентами.

Эта категория сотрудников посольской резидентуры ЦРУ всегда особо охраняется руководством резидентуры, чтобы не допустить их расшифровки перед американским окружением и контрразведкой стран пребывания.

А вот первая часть резидентуры, не скрывающая своей принадлежности к ЦРУ, для отрыва от слежки применяла различные ухищрения, которым их обучали перед командировками в нашу страну.

Мы неоднократно фиксировали случаи, когда эти разведчики для создания условий по бесконтрольному пребыванию в городе (чтобы сделать закладку тайника для агента или для проведения с ним кратковременной личной встречи) использовали характерные тактические приемы. Они выезжали из дома для проведения операции ближе к полуночи или на рассвете, в пять — семь часов утра. В эти временные промежутки наружное наблюдение, если оно не круглосуточное, прекращает работу или еще не выставлено. А если круглосуточное, то город или уже пустой, или еще пустой, и оторваться от слежки не представляет труда.

В отдельных случаях в целях маскировки разведчики надевали парики и маски, изменяющие внешность, наклеивали бороды и усы. Мужчины иногда маскировались под женщин или под других мужчин, использовали автомашины других «чистых» американских дипломатов, соседей по подъезду, переодеваясь и маскируясь под них.

Разведчики ЦРУ хорошо отработали прием выезда из посольства в микроавтобусах с затемненными стеклами и «выброса» из автомашин одного из сотрудников ЦРУ другим в мертвых зонах, не контролируемых нашим наружным наблюдением, на сложных проверочных маршрутах.

В середине восьмидесятых, как нам стало известно, разведчики-агентуристы резидентуры ЦРУ, действовавшие в Москве под дипломатическим прикрытием, для отрыва от слежки стали применять не только маски, но и изготовленные в Лэнгли резиновые куклы-манекены.

Операция ЦРУ по отрыву разведчика от слежки с использованием манекена требовала дополнительной тренировки, но эффект от ее успешного проведения обеспечивал безопасность операции.

Разведчик с женой (жена за рулем) выезжали из дома (или из посольства) и следовали по заранее подобранному маршруту, на котором расположение улиц и переулков позволяло на несколько мгновений попасть в мертвую зону, невидимую для сопровождающего их наружного наблюдения.

В одном из таких мест жена притормаживала, а разведчик быстро выскакивал из машины и скрывался, к примеру, в подъезде жилого дома или в ближайшем проходном дворе. Одновременно с этим его жена нажатием кнопки или рычажка на миниатюрной коробочке, оставленной ее мужем-разведчиком на сиденье, выпускала из коробочки, как джинна из бутылки, куклу-манекен, похожую на ее мужа и внешностью, и одеждой. Кукла надувалась и занимала место разведчика на переднем пассажирском сиденье.

После мертвой зоны наружное наблюдение возобновляло контроль за автомашиной американского разведчика, но бригада НН все так же издали лицезрела знакомый силуэт разведчика и убеждалась, что он сидит в своем автомобиле и ничего существенного не произошло.

Чтобы еще больше ввести в заблуждение сопровождающее НН, жена разведчика с помощью тросика могла поворачивать голову куклы, «оживляя» ее — словно женщина-водитель о чем-то беседует со своим мужем.

Сотрудники ЦРУ неоднократно отрывались от слежки и в городе, и на загородных трассах, дерзко нарушая правила дорожного движения.

Москвичам хорошо известен узкий, с односторонним движением Третьяковский проезд, соединявший в прошлом проспект Маркса (ныне Театральный проезд) с улицей 25 октября (ныне Никольская).

Однажды две автомашины с сотрудниками ЦРУ одновременно выехали из посольства США и друг за другом проследовали в центр города, свернув с проспекта Маркса в Третьяковский проезд.

Первая машина, в которой находился в качестве пассажира сотрудник ЦРУ Джерри Энгл, резко увеличила скорость. Вторая машина остановилась в середине проезда и встала боком, перегородив проезд, заблокировав автомашины НН.

Когда через некоторое время наружное наблюдение увидело первую автомашину, дерзко оторвавшуюся от слежки, и возобновило наблюдение за ней, то Джерри Энгла в автомобиле уже не было.

Американский разведчик возвратился в посольство США лишь через несколько часов бесконтрольного пребывания в городе.

Подобные эпизоды в действиях кадровых сотрудников ЦРУ из состава московской резидентуры уверенно квалифицируются контрразведкой как создание надежных условий для проведения ими операций по связи со своими агентами.

Глава восьмая

Оперативные мероприятия ЦРУ

На территории США ФБР во взаимодействии со штаб-квартирой ЦРУ использует в полном объеме мощный комплекс всех имеющихся на их вооружении сил и средств (агентура и оперативная техника) для проведения мероприятий вербовочного характера против граждан нашей страны, при этом безусловным первичным объектом устремлений американцев являются наше посольство, его дипломаты, резидентуры СВР и ГРУ.

В Штатах прерогативой контрразведывательных операций обладает ФБР. Бюро использует свои оперативные возможности для тщательного изучения иностранцев с целью дальнейшей вербовки, и это касается не только дипломатов.

В третьих странах сотрудники ЦРУ, которому законодательно предоставлено право ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности вне пределов США, имеют возможность или самостоятельно, или во взаимодействии с национальными разведывательными и контрразведывательными службами организовывать вербовку россиян или местных граждан страны пребывания.

Российская линия для американских специальных служб и там является приоритетной.

Агентура — основное оружие ЦРУ. Именно на агентурную разведку за рубежом направлены усилия американской разведки.

Американцы уверены, что только агентурная разведка является незаменимым и единственным средством проникновения в планы и намерения противника и только агентурная разведка позволяет снабжать американское руководство бесценными сведениями, позволяющими принимать выверенные политические и экономические решения.

В активе ЦРУ вербовки в различных странах высокопоставленных политических, государственных и военных деятелей, научных сотрудников, журналистов и бизнесменов. Это позволяет США через таких агентов влияния воздействовать на политический курс той или

иной страны, решать в своих интересах важные государственные, военные, социальные и политические проблемы.

Особое место в вербовочных устремлениях ЦРУ занимали и занимают представители разведывательных и контрразведывательных служб как стран-противников, так и союзных и дружественных США стран. Но вербовка гражданина СССР у американцев всегда считалась серьезным достижением.

В СССР агентура использовалась ЦРУ для получения информации о деятельности партийно-государственного аппарата, об оборонно-промышленном комплексе, новейших видах вооружения, научных достижениях, органах КГБ (разведка и контрразведка) и МИД СССР.

Чтобы завербовать советских граждан, американцы за рубежом шли буквально на все, не гнушались нечистоплотными приемами — подкуп, шантаж, материальная, сексуальная и иные зависимости. В ход шло все подряд — пристрастие объекта вербовки к алкоголю, финансовая нечистоплотность, неудовлетворенность семейной жизнью.

Но решающим фактором решения ЦРУ о вербовке гражданина нашей страны являются не политические убеждения кандидата на вербовку, не особые его деловые или личные качества, а уровень доступа к важной секретной информации.

Американцами принят на вооружение такой универсальный метод, как прямой вербовочный подход к интересующим их россиянам. Предлагают очень крупное денежное вознаграждение, склоняют к сотрудничеству, к примеру, за подарок в один миллион долларов, причем делается это как бы с ходу, без предварительного тщательного изучения объекта.

Но американскими спецслужбами и у себя дома, но чаще на территории третьих стран используется схема так называемой классической мягкой вербовки, включающей спланированное знакомство с российским гражданином с последующей дружбой семьями и постепенным втягиванием его в предоставление секретной информации.

Южнее Вашингтона недалеко от городка Вильямсбург располагается Центр подготовки оперативного состава ЦРУ — разведывательная школа, именуемая самими американцами Фермой.

На Ферме готовят как аналитиков ЦРУ для работы в Аналитическом директорате ЦРУ, так и будущих оперативных

сотрудников для работы в Оперативном директорате ЦРУ, тех, кому предстоят неоднократные заграничные командировки под различными прикрытиями.

Курсантам ЦРУ, согласившимся на работу за границей под прикрытием, в том числе и дипломатическим, помимо физической, военной, языковой и специальной технической подготовки, преподается Курс оперативной подготовки разведчика.

По словам сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, арестованного ФБР совместно с ЦРУ в феврале 1994 года за шпионаж в пользу СССР, курсантам при изучении ими этого курса на Ферме внушают, что они являются элитой не только ЦРУ, но и всего разведывательного сообщества США, они отобраны из множества других претендентов для этой работы потому, что они самые яркие и лучшие из лучших.

Им не устают повторять, что будущая работа и ее результаты исключительно важны для существования Соединенных Штатов Америки.

В оперативной практике курсантам во имя интересов США предлагается взять на вооружение такие неджентльменские приемы, как ложь, использование недостоверной информации, навязывание своей воли, подкуп и т. д. Моральные ограничения в агентурной работе касаются лишь жизни и здоровья людей, и то лишь в том случае, когда это не затрагивает жизненно важных интересов США.

И главное, что внушают курсантам, — на них не распространяются законы иностранных государств — стран пребывания. Они не должны подчиняться им, так как они находятся под защитой и юрисдикцией исключительно Соединенных Штатов Америки.

На Ферме для будущих разведчиков в рамках основного курса разработана универсальная программа подготовки сотрудников зарубежных резидентур по приобретению агентурных источников, схематично включающая поэтапные действия разведчиков-агентуристов. Эти этапы Олдрич Эймс описывает следующим образом.

На первом, оценочном этапе поочередно, шаг за шагом, должны быть решены три задачи. Надо выяснить, какая информация в стране пребывания необходима ЦРУ; идентифицировать конкретных лиц из числа местных граждан или иностранцев, обладающих этой информацией, и, наконец, выбрать одного из этих людей в качестве

объекта вербовочной разработки, который условно обозначается как Цель.

Первичная оценка является очень важным шагом, позволяющим ЦРУ найти наиболее подходящего для вербовки человека и определить, какой доступ потенциальный агент имеет к разведывательной информации, каковы перспективы его карьерного роста и сможет ли Цель вести двойную шпионскую жизнь.

На этом же этапе необходимо разобраться и с вероятными мотивами потенциального агента к сотрудничеству с ЦРУ, а это могут быть деньги, карьерные и жизненные амбиции, идеологические соображения или принуждение.

Когда мотивы и слабые места Цели определены, составляется план вербовки, где сотруднику ЦРУ предстоит выбрать наиболее подходящий способ оказания влияния на объект вербовочной разработки — подкуп, материальная или иная зависимость, устрашение, интимная близость, порочащие связи, алкоголизм, наркомания, интимные слабости, какие-либо увлечения и т. д.

Для установления первичного контакта с Целью сотрудникам ЦРУ рекомендуется прибегать к услугам вспомогательной агентуры, способной обеспечить сближение с объектом таким образом, чтобы последний не заподозрил сотрудника ЦРУ в истинных намерениях.

Например, если сотрудник ЦРУ ведет вербовочную разработку российского дипломата, играющего в клубе в теннис, то он должен подобрать из числа членов этого клуба кого-либо, с тем чтобы это третье лицо организовало знакомство и представило сотрудника ЦРУ российскому дипломату.

После личного знакомства с Целью сотруднику ЦРУ рекомендуется завязать дружеские отношения с объектом разработки по принципу — чем более тесные дружеские отношения сложатся между оперработником и Целью, тем больше у оперработника шансов использовать своего подопечного в интересах ЦРУ.

Наилучшим способом втягивания Цели в агентурные отношения, оформляющиеся вербовкой, считаются просьбы со стороны оперработника к Цели передавать на первоначальном этапе не секретные, незначительные по содержанию документы из посольства.

Необходимо, как считают на Ферме, приучить Цель безбоязненно приносить документы и получать за это щедрое денежное

вознаграждение, формируя у него таким образом материальную зависимость от оперработника ЦРУ.

Иногда, по словам Эймса, проходят месяцы со дня первичного контакта сотрудника ЦРУ с Целью до того момента, когда вербовочный подход закрепляется согласием Цели на конспиративные агентурные отношения с оперработником ЦРУ.

Затем следует обучение агента, руководство им для обеспечения работоспособности и его безопасности.

Взаимное доверие, дружеские личные отношения, переходящие в дружбу, и терпение — вот базисные принципы, лежащие в основе удачного вербовочного подхода.

Считается, что оперработник хорошо и добротнo сделал свое дело, если своими умелыми действиями он приводит отношения с агентом к этапу, когда агента можно передать на связь другому оперработнику и агент продолжит работать без ущерба для его морального и психологического состояния не на лично его завербовавшего офицера ЦРУ, а на другого оперработника. И уже осознанно на Центральное разведывательное управление США в целом.

Эта описанная Эймсом схема классического вербовочного подхода стандартно используется ЦРУ против граждан нашей страны практически во всех странах и на всех континентах, где они расценивают контрразведывательный режим для себя как благоприятный.

В дополнение к проведению собственных мероприятий американцы на дружественных по отношению к ним территориях активно взаимодействуют с местными спецслужбами на российском направлении — финансируют их, снабжают спецтехникой для электронно-технического проникновения в российские посольства и иные учреждения.

Взамен местными спецслужбами передается американцам информация, снимаемая с кабельных, радиальных и иных линий связи наших дипломатических и других внешнеполитических, общественных, гуманитарных, экономических миссий и представительств.

Что касается нашей страны, то на территории СССР, а затем и в России эта схема, о которой рассказал Олдрич Эймс, не работает, во

всяком случае, мы в то время не имели достоверной информации, опровергающей этот вывод.

Исходя из имеющегося у нас опыта можно утверждать, что основные вербовочные мероприятия по схеме классической вербовки в отношении граждан России, описанной Эймсом, проводятся американцами за пределами нашей страны, только на территории США или третьих стран.

Для этого есть ряд причин, но главная из них — ЦРУ исходит из того, что в России контрразведывательный режим для американцев чрезвычайно жесткий.

В этих условиях стандартная схема классической вербовочной работы, когда сотруднику ЦРУ надо открыто встречаться с российским гражданином, неминуемо, по оценке американцев, приведет к расшифровке контактов оперработника ЦРУ с потенциальным агентурным источником, что делает эту схему работы ЦРУ на территории России неприемлемой.

Именно поэтому, во избежание привлечения офицеров американской разведки к уголовной ответственности в случае их провала, для связи с агентурой к нам командируются сотрудники ЦРУ исключительно под дипломатическим прикрытием, хотя американцы обоснованно считают, что российская контрразведка круглосуточно контролирует и само американское посольство, и личный состав посольской резидентуры ЦРУ.

А такое прикрытия для американских разведчиков-агентуристов, как работа корреспондентом, деятельность коммерсанта или представителя общественных и гуманитарных организаций, приезд просто в качестве туриста, для работы с агентурой в нашей стране не используется, поскольку нет дипломатической неприкосновенности. Во всяком случае в прошлом веке мы подобной информацией не располагали.

Помимо вербовки за границей нам достоверно известны следующие способы вербовки ЦРУ советских граждан.

Московской посольской резидентуре ЦРУ передавались на связь агенты, ранее завербованные ЦРУ, ФБР или РУМО за пределами России, если по каким-либо причинам у них не было возможности регулярно выезжать за пределы нашей страны, и уже посольская

резидентура ЦРУ продолжала поддерживать в Москве конспиративные контакты с этой категорией агентов.

Посольская резидентура ЦРУ самостоятельно организовывала агентурные мероприятия с так называемыми инициативниками, которые в Москве конспиративно вступали в контакт с американцами в городских условиях, например подбрасывали письма с предложением своих шпионских услуг в автомашины, которые сотрудники ЦРУ преднамеренно оставляли с приоткрытыми окнами в качестве почтовых ящиков, или передавали записки-обращения американским дипломатам для передачи их в ЦРУ.

В 2016 году ВГТРК удалось взять интервью у вышеупомянутого бывшего руководителя Советского отдела ЦРУ Милтона Бирдена, а также у еще двух разведчиков ЦРУ, Майкла Селлерса и Джина Койла, которые работали в посольстве в Москве под дипломатическим прикрытием вторых секретарей политического отдела диппредставительства США в период, когда их оперативной деятельностью руководил из Вашингтона Бирден.

Вот что рассказал Милтон Бирден о подходах московской резидентуры к работе с инициативниками:

«Перед резидентурой ЦРУ в Москве начиная с семидесятых годов стояла задача быть готовыми использовать любые возможности, которые могли появиться, будь то доброволец как Адольф Толкачёв, или другие, которыми мы смогли воспользоваться в то время. Наши задачи можно описать как “ожидание удобного случая ” и затем “использование благоприятной возможности ”».

Известны также случаи, но достаточно редкие, когда посольской резидентуре ЦРУ в Москве Вашингтоном поручались мероприятия по самостоятельному установлению контактов с инициативниками по наводке на них из-за границы от выехавших в США на постоянное место жительства родственников или знакомых.

На территории посольства США в Москве американцы путем вербовки привлекали к агентурному сотрудничеству без предварительной подготовки людей из числа посетителей, инициативно предлагающих правительству США свои услуги.

Сотрудники ЦРУ с такими людьми организовали личные встречи за пределами нашей страны или же задействовали комплекс тайниковых операций в Москве.

Последние два способа привлечения ЦРУ к агентурному сотрудничеству советских граждан использовали, например, в отношении старшего научного сотрудника санкт-петербургского НИИ ВМФ Моисея Финкеля, принявшего решение эмигрировать в США вслед за выехавшим ранее из России сыном в начале девяностых.

О своем решении Финкель письмом проинформировал и сына, и своих друзей, уехавших на ПМЖ в США, с просьбой подыскать ему работу.

Вскоре от друзей он получил ответ с предложением уехать в США, причем с намеком, что ему окажут помощь и поддержку в этом со стороны определенных структур американской администрации.

Осенью 1993 года Финкель посетил консульский отдел посольства США в Москве. Там его встретил сотрудник ЦРУ Джон Саттер. Американец препроводил Финкеля в отдельное защищенное от прослушивания помещение, предъявил ему его собственное письмо, направленное годом ранее друзьям в США, провел подробный разведывательный опрос и сделал ему вербовочное предложение от имени ЦРУ, которое Финкель принял.

Американец пообещал ему визовую поддержку для выезда в США, проинструктировал приобретенного им агента о разведывательном задании по сбору секретной информации по месту его работы и дальнейших способах связи (выезд в Бельгию и звонок в круглосуточно функционирующий центр ЦРУ).

Весной 1994 года Финкель, выполняя задание ЦРУ, выехал в Бельгию, где в Антверпене с ним дважды в гостинице встречался тот же сотрудник ЦРУ Саттер, специально прибывший для этого из Москвы.

Финкель дал подписку о сотрудничестве с ЦРУ, за проделанную работу на американцев получил денежное вознаграждение, оговорил с представителем ЦРУ дальнейшее денежное содержание и получил новое разведывательное задание.

Возвратившись в Россию в конце марта 1994 года, Моисей Финкель обратился в ФСБ. Сообщил, что якобы американцы в Антверпене пытались завербовать его. Сделал он это, очевидно, испугавшись разоблачения контрразведкой и надеясь под «крышей» ФСБ продолжить свою шпионскую деятельность или затеять двойную игру.

При этом Финкель, опасаясь последствий своего предательства, умышленно умолчал об уже фактически сложившихся у него с ЦРУ агентурных отношениях и способах связи с американской разведкой.

Он скрыл факт состоявшейся и материально закрепленной вербовки, не проинформировал ФСБ о переданных им в ЦРУ совершенно секретных сведениях по военно-морской тематике.

В результате кропотливой работы военных контрразведчиков при взаимодействии с другими подразделениями ФСБ Финкеля полностью разоблачили и в 1997 году привлекли к уголовной ответственности.

Перечисленные способы вербовки ЦРУ граждан СССР (России) за границей или на нашей территории имели место в восьмидесятые и девяностые годы, но я полагаю, что и в настоящее время не произошло существенных изменений в подходах ЦРУ к их агентурной работе на российском направлении.

Как показали контрразведывательная и следственная практика, все операции по связи с агентами, независимо от места их проживания, проводились американцами только в Москве и в исключительных случаях — в Санкт-Петербурге. Только там, где базируется резидентура ЦРУ под дипломатическим прикрытием посольства или консульства (опергруппа ЦРУ) и где оперативная обстановка постоянно находится под контролем американцев.

За все годы моей службы мне достоверно известен лишь один факт работы ЦРУ вне двух наших столиц. В далекие семидесятые, когда ЦРУ вынужденно пошло на закладку тайника в Ереване для возобновления агентурных отношений с инициативниками Григоряном и Копаяном в связи с потерей с ними контакта и исходя из ранее предложенных им условий связи.

Но итог предательства для этих инициативников был плачевным — их разоблачила контрразведка и привлекла к уголовной ответственности.

С тех пор агентурные операции с агентами ЦРУ проводило только в Москве и Ленинграде.

Если говорить о способах связи ЦРУ с завербованными и разоблаченными нами агентами из числа российских граждан, то наиболее предпочтительным и безопасным, с точки зрения ЦРУ, являлся выезд агентов из России в третьи страны и проведение там с

ними личных встреч с сотрудниками ЦРУ, прибывшими из Вашингтона или Москвы, — яркий пример тому дело Финкеля.

За границей использовалась простая и хорошо известная схема. Выехав за рубеж, агент в соответствии с полученными ранее инструкциями, должен был позвонить по известному только ему номеру телефона в разведцентр и сообщить, в какой стране и городе он находится и в какой гостинице остановился.

Как правило, агенту назначалась личная встреча через два-три дня, а затем после контакта с ним с использованием словесного и вещественного паролей агент для подробного опроса и инструктажа приглашался разведчиком ЦРУ в гостиницу.

В Москве же конспиративная связь с разоблаченными нами американскими агентами организовывалась ЦРУ в семидесятые — девяностые годы посредством личных встреч, тайниковых операций с использованием почты, радиообменов, телефонов и условных графических сигналов и строилась следующим образом.

Непродолжительные личные встречи — этот вид связи широко практиковался посольской резидентурой ЦРУ для опроса и проверки надежных агентов, получения от них документальных и рукописных материалов, вручения им очередных заданий, спецтехники и денежных средств.

Так, например, с разоблаченным контрразведкой в 1985 году особо ценным агентом ЦРУ А. Толкачевым в период с 1979 года вплоть до его ареста сотрудники ЦРУ провели в Москве двадцать одну личную встречу.

На встречи разведчик вызывал агента по телефону или с помощью зашифрованных радиogramм, или по заранее переданному агенту графику. Встречались в строго обусловленное время, чаще всего поздно вечером, на открытом воздухе, вблизи парков или скверов, в автомашине агента. Для установления контакта агенту давались вещественный и словесный пароли, так как на встречу мог прийти и незнакомый агенту разведчик.

В работе с Толкачевым принимало участие пять сотрудников ЦРУ, последовательно сменявших друг друга в резидентуре.

Эти разведчики, как правило, замаскированные под российских граждан (чтобы не отличаться от окружающих), всегда имели при себе диктофон, вопросник в отпечатанном виде, инструкции по дальнейшим

способам связи, письменное задание, спецтехнику, если она предназначалась для передачи агенту, и денежное вознаграждение.

Тайниковые операции традиционно являлись основным безличным средством поддержания контакта с агентами.

Контейнеры, предназначенные для передачи посылок от разведцентра агентам, изготавливались техническими специалистами ЦРУ из пластика в виде камней различных размеров — от спичечных коробков до булыжников, кусков деревянных досок, веток, труб, шлангов, грязных рабочих рукавиц.

Закладывались такие шпионские контейнеры разведчиками у четких, ярко выраженных ориентиров, в достаточно укромных местах: за гаражами, телефонными или трансформаторными будками, у заборов в парках и у промышленных объектов, у оснований вышек линий электропередач, за деревьями, под кустами и т. д.

Места закладок подбирались американцами или в промышленных зонах, или в окраинных спальнях районах Москвы, недалеко от остановок городского транспорта, на расстоянии двух — пяти остановок от станций метро. Тайник не должен был просматриваться из окон близлежащих домов.

Тайниковые операции от разведцентра к агенту, так же как и личные встречи, проводились американцами после многочасовых, от четырех до шести часов, проверок в городе с переодеванием, сменой обуви, сменой транспортных средств и реализовывались только при полной уверенности разведчика в отсутствии за ним наружного наблюдения.

Тайниковые же операции агент — разведцентр, то есть по изъятию разведчиками контейнеров, заложенных агентами, осуществлялись американцами чаще без длительной предварительной проверки, если можно так выразиться, с ходу, когда, например, разведчик оставался за рулем, а его жена быстро выскакивала из машины и подбирала лежащий у обочины трассы контейнер, подготовленный по заданию ЦРУ агентом.

Иногда контейнер с информацией для ЦРУ, спрятанный агентом в нишах и арках проходных дворов или в парках, изымался мужем или женой, сотрудниками американской разведки во время их вечерней прогулки (с собакой или без) по городу.

Обычно контейнер формировался агентом следующим образом: информация, зашифрованная и выполненная тайнописью, заворачивалась в пластиковый пакет, помещалась в тряпку или мужской носок и закладывалась агентом в указанном в инструкциях ЦРУ месте в строго оговоренное время.

Места для таких кратковременных закладок подбирались американцами на магистралях у тротуаров, канализационных люков, на обочине дорог на поворотах на их маршрутах из дома в посольство или обратно.

Предпочтение отдавалось тем местам, где можно хоть на несколько мгновений гарантированно выпасть из поля зрения НН.

Удобными в этом отношении для проведения тайниковых операций американцами считались Московская кольцевая дорога и загородные трассы недалеко за ее пределами, места у километровых или других столбов, у опор мостов, у начала или конца ограничителей при съездах и поворотах.

По почтовому каналу американцы конспиративно направляли на домашние адреса агентов или инициативников тайнописные сообщения со схемами мест закладки для них тайников и инструкциями о постановке условных графических сигналов, свидетельствующих о благополучном изъятии контейнеров.

Для прочтения тайнописи агентов снабжали химическими препаратами или же — по инструкции ЦРУ — для проявления тайнописных сообщений письмо следовало опускать в воду.

Лишь после завершения операции по закладке тайника разведчики посольской резидентуры ЦРУ отправляли письмо агенту с указанием, исполненным тайнописью, как найти этот тайник. Причем письмо опускалось в заранее выбранный почтовый ящик на обратном маршруте возвращения американца к автомашине или в посольство.

Операция по броске письма в адрес агента в отрыве от тайниковой операции могла быть и самостоятельной. Она требовала такой же тщательной подготовки и проверки, как и личная встреча, ведь написанный на конверте адрес указал бы контрразведчикам (если бы они перехватили письмо) прямо на агента.

Что касается агентов ЦРУ, то и они использовали почтовый канал для связи с разведцентром. Заранее заготовленные в разведцентре письма, имитирующие послания иностранных туристов на подставные

адреса в США, передавались агентам через тайник с указанием отправлять такие письма только из центра Москвы, где бывает скопление иностранцев.

Разведцентр требовал от агентов, чтобы информация наносилась между видимых строчек письма средствами тайнописи и исключительно в зашифрованном, цифровом, виде с помощью шифровальных таблиц, заранее переданных агентам через тайники.

Эти письма адресовались реально существующим обычным гражданам США, не связанным служебными отношениями с разведкой, но с которым у ЦРУ была разовая договоренность — при получении писем из России переправлять их в Лэнгли.

По радиоканалу разведцентр ЦРУ передавал в адрес агентов зашифрованные односторонние передачи — это дальняя радиосвязь.

На территории России в то время одновременно принимались на ограниченной территории несколько десятков радиолиний Франкфуртского-на-Майне, Афинского и Манильского радиоцентров.

Для каждого завербованного агента на определенной частоте выделялась самостоятельная линия дальней связи, по которой в определенное время шли инструктаж агентов, информационные запросы, указания по способам связи, времени и месту тайниковых операций, вызовы на личные встречи и т. д.

Каждому агенту на личной встрече или через тайник американцы выдавали индивидуальные шифровальные таблицы для расшифровки этих радиопередач.

Для обмена же информацией в Москве между резидентурой ЦРУ и агентом использовалась ближняя радиосвязь. Аппаратура и инструкции по ее применению, а также шифры передавались агентам через тайники или на личных встречах.

Ближняя радиосвязь проходила по определенной схеме.

Агент, находясь дома, вводил информацию через шифратор в передающее устройство (до двух страниц машинописного текста), закамуфлированное под бытовую технику. Затем в обозначенные в инструкции ЦРУ дату и время агент с активированным еще дома прибором приезжал в указанное американцами место, к примеру на берег Москва-реки.

Разведчик же с противоположного берега реки включал с помощью специальной аппаратуры находящийся у агента призор, перебрасывал с

него информацию на свой приемник. Тут е, почти одновременно, автоматически направлял агенту свой пакет информации, который агент дома с помощью шифровального блокнота расшифровывал.

Нам известны и другие тактические варианты проведения операций по радиообменам в режиме быстрогодействия между разведчиком и агентом.

Радиовыстрелы осуществлялись агентами в сторону здания посольства США в Москве, когда агент проходил мимо или проезжал на машине или в автобусе или в обусловленное время на окна квартир, где жили сотрудники ЦРУ.

Радиопередачи разведчик мог проводить из движущейся или запаркованной автомашины. Бывало, что у городского пруда, с берега на берег, передавался сигнал или с одного городского моста на другой, или внутри больших помещений, например в выставочном комплексе.

Иногда разведчик оставлял автомашину в обусловленном месте с включенной аппаратурой для одностороннего приема от агента радиопередачи.

В системе конспиративной связи сигнальный канал имел серьезное значение.

Сигналы от агента в резидентуру ЦРУ в Москве могли свидетельствовать о благополучном возвращении агента из-за границы и о его безопасности, о закладке или изъятии агентом тайника, о готовности к личной встрече, о вызове на контакт разведчика ЦРУ или о получении письма.

Сигналы в графическом виде, а это могли быть буквы, цифры, вертикальные или горизонтальные черточки, крестики наносились агентами губной помадой, мелом, черной или другой краской на фасады зданий, в арках домов, на углы заборов, фонарные столбы преимущественно на маршрутах движения американских разведчиков из дома в посольство и обратно.

Резидентура ЦРУ, в свою очередь, сигнализировала агенту, например, об успешном изъятии тайника или готовности к личной встрече. Ставили автомашины с дипломатическими номерами в обусловленном месте города в заранее оговоренное с агентом в инструкциях время, причем наличие какого-либо предмета под стеклом автомобиля или то, что он стоял багажником или капотом к тротуару, имело информативное значение.

Телефонный канал задействовался американцами в одностороннем порядке для вызова агента на личную встречу, для установления первичного контакта с инициативником или восстановления контакта с ним в случае его потери.

Если агент иногда и пользовался телефоном, то по схеме «ошибочных» звонков на домашние телефоны сотрудников посольской резидентуры ЦРУ — определенное количество звонков в заранее обусловленное время.

Интернет в восьмидесятые годы прошлого века не был известен, но в современных условиях, я полагаю, как и радиоканал в прошлом, это наименее уязвимое средство поддержания агентурных отношений между агентом и разведцентром ЦРУ.

Интернет может быть предназначен для скрытых информационных обменов и заменит или уже заменил радио-, телефонный, почтовый и сигнальный каналы связи. Развивается и будет, очевидно, совершенствоваться и в дальнейшем.

В начале семидесятых годов резидентура ЦРУ использовала для вывода разведчика на операцию такие тактические приемы, как выезды из посольства нескольких автомашин веерно, дерзкие отрывы от слежки, подстраховку и контрнаблюдение. В последующем, в восьмидесятые — девяностые годы, тактика работы американцев претерпела кардинальные изменения.

Американцы старались не привлекать к себе внимание дерзким поведением и пытались убедить контрразведку, что ни в городе, ни в резидентуре, ни в посольстве ничего необычного не происходит.

Исходя из рассекреченных мемуарных воспоминаний бывших сотрудников ЦРУ, работавших в Москве, и наших собственных наблюдений в обобщенном виде можно следующим образом описать тактику проведения американскими разведчиками агентурных операций по созданию условий для контакта со своими агентами в Москве.

Если, например, агентурная операция назначалась на будни и ее исполнение поручали разведчику глубокого прикрытия, то после окончания рабочего времени все сотрудники резидентуры, не задерживаясь в диппредставительстве, спокойно разъезжались по домам и занимались своими делами.

В посольстве ни резидент, ни его заместитель и никто из разведчиков допоздна не оставались. Для контрразведки создавалась видимость полного спокойствия.

Таким образом, по мнению американцев, формировались условия для вывода на операцию разведчика глубокого прикрытия, который вместе с другими дипломатами по окончании рабочего дня покидал посольство, ехал домой, но в определенной точке сходил с привычного маршрута и начинал многочасовую проверку, состоящую из нескольких этапов.

Типичная схема проведения тайниковой операции или личной встречи, осуществлявшейся разведчиком ЦРУ глубокого прикрытия, подразумевала несколько этапов.

Первый этап — в течение двух или трех часов поездка по городу на машине с легендированным посещением каких-либо общественных мест с последующим выходом, после проверочного автомобильного маршрута, в заранее выбранную точку, где от машины необходимо избавиться.

Если разведчик выезжал из дома или посольства вместе с женой, то он «выбрасывался» ею из автомобиля, когда они убеждались, что находятся вне контроля. Его жена уезжала в другой район города, где дожидалась разведчика, или же одна возвращалась домой.

Если же разведчик ЦРУ выходил на операцию в одиночку, то после длительной проверки он оставлял автомашину или в отдаленных районах, или около театра, или у ресторана, или у кинотеатра, словно он пошел в ресторан или в кино. Или же просто прятал машину в укромных местах города вдали от оживленных трасс.

Второй этап — когда разведчик ЦРУ пересаживался на автобус или троллейбус и уезжал подальше от места, где оставил автомашину. Он постепенно приближался к месту личной встречи с агентом или туда, где запланировал оставить контейнер в тайнике.

Первый и второй этапы подробно описаны в инструкциях ЦРУ, с одной из которых нам в свое время удалось ознакомиться. В ней указывались полный проверочный маршрут, места проверок, остановок, выходов и возвращения в автомашину, несколько точек, где от машины можно избавиться, узлы пересадок городского транспорта, количество остановок до нужного места и т. д.

Третий этап — сотрудник ЦРУ пешком направлялся в район проведения намеченной операции, где, как нам известно, иногда приблизительно в течение тридцати минут или часа он изучал обстановку, выискивая что-то подозрительное, пытаясь заметить изменения, произошедшие с тех пор, когда разведчик был тут последний раз, — появление временных строений, где контрразведкой могла быть устроена засада, и т. д.

Четвертым этапом была сама операция по закладке тайника или личная встреча с агентом.

На пятом этапе, возвращаясь к автомашине или домой, разведчик, если это требовалось по условиям связи, опускал письмо в заранее подобранный почтовый ящик с координатами тайникового контейнера или сообщал об этом агенту по телефону.

И заключительный, шестой этап — разведчик пешком поздно вечером возвращался домой. Но только не в посольство, даже если в ходе личной встречи получал от агента документы. Как вариант — возвращался к спрятанной им автомашине или к точке, где его подберет жена.

Американцы в прошлом придерживались этой схемы, если были уверены, что разведчик глубокого прикрытия не попал в поле зрения контрразведки, не находится под НН, его режим дня не контролируется и его отлучка не привлечет к себе внимания органов безопасности.

Но если же проведение операции по каким-либо причинам поручалось «расшифрованному», так называемому «открытому» сотруднику посольской резидентуры ЦРУ, то он все равно проходил все те же этапы.

Разница состояла в том, что первый этап — а это наиболее важный этап — обставлялся таким образом, чтобы создать для разведчика гарантированные условия по дерзкому отрыву от слежки.

Например, это мог быть ранний (часов в шесть-семь) утренний выезд из дома, то есть еще до выставления наружного наблюдения (если оно не было круглосуточным), или поздний ночной (после двадцати двух часов) выезд, но уже после окончания работы НН.

Или, например, для создания видимости, что разведчик не покидал пределов посольства или не выезжал из дома, применялись различные средства маскировки, такие как использование париков, накладных усов, переодевание мужчин в женскую одежду или маскировка под

других мужчин, «чистых» дипломатов и использование в таком облачении не принадлежащих лично им автомашин американского посольства.

Практиковался и вывоз одним разведчиком другого из посольства (в автомашине с тонированными стеклами) с последующим грубым отрывом от слежки и «выбросом» исполнителя операции в мертвой зоне, а затем через несколько часов подбор одним разведчиком другого разведчика в городе после операции и конспиративный его завоз обратно в посольство или же в место проживания. Семейные пары прибегали к использованию кукол-манекенов.

Вот как описывает некоторые тактические приемы работы в Москве сотрудник ЦРУ Майкл Селлерс в своем интервью российскому государственному телевидению:

«Наши операции или мои операции часто были построены на хитроумной маскировке. Это то, что мы называем “передача идентичности”. Передача идентичности представляла собой ситуацию, в которой один человек, похожий на меня, за которым установлено наблюдение, работает в паре с человеком, который не был интересен КГБ. И затем мы “обменивались” идентичностями. В моем случае это включало использование протезных масок и обширного гардероба. И тому подобное. Так что вы можете себе представить двух человек одного роста, одного веса: за одним следят, за другим нет. Создавался сценарий, который позволял им временно “обменяться” внешностью. Это было основным компонентом нашей оперативной методики в ЦРУ».

Если говорить в целом об особенностях тактики операций ЦРУ в Москве на агентурных каналах связи, то основополагающим требованием их проведения являлась персональная ответственность разведчика за безопасность мероприятия.

При выходе на личную встречу или на операцию по закладке тайника разведчик, как правило, шел по проверочному маршруту самостоятельно (или вместе с женой), его никто не страховал. Однако сотрудник ЦРУ всегда имел в автомашине или при себе сканирующую технику, способную обнаружить работу в эфире радиосредств наружного наблюдения.

Исключительным является право разведчика провести агентурную операцию или отменить ее в случае, если у сотрудника ЦРУ возникнут

хоть малейшие подозрения в присутствии поблизости контрразведки на проверочном маршруте.

Операции же по считыванию условных графических сигналов, парковка автомашин в определенном месте в качестве условных сигналов, радиообмен, изъятие тайниковых контейнеров проводились сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ в облегченном режиме, без столь тщательных проверочных действий, иногда практически под носом наружного наблюдения.

Все эти сведения о тактических приемах работы ЦРУ в Москве стали нашим достоянием в процессе многолетней кропотливой работы многих и многих сотрудников различных подразделений КГБ СССР.

Результаты нашей работы регулярно докладывались руководству ВГУ и КГБ, которое имело колоссальные информационные нагрузки по различным аспектам разведывательной и контрразведывательной деятельности и, очевидно, в силу этих причин не всегда обладало в полном объеме конкретными данными об используемых американцами ухищрениях.

Генерал-лейтенант Щербак, как куратор американской линии в контрразведке, ежегодно проводил в первом отделе ВГУ совещания по подведению итогов проделанной работы. Тот самый Щербак, что в первый же день меня в числе других выпускников ВКШ отправил по домам, когда мы явились на Лубянку в форме.

Мне запомнилось подведение итогов за 1980 год, на котором я, как помощник начальника отдела и руководитель группы по разработке посольской резидентуры ЦРУ, докладывал о проделанной работе.

За год действительно мы сделали много, достигли значительного прогресса в контроле за разведчиками ЦРУ и на каналах агентурной связи. Были неплохие результаты в завязывании и проведении оперативных игр с американцами.

Я не сомневался, что Щербак по заслугам положительно оценит нашу работу, но вышло иначе.

Федор Алексеевич внимательно слушал мое выступление, делал для себя какие-то пометки, а после того как я закончил свой доклад, он задал единственный и очень простой вопрос:

— А как по-вашему, товарищ Клименко, есть ли у американской разведки агенты, с которыми они работают в Москве, и если есть, то сколько их?

Я назвал некую цифру, которая, по нашим оценкам, приблизительно соответствовала действительности.

Со стороны Федора Алексеевича последовал следующий вопрос:

— А скольких агентов вы собственными силами разоблачили?

— Ни одного, — обескураженно ответил я.

Заключение Щербака по работе нашей группы было таково:

— Вы, товарищ Клименко, сделали немало, это неплохо, но Вы не сделали главного. У Вас за спиной работают агенты ЦРУ, а Вы о них ничего пока не знаете. Вы и Ваша группа не выполнили своей основной функциональной задачи — нет разоблачений агентуры ЦРУ. Несмотря на большой объем проделанной Вами работы, я не могу признать ее результаты положительными.

В аудитории, где проходило совещание, надолго повисла тишина, которую прервал сам Щербак, сказав, что на этом совещание закончено.

Это был для всех нас, и в первую очередь для меня, урок на всю оставшуюся жизнь — не восхвалять проделанное, а критически относиться к себе и результатам своей работы.

В октябре 1982 года произошла моя последняя встреча с глубоко уважаемым мною Федором Алексеевичем Щербаком, нашим куратором в контрразведке. Случилось это при весьма необычных обстоятельствах.

Эпизодически я готовил для доклада руководству первого отдела ВГУ аналитические справки по тактике работы ЦРУ, а Рэм Сергеевич Красильников, уже по своему усмотрению, некоторые из них, в свою очередь, докладывал Федору Алексеевичу.

Однажды мне позвонил помощник Федора Алексеевича, сообщив, что Щербак ждет меня в своем кабинете. Я немедленно спустился на этаж, где находились кабинеты руководства ВГУ.

Щербак сидел за своим громадным письменным столом, покрытым зеленым сукном, в окружении телефонных аппаратов и, как всегда, курил редкие в то время в Москве американские сигареты «Мальборо».

Перед ним на столе, как оказалось, лежала моя справка по тактике работы ЦРУ на тайниковом канале связи. Там как раз речь шла о том, что сотрудники ЦРУ по-разному относятся к проведению операций по закладке тайников (многочасовые проверки) или к изъятию тайников (иногда с ходу после короткой проверки, иногда практически под нашим наблюдением).

Федор Алексеевич выказал недоумение по поводу моих выводов, сказав, что у него такой информации нет, и потребовал разъяснений.

Мои доводы о том, что все это мы неоднократно видели своими глазами, в том числе и во время разработки уже разоблаченных американских агентов, не произвели на Щербака должного впечатления. Хотя я рассчитывал на это.

Федор Алексеевич поручил мне доложить Красильникову, что через некоторое время его и меня пригласит к себе начальник В ГУ Григорий Федорович Григоренко и от нас потребуется подробный доклад, откуда в первом отделе такая информация о тактике ЦРУ на тайниковом канале связи и насколько она достоверна.

Это совещание, к которому я очень серьезно готовился, не состоялось — в ноябре 1982 года Федора Алексеевича Щербака освободили от должности первого заместителя начальника В ГУ и назначили начальником Шестого управления КГБ СССР (экономическая безопасность).

Глава девятая

Как мы работали в восьмидесятые

Контрразведка любой страны организует разработку посольских резидентур иностранных государств, и основополагающими принципами такой работы являются принципы линейности, специализации и конспирации.

В соответствии с принципом линейности контрразведка любой страны всю работу по линиям, например по американской, русской, немецкой, китайской или английской, и, соответственно, по посольствам этих стран, а значит, и по резидентурам перечисленных государств сосредотачивает в одних руках, в одном из подразделений контрразведки, отвечающем за работу по этой линии.

Внутри этих подразделений работа строится на основе специализации по участкам деятельности оперативного состава контрразведчиков. Есть разработчики резидентур и конкретных разведчиков, разработчики «чистых» дипломатов и технического персонала посольств, его подразделений, есть специалисты-вербовщики, аналитики и т. д.

Конспирация — основа основ и разведки, и контрразведки. Каждый оперработник должен знать только то, что ему положено по роду его деятельности. Любое подразделение охраняет весь информационный массив по линии своей работы и принимает меры по недопущению посторонних лиц и своих коллег к сведениям об объектах разработок и проводимых по ним мероприятиям.

С приходом в первый отдел Рэма Сергеевича Красильникова работа против ЦРУ и его резидентуры в Москве приобрела системный характер, основанный уже на накопленных нами знаниях о формах и методах деятельности американцев против нашей страны.

Под руководством Красильникова мы приняли на вооружение и задействовали на практике в полном объеме систему взаимосвязанных контрразведывательных мер, теоретические основы которой были сформулированы ее отцом-основателем, легендарным руководителем Второго главного управления КГБ СССР Григорием Федоровичем Григоренко.

Базовыми принципами этой системы стали координация на постоянной основе оперативных мероприятий по американской линии между первым отделом В ГУ и другими заинтересованными подразделениями контрразведки как в Центре, так и на местах — с территориальными органами безопасности КГБ, а также с разведкой КГБ и с МИД СССР.

Центральным звеном этой системы контрразведывательных мер являлась встречная разработка, то есть контрразведывательная работа по сотрудникам посольской резидентуры ЦРУ в сочетании с мероприятиями по объектам разработок по шпионажу из числа советских граждан. Сравнительный анализ добываемых материалов.

В целях выявления в полном объеме состава посольской резидентуры ЦРУ и определения функциональных и должностных обязанностей каждого разведчика осуществлялось комплексное использование агентурных возможностей и оперативнотехнических средств в работе по посольской резидентуре ЦРУ.

Персональная разработка каждого разведчика в сочетании с разработкой всей резидентуры в целом предполагала круглосуточный контроль за полным составом посольской резидентуры ЦРУ. Причем тактика проведения наружного наблюдения и количество задействованных сил и средств определялись нами ежедневно в зависимости от складывавшейся оперативной обстановки.

Неотъемлемой частью комплексных мер противодействия американской разведке были сложнейшие поисковые мероприятия на каналах агентурной связи ЦРУ со своими источниками из числа граждан СССР (тайниковый, почтовый, сигнальный, телефонный, радиоканалы и канал личных встреч) и оперативные игры с Лэнгли и резидентурой ЦРУ в Москве.

Только участие американского дипломата из состава посольства США в Москве в операциях с разоблаченными агентами ЦРУ из числа советских граждан или в каких-либо элементах агентурных операций резидентуры в рамках наших оперативных игр с ЦРУ или на каналах агентурной связи давали нам основание считать дипломата установленным сотрудником американской разведки, имеющим в резидентуре статус глубокого прикрытия.

Вся добываемая таким образом первым отделением первого отдела ВГУ оперативным путем информация подвергалась постоянному

анализу, ставились на учет действия конкретных сотрудников резидентуры. Подозрительные действия конкретных разведчиков сопоставлялись с ситуацией по резидентуре в целом и материалами на объектов по шпионажу из числа граждан СССР.

В результате мы со временем научились безошибочно определять численный и персональный состав посольской резидентуры ЦРУ, разобрались с функциональными обязанностями отдельных разведчиков (резидент, оперативный состав, шифровальщики, технический персонал).

В ряде случаев нам удавалось спрогнозировать время проведения сотрудниками ЦРУ разведывательных операций, и в итоге контрразведка перехватывала шпионские письма на почтовом канале в адрес агентов ЦРУ. Несколько тайниковых операций посольской резидентуры были нейтрализованы путем обнаружения тайниковых закладок.

В марте 1983 года из состава нашей группы, как выше уже указывалось, было сформировано самостоятельное отделение, оставившее за собой название — первое отделение первого отдела Второго главного управления КГБ СССР, за которым юридически закрепили функции выявления из состава дипломатического персонала посольства США сотрудников ЦРУ и организации их разработки в интересах разоблачения агентов американской разведки, а мне было поручено руководить этим отделением.

Другая часть прежнего первого отделения стала самостоятельным третьим отделением и вела работу по посольству США в Москве в направлении добывания важной для страны информации в сфере американо-советских отношений, сговывания антисоветской деятельности американцев, недопущения нанесения ими политического или экономического ущерба интересам СССР.

Вскоре мы пришли к тому, что каждый наш оперативный работник в первом отделении, помимо решения иных задач, вел разработку минимального числа сотрудников ЦРУ, практически закреплялся за разведчиками персонально.

Сотрудники первого отделения в буквальном смысле слова пытались жить одной жизнью со своими подопечными — куда разведчик, туда и оперработник, который вел его разработку.

Мы вместе со своими объектами разработок посещали театры, концертные залы, рестораны, совершали поездки по городу и за пределы Москвы, в том числе и поездки по стране, по всем городам Советского Союза, куда выезжали сотрудники ЦРУ. Нам необходимо было круглосуточно организовывать соответствующие мероприятия по американцам и видеть все своими глазами.

Для каждого территориального органа КГБ СССР, республиканского или областного, посещение сотрудником ЦРУ подведомственной им территории было иногда главным событием текущего года, которому придавалось самое серьезное значение и уделялось особо повышенное внимание.

Любая поездка сотрудника ЦРУ по стране в КГБ в то время расценивалась как разведывательная. На организацию контроля за американцами бросались все силы и средства территориальных органов контрразведки, с тем чтобы понять цель поездки и выявить разведывательные устремления и возможные контакты с агентами.

Естественно, в такие поездки заблаговременно, за сутки до выезда сотрудников ЦРУ, по маршруту их следования командировались оперработники первого отделения первого отдела ВГУ.

Прибыв в столицу республики или региона, наш оперработник докладывал начальнику местного органа КГБ о нашем понимании цели поездки разведчика, знакомился с планом подготовленных контрразведывательных мероприятий и проводил инструктаж местных сотрудников различных оперативных служб.

Начиная с 1975 года я занимался разработкой последовательно сменявших друг друга через каждые два года резидентов ЦРУ США, возглавлявших посольскую резидентуру в Москве.

С 1982 по 1984 год посольскую резидентуру ЦРУ возглавлял уже упоминавшийся мною опытный американский разведчик Бартон Гербер (после окончания командировки в СССР он, возвратившись в США, стал руководителем советского отдела ЦРУ).

В те годы в СССР на основе взаимности с другими странами действовала разрешительная система поездок по стране. Посольство было обязано не позднее чем за сорок восемь часов направить в Министерство иностранных дел ноту о поездке конкретного дипломата с указанием его маршрута и транспортного средства и сроков пребывания в каждом городе.

И только после положительного ответа МИДа, согласованного с КГБ СССР, такая поездка могла состояться. Но в поездке КГБ мог и отказать.

Однажды ноту о поездке Бартон Гербера по маршруту Москва — Тбилиси — Ереван — Москва посольство США направило в МИД СССР, и на ноту был дан положительный ответ.

За сутки до отъезда Гербера я вылетел в Тбилиси. В столице Грузии мы подготовились к встрече американца и приняли меры по организации его контроля.

В последний день пребывания Гербера в Тбилиси мы с двумя коллегами из КГБ Грузии и их «приятелем» из числа местных граждан заказали на вечер столик в том же ресторане, который был намерен посетить и американец.

Наш ужин был в самом разгаре, когда в ресторан пришел Гербер, которого по нашему указанию посадили за соседний с нами столик.

Грузинское гостеприимство общеизвестно. Также широко известно (во всяком случае, так было в то время) стремление жителей Кавказа к контактам с иностранцами.

Поэтому выглядело вполне естественно, когда через некоторое время от нашего стола американцу передали бутылку хорошего грузинского вина, а он ответил нам благодарной улыбкой и словами признательности, само собой, на английском языке.

После того как мы якобы узнали, что наш сосед по ресторану американец, грузинское гостеприимство стало набирать обороты, и в конце концов Гербер оказался за нашим столиком.

Он нам поведал, что является дипломатом из посольства США в Москве и совершает экскурсионную поездку по стране. Мы же рассказали, что грузинские приятели устроили вечеринку в мою честь, а я их давний друг из Москвы, архитектор по профессии. Я у них в гостях, а завтра утром должен уехать из Тбилиси.

Вечер проходил душевно и раскованно, с грузинскими анекдотами, рассказами про США, Москву и Грузию, в общем, за мир и дружбу между народами.

Я, как виновник торжества, весь вечер выступал еще и в качестве переводчика, предварительно объяснив американцу знание английского тем, что моя мама якобы является преподавателем английского в одном из московских вузов.

Расставаясь, Бартон Гербер вручил мне свою визитную карточку.

Таким образом, мне удалось вступить под прикрытием в непосредственный контакт с резидентом ЦРУ, объектом моей разработки, и создать условия для продолжения контакта с ним, но уже в Москве.

Рано утром на следующий день коллеги из КГБ Грузинской ССР на автомашине по Военно-Грузинской дороге, вдоль озера Севан, переправили меня в Ереван, где мы продолжили и успешно завершили плановую работу по контролю Гербера.

Через некоторое непродолжительное время мы в Москве воспользовались сложившейся ситуацией, чтобы развить контакт с Гербером.

Я из телефона-автомата позвонил Бартону на его домашний телефон, предложив встретиться, чтобы передать ему посылку из Тбилиси — ящик прекрасного грузинского вина, который привез для него один из участников памятной встречи в ресторане, тот самый «приятель» из местных.

И Гербер, полагаю, в нарушение всех инструкций ЦРУ, пригласил нас с «приятелем» к себе домой в дом для иностранцев на Кутузовском проспекте.

В квартире у американца мы провели несколько часов, и вино Герберу и его супруге очень понравилось.

«Приятель» из Тбилиси неплохо играл на гитаре, пытаясь завоевать расположение хозяев, пел песни на русском, грузинском и английском языках, а я впитывал атмосферу обстановки дома резидента — главного противника, организатора шпионской деятельности ЦРУ против СССР.

Моя миссия была выполнена.

Много лет спустя, во время моего пребывания в США в беседе с Милтоном Бирденом, который рассказывал мне о роли Гербера в работе против СССР, я упомянул, что бывал у Гербера в Москве дома в гостях.

Реакция Бирдена была однозначной — в ЦРУ ничего не знали о тех встречах в Тбилиси и Москве. Почему Гербер о них не доложил, хотя обязан был это сделать?..

В восьмидесятые наша группа и созданное на ее базе первое отделение первого отдела ВГУ КГБ СССР почти ежегодно пополнялось

новыми сотрудниками, выпускниками Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР.

Я считаю своим долгом назвать всех тех, кто, жертвуя порой личным временем и интересами, загорелись идеей переиграть американцев на контрразведывательном фронте — и сделали это. Перечислить тех, кому я благодарен за профессиональную помощь и поддержку.

В первом отделении в различное время моими заместителями были Владимир Беликов, Юрий Колесников, Юрий Бедняков и Александр Филиппов — к моему громадному сожалению, все они уже ушли из жизни. Они были самобытными личностями и большими профессионалами.

Владимир Александрович Беликов в порядке усиления был переведен в наше первое отделение из другого подразделения первого отдела, занимавшегося военными дипломатами (работал по РУМО).

Его отличали офицерская выправка и любовь к военной форме, он подчеркнуто (в отличие от многих других) ощущал себя человеком военным и вел себя как достойный офицер Советской армии.

Беликов был педантичен до мелочей, существовал по принципу «закон и порядок», он был для Владимира Александровича определяющим. Его исполнительность и пунктуальность заслуживали всяческого уважения.

Владимир Александрович славился требовательностью прежде всего к самому себе и потому имел полное право быть требовательным к подчиненным, что в коллективе воспринималось с должным пониманием.

Он никогда ни с кем не конфликтовал и добивался безусловного выполнения сотрудниками отделения их служебных обязанностей; был прекрасным разработчиком разведчиков ЦРУ и борцом с агентурной деятельностью американской разведки. А еще он запомнился многим как отчаянный борец с курением в служебных кабинетах.

Его главной отличительной чертой была склонность к агентурной работе, умение устанавливать и развивать оперативные контакты с людьми — этими ценнейшими качествами оперработника он щедро делился с молодым пополнением нашего отделения.

С Юрием Ивановичем Колесниковым мы шли по жизни вместе с весны 1968 года.

Познакомились на подготовительных курсах, организованных для абитуриентов Высшей школы КГБ, а затем жили в одной палатке в Голицыно в экзаменационный период, и оба успешно сдали вступительные экзамены.

1 августа 1968 года нас зачислили в первую группу первого курса второго факультета ВКШ КГБ СССР, и к тому же мы попали в одну языковую английскую подгруппу — с 1 августа началась наша многолетняя совместная служба в КГБ СССР.

Меня в ВКШ назначили командиром первой группы, а Колесников стал в группе секретчиком, в обязанности которого все пять лет обучения входило ежедневное получение в библиотеке секретной литературы для занятий в аудиториях. Юрий раздавал ее всем слушателям группы, а после собирал и сдавал обратно в библиотеку.

Все пять лет Юрий вместе с помощником таскал по этажам здания тяжеленный чемодан с этой самой литературой, но никогда не роптал, а лишь годы спустя неоднократно и в шутку, и всерьез напоминал мне о несправедливости, выпавшей на его долю, — быть секретчиком.

По окончании ВКШ КГБ СССР мы оба получили направление в контрразведку и оба стали сотрудниками первого отдела В ГУ, но на участок по разработке посольской резидентуры ЦРУ Юрий Иванович попал не сразу, и мне стоило определенных усилий уговорить его перейти в нашу группу с очень для него интересного участка работы.

Что и говорить, мы с ним были не только сокурсниками, но и единомышленниками со схожими взглядами на агентурную разведку ЦРУ, на контрразведывательную деятельность.

Помимо решения профильных задач, Юрий Иванович возглавил два уникальных направления работы по американской линии.

Во-первых, осмыслил и свел воедино множество разрозненной информации (в том числе и документальной) и выработал уникальную систему достоверного и безошибочного выявления сотрудников ЦРУ, направлявшихся в командировку в Москву под глубокими прикрытиями.

А во-вторых, он вместе со мной стал, в хорошем смысле слова, фанатиком организации и проведения против ЦРУ и его посольской резидентуры оперативных игр.

На его плечах лежали переговоры по завязыванию оперативных игр и рабочие контакты с Военной контрразведкой, Управлением

экономической безопасности и Управлением контрразведывательного обеспечения стратегических объектов (ядерная безопасность, ракетостроение), с территориальными органами безопасности.

Многочисленные заграничные командировки и поездки по стране были для него не хобби, а образом существования в контрразведывательном процессе.

Кроме того, он очень плодотворно и с интересом работал с подразделениями Седьмого управления КГБ СССР, с наружной разведкой, был участником подготовки и реализации многочисленных схем контроля за личным составом посольской резидентуры ЦРУ.

Юрий Иванович был замечательным рассказчиком. Знал и помнил множество ситуаций, в том числе и курьезных, из жизни американского посольства, его дипломатов, разведчиков ЦРУ, наших оперативных работников и сотрудников Седьмого управления. Когда мы коллективно отмечали различные события, Юрий Иванович всегда оказывался в центре внимания в кругу благодарных слушателей.

Мы с Юрием Ивановичем так и двигались вдвоем по служебной лестнице — он был моим вечным заместителем. Но когда в 1997 году меня назначили руководителем Управления контрразведывательных операций (УКРО), кадровый аппарат ФСБ не позволил ему, к сожалению, из-за возраста стать моим заместителем. В должности начальника управления его перевели в группу консультантов при начальнике УКРО.

Юрий Леонидович Бедняков был старожилом нашей группы. Вместе со мной он организовал тщательный анализ деятельности ЦРУ на территории Москвы и в ближнем Подмосковье.

Работа с агентурой не была его сильной стороной, но зато анализ и прогнозирование стали ценнейшими качествами Беднякова. На их основе строилась практически вся работа первого отделения по вскрытию конкретных шпионских операций посольской резидентуры ЦРУ.

Архивирование в рукописном и электронном видах всех оперативно значимых маршрутов сотрудников ЦРУ по городу и подозрительных ситуаций, попыток проведения американцами агентурных акций — это, помимо всего прочего, было основным направлением его оперативной деятельности.

Кроме этого, будучи приверженцем наглядности, он аккуратнейшим образом делал (в качестве учебных и документальных пособий) фотоальбомы и журналы, посвященные значимым оперативным мероприятиям американцев.

И еще в одном Бедняков преуспел — он прекрасно играл на гитаре и был непревзойденным исполнителем песен Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого, причем делал он это очень искусно, в манере, свойственной этим бардам, поэтому всегда был душой компании и никогда не отказывался исполнять песни по заявкам.

Александр Александрович Филиппов был незаменим, когда приходилось в сжатые сроки решать трудные и, на первый взгляд, неразрешимые задачи.

Он был отличный организатор и исполнитель, очень жесткий и требовательный, бескомпромиссный и иной раз прямолинейный — в некоторых ситуациях именно эти качества становились определяющими.

Он, как и Юрий Леонидович Бедняков, был первопроходцем в нашей группе, из первого набора. Вместе с ним формировался и наш коллектив, наши подходы к работе и принципы оперативной практики.

Филиппов мог в случае необходимости одарить собеседника таким уничтожающим и свирепым взглядом, что у того просто мурашки по телу бежали. А ведь по тому, каким образом смотрит на вас собеседник, можно достаточно уверенно судить о его морально-волевых качествах. При захватах с поличным, при контактах с правонарушителями он в полной мере мог использовать эти свои уникальные качества.

В составе отделения в восьмидесятые годы трудились такие сотрудники, как Владимир Бойцов, Владимир Беликов, Михаил Зоткин, Александр Жомов, Анатолий Жигалов, Андрей Аверин, Александр Белокон, Юрий Чистяков, Олег Струнников, Андрей Иванов и Андрей Шубняков.

У каждого из них были свои сильные или не очень сильные качества, кто-то из них отличался исключительной дисциплинированностью, а кто-то нет. Одни были прекрасными разноплановыми аналитиками, другие приверженцами агентурной работы и оперативных игр.

К примеру, Андрей Иванов компьютеризировал оперативный процесс и создал базу данных по ЦРУ, Олег Струнников был

генератором идей по созданию полномасштабной системы контроля за разведчиками ЦРУ во время их передвижений по Москве, Владимир Беликов и Михаил Зоткин, при всей их скромности, были незаменимы при организации поисковых мероприятий.

Про Александра Жомова отдельная история, которой посвящена в моей книге целая глава под названием «Операция “Фантом”». Андрей Шубняков брал на себя бремя решения сложных задач при контактах с другими оперативными подразделениями контрразведки.

Анатолий Жигалов, Андрей Аверин и Александр Белокон, так же как и перечисленные мною оперативные сотрудники, были разработчиками конкретных разведчиков ЦРУ и, помимо этого, вели самостоятельные участки в системе контрразведывательных мер противодействия агентурной деятельности Лэнгли.

Юрий Чистяков особенно был полезен при проведении мероприятий по гражданам СССР, разрабатывавшимся по подозрению в принадлежности к агентуре ЦРУ, и инициативникам, пытавшимся в преступных целях вступить в контакт с американцами.

Я глубоко признателен всем этим сотрудникам контрразведки за их самоотверженный труд, за искреннюю убежденность в необходимости отдавать все свои знания, смекалку, таланты ради победы в схватке с самым сильным противником — американской разведкой.

Признателен им за бессонные ночи и радость побед, за вклад каждого из них в наше общее дело, за достижение конкретных результатов в работе.

Именно в этом составе — благодаря нашим совместным усилиям и под руководством Рэма Сергеевича Красильникова, его заместителей Леонида Ивановича Голубовского и Игоря Анатольевича Батамирова — мы и достигли тех значительных результатов в работе против ЦРУ США в восьмидесятые годы двадцатого века, названные историками спецслужб десятилетием шпионажа. Этими достижениями и поныне гордится российская контрразведка.

В восьмидесятые годы совместно с другими подразделениями КГБ СССР мы разоблачили многих агентов ЦРУ из числа российских граждан, захватили с поличным семь американских разведчиков во время проведения ими операций по связи со своей агентурой на территории СССР, подготовили и провели десятки оперативных игр

против ЦРУ, вскрыли несколько операций ЦРУ и АНБ на канале технической разведки.

Нам предварительно понадобились годы для того, чтобы досконально разобраться в той роли, которую отводило Лэнгли в агентурной работе московской резидентуре, в тактике ее деятельности, применяемых методах и ухищрениях.

На основе этих материалов Коллегия КГБ СССР утвердила единый всесоюзный план работы по американской линии, обязательный для исполнения всеми без исключения органами и подразделениями центрального аппарата КГБ СССР, КГБ союзных республик и территориальными управлениями КГБ.

Мы теоретически обосновали и затем задействовали комплексную контрразведывательную операцию по контролю разведчиков на территории Москвы и действий резидентуры ЦРУ на каналах агентурной связи, позволявшую совместно с другими подразделениями КГБ обнаруживать в городе заложенные американцами тайники для их агентов, перехватывать сигналы ближней агентурной радиосвязи, выявлять в потоке корреспонденции шпионские письма, находить условные графические сигналы. Мы овладели приемами завязывания и проведения оперативных игр против ЦРУ, используя для этого московскую резидентуру.

Каждый оперативный работник первого отделения лично вел дела оперативной разработки на конкретных одного-двух разведчиков ЦРУ, а также и несколько оперативных игр.

Наш рабочий день теоретически начинался в 9.00 и заканчивался в 18.00, но практически он был ненормированным и продолжался до той поры, пока не прояснялась ситуация на сегодняшний день по всей резидентуре в целом.

Мы находились на службе, пока все американские разведчики после работы в посольстве не разъедутся по домам, то есть пока мы не уложим их спать.

Помимо этого ежедневно (в выходные и праздничные дни включительно) в отделении по скользящему графику назначался дежурный, который приходил на работу к 14.00 и находился на рабочем месте как минимум до 23.00, контролируя из нашего Центра ситуацию по всей резидентуре ЦРУ в целом.

Дежурный наделялся соответствующими административными полномочиями, и в его обязанности входило, как теперь говорят, руководство on-line всеми силами КГБ СССР по вскрытию операций ЦРУ по связи со своими агентами в случае появления признаков того, что подобная операция началась.

В этом случае весь личный состав первого отделения поднимался по тревоге, подключался к поисковым мероприятиям, и каждый действовал на своем участке в соответствии с имевшимся планом.

Идеологом работы КГБ против американцев и практически ее организатором в восьмидесятые годы был начальник первого отдела ВГУ КГБ СССР генерал-майор Рэм Сергеевич Красильников, которого называли охотником за шпионами, охотником за двойными агентами-кротами. С его именем связаны самые результативные и интересные операции советской контрразведки против ЦРУ США в послевоенный период.

Красильников родился в Москве 14 марта 1927 года в семье офицера НКВД и после окончания МГИМО, получив диплом юриста-международника, пошел по стопам отца, став сотрудником МГБ СССР.

До назначения в контрразведку Рэм Сергеевич проработал в резидентурах советской разведки в посольствах СССР в Ливане и Канаде. Из Оттавы он имел возможность свободно ездить в США, получив таким образом наглядное представление о жизни, быте и нравах американского общества, против разведки которого ему предстояло работать.

Бейрут же в те годы был центром активной деятельности разведок различных государств на Ближнем Востоке, средоточием их резидентур, где своей активностью особенно выделялись американцы.

Красильников с позиций ПГУ имел возможность непосредственно контактировать там с американцами, изучить почерк, тактику и методы работы ЦРУ на канале агентурной разведки, приобрести опыт вербовочных мероприятий.

Во Втором главном управлении КГБ СССР Рэм Красильников с 1973 по 1979 год возглавлял второй (английский) отдел контрразведки и в том же 1979 году был назначен начальником первого отдела Второго главного управления КГБ СССР, где проработал вплоть до 1991 года. В последующем он в течение ряда лет читал лекции в академии ФСБ России.

Рэм Красильников за выдающиеся заслуги в деле защиты государственных интересов СССР был удостоен звания «Почетный сотрудник госбезопасности», награжден орденами Октябрьской Революции, Красной Звезды, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, многими медалями СССР и ряда зарубежных стран.

Мне и моим коллегам-товарищам посчастливилось работать под его непосредственным руководством целых двенадцать незабываемых лет. Это была увлекательная и азартная работа, где было место и творчеству, и разумной инициативе.

Никогда не забуду нашей первой встречи. Знакомство с новым начальником американского отдела для нас, в то время руководителей среднего звена, осуществлялось индивидуально. Он всех по очереди приглашал в свой кабинет.

В то время я уже руководил группой разработчиков установленных сотрудников ЦРУ, выявленных нами из состава дипломатов посольства США в Москве.

Я подготовился к подробному докладу о составе посольской резидентуры ЦРУ, о добытой нами информации, об особенностях каждого американского разведчика и об организации контрразведывательной работы по резидентуре в целом.

Рэм Сергеевич с интересом выслушал доклад по разведчикам и некоторым нашим мероприятиям, но, к моему немалому удивлению, отказался знакомиться с накопленной за предшествующие годы обобщенной информацией по действиям разведчиков, сказав при этом, что нет необходимости погружаться в этот материал, так как у него иной взгляд на действия резидентуры ЦРУ, чем бытовал в нашем подразделении в то время.

И, как оказалось, он был прав, заставив всех нас по-новому отнестись и к нашей работе, и к составу посольской резидентуры ЦРУ, и к оперативным действиям американских разведчиков.

Под его руководством была практически раскрыта и разгромлена в восьмидесятых годах прошлого века шпионская сеть ЦРУ в СССР.

Теперь уже не секрет, что в недалеком прошлом сотрудники ЦРУ Олдрич Эймс, Эдвард Ли Ховард и офицер ФБР Роберт Хансен работали на советскую разведку и передали в КГБ немало информации о гражданах СССР, вставших на путь предательства, измены Родине и

шпионажа против своей страны в пользу США. И многие из этих изменников были установлены и затем понесли заслуженное наказание.

Какое-то время из соображений оперативной необходимости факт задержаний некоторых из них предавался гласности (например, арест Толкачева), и когда сотрудники посольской резидентуры ЦРУ пытались восстановить с ними агентурные контакты и провести очередную встречу, они задерживались контрразведкой с поличным, объявлялись персоной нон грата и выдворялись из СССР.

Работать с Красильниковым было великое удовольствие. На совещаниях, которые он проводил в узком составе, происходил мозговой штурм, обязательно выслушивалось мнение каждого. Он так искусно вел совещания, что в итоге иной раз решение какого-либо сложного для нас вопроса неожиданно оказывалось простым и очевидным, и возникало недоумение, почему мы сами не предложили столь очевидное решение.

Красильников был по-житейски мудр, начитан и эрудирован, интеллигент, как говорят, до мозга костей. Его отличали исключительная врожденная грамотность и способность кратко, в сжатой, но емкой форме выражать свои мысли, в том числе и в письменном виде.

Он всегда был вежлив и тактичен, но никогда не забывал о субординации. Я не знаю никого, с кем бы у него сложились панибратские отношения или отношения, выходящие за рамки служебных.

Порядок в голове, во внешнем виде, в делопроизводстве, в сейфе и на рабочем столе, пунктуальность во всем — этому он учил нас, своих подчиненных, и главным образом не словами, а личным примером.

И еще очень важное, на мой взгляд, качество Красильникова — он паталогически не воспринимал подковерные игры, никогда не участвовал ни в каких интригах (а они в КГБ были), сторонился пустословных пересудов, бездельного времяпрепровождения. Не гнался за званиями или должностями, работа была для него смыслом жизни и любимым делом.

А вот мнение разведчика ЦРУ Милтона Бирдена о Красильникове:
«Во Втором главном управлении — контрразведка — в мое время руководителем был Рэм Сергеевич Красильников, и под его началом

служил Валентин Клименко. Они были ориентированы на Америку, на Соединенные Штаты...

Рэм Красильников был в то время начальником американского отдела Второго главного управления КГБ. И он был замечательным, очень, очень вдумчивым, очень грамотным и профессиональным разведчиком. И я познакомился с ним в период последних лет своей работы в ЦРУ. И даже после того как я ушел из ЦРУ и уже писал книгу под названием “Главный противник”, я встречался с ним несколько раз. Он и его жена Нинель стали для меня почти что друзьями.

Его имя Рэм — Революция, Энгельс, Маркс — одно из тех странных революционных имен, которыми называли детей его поколения. Его жену называли Нинель. Она — очаровательная женщина. Но это “Ленин”, произнесенный наоборот, и это еще одно из тех причудливых революционных имен того поколения. Но это не значит, что он не был очень глубоким человеком».

Мне неоднократно приходилось вместе с ним готовить записки в ЦК КПСС. Это была настоящая и уникальная школа, которая пригодилась мне на всю оставшуюся жизнь.

Если кто-то думает, что КГБ СССР самостоятельно мог решать задачи, выходящие на политический уровень, то это ошибочное представление о взаимоотношениях КГБ СССР и партийного руководства страны.

Любые мало-мальски значимые результаты по ЦРУ США, добытая разведывательная информация по посольству США в Москве, аналитические материалы, в том числе и прогностического характера, докладывались записками в ЦК КПСС.

У ЦК КПСС испрашивалась санкция на проведение острых контрразведывательных мероприятий против американских спецслужб, и в ЦК докладывалось об их исполнении, а так как я в первом отделе непосредственно отвечал за работу против посольской резидентуры ЦРУ, то, естественно, все проекты записок в ЦК по этой проблематике готовил я, а шлифовали эти проекты мы уже вместе с Рэмом Красильниковым вдвоем.

Многие часы, проведенные с ним за написанием очень важных для нас документов, я расцениваю как подарок судьбы, позволивший мне

перенять у Рэма Сергеевича часть его опыта и обширные знания по американцам.

Рэм Красильников практически создал школу единомышленников-профессионалов, которые поверили ему неукоснительно, и вот уже четвертый десяток лет российская контрразведка использует теорию и практику работы против ЦРУ США и его посольской резидентуры, разработанную Рэмом Сергеевичем Красильниковым.

Генерал-майор Рэм Сергеевич Красильников ушел из жизни 16 марта 2003 года.

В восьмидесятые годы прошлого столетия первым отделом В ГУ во взаимодействии с другими подразделениями КГБ под руководством Красильникова была пресечена преступная деятельность таких американских шпионов из числа советских граждан, как Толкачев, Воронцов, Поляков, Поташов, Павлов, Полещук, Петров, Капустин, Иванов и др. Предотвращены контакты с представителями американской разведки около двадцати инициативников из числа граждан СССР.

В те же годы во время операций по связи с американскими агентами были задержаны с поличным сотрудники ЦРУ Питер Богатыр, Луис Томас, Ричард Осборн, Пол Стомбах, Майкл Селлерс, Эрик Сайтс, действовавшие под прикрытием и в составе посольства США в Москве, и сотрудник генерального консульства США в Ленинграде разведчик ЦРУ Лон Аугустенборг.

Этих сотрудников ЦРУ и некоторых других объявили персоной нон грата и выдворили из СССР, многим сотрудникам ЦРУ закрыли въезд в нашу страну в качестве дополнительных ответных мер.

Многочисленные разоблачения не могли не повлиять на репутацию американской разведки, агентурная сеть ЦРУ в те годы понесла большие потери. Провалы американских спецслужб, по заявлениям самих американцев, в те, уже далекие, восьмидесятые буквально разрушили московскую резидентуру.

О событиях тех лет Милтон Бирден высказался следующим образом:

«Это были два главных соперника в очень большой драме под названием “холодная война”. Если вникать в контекст отношений между КГБ и ЦРУ, то там не было места для провала, не было места для совершения ошибок. Я бы сказал, что в основном обе стороны были

оптимально подготовлены для разведывательной деятельности. И одна была так же хороша, как и другая.

Доля правды заключается в том, что мы почти никогда не теряли агента из-за неаккуратности или ошибки. Мы теряли его, только если нас предавали, а они теряли кого-то, если предавали их. Вы не можете бороться с предательством, вы можете бороться с умением. Вы можете иметь дело с методами работы разведки и иметь нулевой показатель недоработок. Но вы не можете что-то сделать с предательством.

80-е стали завершающей фазой соперничества между ЦРУ и КГБ как части холодной войны. Я имею в виду, что оно продолжается, но не как элемент холодной войны, враждебных взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном.

Московская резидентура была там, потому что она была нам там нужна. КГБ и ГРУ имели свои резидентуры в Вашингтоне. И мы ждали такой возможности, как Толкачëв или какой бы то ни было. И это все, что я делал.

Там происходило множество других вещей в рамках схватки, которую мы называем “холодная война”. Каждая резидентура хорошо выполняла свою работу, конечно, у нас были успехи в Москве, но у них был, вы знаете, Виктор Черкашин в Вашингтоне — великолепный оперативный сотрудник резидентуры и разведчик. У него был Эймс. Мы тоже получали тяжелые, сильные удары в это же время.

Кто выиграл эту борьбу между США и Советским Союзом в восьмидесятые годы? Только история покажет это. Но Советский Союз исчез, а мы нет. КГБ в реальности, в этой форме, распался на отдельные элементы. Это могло поменяться. Но я не говорю: “Мы победили, мы победили”. Я говорю: “Ну что ж, мы не проиграли ”».

Контрразведывательные мероприятия против ЦРУ США современными чекистами успешно проводятся на базе опыта Рëма Красильникова и первого отделения первого отдела В ГУ КГБ СССР образца восьмидесятых годов двадцатого века, но уже на ином, новом уровне, о чем свидетельствуют преданные гласности в последние годы очередные разоблачения агентурной деятельности ЦРУ на российском направлении.

Часть третья

**Хроника событий, о которых мало кто
знает**

Глава десятая

Захваты с поличным сотрудников ЦРУ и их агентов в Москве и Ленинграде

В практике сотрудников первого отделения первого отдела ВГУ участие в подготовке и проведении многих операций контрразведки (удачных и нет) по захватам с поличным сотрудников ЦРУ, действовавших в Москве и Ленинграде под дипломатическим прикрытием в посольстве и генеральном консульстве США в период с 1973 по 1990 год.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все операции восьмидесятых проходили под руководством Рэма Сергеевича Красильникова, но планировались они и готовились первым отделением первого отдела ВГУ совместно с Седьмым управлением КГБ, а в непосредственном силовом задержании американских разведчиков принимали участие и сотрудники группы «Альфа».

Я расскажу о тех операциях российской контрразведки по задержанию с поличным американских профессионалов из ЦРУ и их агентов, в которых мне посчастливилось принимать непосредственное участие.

При задержании сотрудников ЦРУ Эдмунда Келли, Марты Петерсон и Лона Аугустенборга я занимался подготовительной и штабной работой, но начиная с захвата Винсента Крокетта, с 1977 года, я уже действовал в составе основной группы захвата, официально объявлял разведчикам ЦРУ об их задержании КГБ, обыскивал их, изымал документы и шпионское снаряжение, вел вербовочную обработку, а затем вместе с Красильниковым проводил процедуру разбирательства в приемной КГБ. По итогам операций готовил докладные записки в ЦК КПСС.

Самое неприятное для любой спецслужбы — это провал, разоблачение и арест завербованных ею агентов или захват кадровых разведчиков с поличным.

Захват разведчика с поличным подразумевает задержание разведчика контрразведкой страны пребывания при проведении им агентурной акции, то есть в момент операции по связи с агентами или

операции по линии технической разведки либо задержание с уликовыми материалами, от которых разведчик не сумел своевременно избавиться и которые станут уликами в деле против него.

Для нас главным во всех этих ситуациях было то, чтобы у иностранного разведчика-агентуриста, использующего дипломатическое прикрытие для связи с агентом, при себе оказались эти самые улики, однозначно свидетельствующие о его шпионской противоправной деятельности в нарушение Венской конвенции 1961 года.

При проведении акций по захвату с поличным разведчиков-дипломатов решаются важные как процессуальные, так и оперативные задачи, например необходимо добыть дополнительные улики, будь то шпионское снаряжение, разведывательные задания и иные доказательства по уголовным делам в отношении ранее разоблаченных и арестованных нами агентов из числа российских граждан. Это можно сделать в рамках следственных экспериментов.

В отдельных случаях возникает необходимость скомпрометировать применяемые разведслужбой технические средства и устройства путем задержания иностранных разведчиков.

В иных ситуациях захват с поличным разведчика являлся наиболее удобным способом поставить финальную точку в оперативной игре, когда по различным причинам было невозможно ее продолжать.

Бывают случаи у всех контрразведок мира, когда операция по захвату с поличным иностранного разведчика обусловлена необходимостью проведения ответных мер на аналогичные действия против собственного сотрудника разведки в другой стране — такие ситуации в большинстве своем возникают неожиданно, когда оперативных условий для их реализации нет.

В подобных случаях контрразведка может пойти и на провокацию, организовав под соответствующей легендой подброс разведчику сфабрикованной секретной информации с последующим его задержанием и процессуальным документированием, но мы такие методы не использовали.

В результате захватов разведчиков с поличным, как правило, на длительное время сковывается деятельность посольской резидентуры любой разведки с учетом необходимости разобраться в причинах своих провалов.

Обязательным условием проведения операций по захвату с поличным является наличие у контрразведки доказательной базы, полученной ранее в ходе работы против резидентуры, и уверенность, что во время захвата с поличным будут получены дополнительные материалы и шпионское снаряжение.

Эти материалы и разведывательное снаряжение необходимы для доказательств противоправной деятельности иностранной спецслужбы и ее конкретных разведчиков и для предоставления их в Министерство иностранных дел, мировой общественности и общественности собственной страны через средства массовой информации.

Помимо наличия улик, для захвата с поличным необходимо соблюдение еще ряда обязательных условий. Агент иностранной разведки должен быть к моменту захвата уже разоблачен, арестован, давать признательные показания, чтобы у него были изъяты инструкции по организации связи с разведцентром. Или же продолжение оперативной игры по ряду причин нецелесообразно, и в рамках этой игры созданы условия для ее реализации путем захвата с поличным разведчика. Или же контрразведкой обнаружена и обезврежена внедренная резидентурой на местности или в учреждении спецтехника.

Любая операция по захвату сотрудника иностранной спецслужбы, находящегося в стране под дипломатическим прикрытием, носит политический и явно выраженный конфронтационный характер.

При реализации захвата с поличным дипломата-разведчика неизбежно возникает коллизия с общепринятыми нормами международного права, и в частности с Венской конвенцией 1961 года, в соответствии с которой дипломатам предоставляется личная неприкосновенность и иммунитет от уголовного преследования в стране пребывания.

Формально личная неприкосновенность иностранного разведчика, имеющего статус дипломата, и в самом деле нарушается контрразведкой.

Но контрразведка исходит из того, что дипломатический статус предоставляется гражданам другого государства исключительно для ведения дипломатической деятельности, а не для преднамеренного нарушения основополагающих законов страны пребывания и

проведения шпионской и иной разведывательной деятельности в ущерб безопасности страны, в которой дипломат находится.

Захват с поличным — это наиболее острая контрразведывательная операция спецслужб, итогом которой является задержание иностранного разведчика, объявление его персоной нон грата и выдворение из страны.

Но никогда нельзя забывать, что за захватом с поличным следует, как правило, ответная акция на родине разведчика, что неминуемо ведет к обострению отношений не только между спецслужбами, но и к обострению межгосударственных отношений на политическом уровне.

Поэтому акция по захвату с поличным разведчика-дипломата проводится только по согласованию с руководством страны. К ее реализации привлекается Министерство иностранных дел. Особое внимание уделяется собранным уликам, свидетельствующим о вмешательстве иностранной спецслужбы во внутренние дела нашего государства, о серьезном нарушении дипломатом международного права и Уголовного кодекса.

ЦРУ, по нашим представлениям, изначально исходит из того, что агент, с которым они работают на территории России, может быть подставлен контрразведкой или, будучи ранее их надежным агентом, оказаться разоблаченным, перевербованным и контролироваться контрразведкой.

Ярким подтверждением правильности наших выводов об отношении ЦРУ к работе со своими агентами служат слова Милтона Бирдена о нашей оперативной игре «Фантом» (у американцев — операция «Пролог»), о которой речь пойдет в Главе двенадцатой:

«Операция “Пролог” заключалась в том, что начальник американского отдела Второго главного управления КГБ Александр Жомов встретился с одним из наших начальников в поезде, направлявшемся в то время в Ленинград, и предложил свои услуги.

Эта операция проверялась и перепроверялась почти еженедельно. Тогда я был начальником отдела Советского Союза и стран Восточной Европы и на каждом важном этапе данной операции я звонил своей специальной команде по этому поводу и спрашивал: “Что мы думаем?” И мы голосовали по поводу того, была ли эта полезная операция или она контролировалась КГБ. И это было почти как американские выборы: 49/51 %, 51/49 %. То есть у нас никогда не было

полной уверенности, что она контролировалась КГБ или что все было в порядке.

И мое решение было следующее: “Хорошо, даже если мы потеряем здесь, давайте же сделаем это”. И, таким образом, мы уже все знали наверняка, когда Жомов не появился в Прибалтике».

Проводя постоянные проверки своих агентурных источников, американцы, тем не менее, морально и профессионально всегда готовы к тому, что при очередном личном или безличном контакте с агентом их могут задержать.

Контрразведка же, в свою очередь, постоянно держит в уме тот факт, что нарушение дипломатического статуса, являющегося как бы охранной грамотой разведчика, при любых условиях ведет лишь к дипломатическому скандалу, а не к уголовному преследованию.

Только очень веские причины являются основой для реализации имеющихся материалов оперативных игр или уголовных дел на разоблаченных американских агентов.

Поэтому ни один оперативный сотрудник контрразведки, ни бригада наружного наблюдения, ведущая слежку за дипломатом-разведчиком, не могут принять сиюминутное самостоятельное решение о его захвате с поличным.

Контрразведка предпринимает всевозможные меры, чтобы скрыть от разведки свою готовность задержать разведчика. Накануне операции по захвату с поличным и в день захвата и даже во время самого захвата главное — продемонстрировать резидентуре, что в городе ничего необычного не происходит.

В часы, предшествующие операции, только минимальные силы НН работают в городе в отвлекающем режиме. Иногда контрразведкой имитируется активность наружного наблюдения в противоположном районе города.

Под персональное наружное наблюдение принимается минимальное количество сотрудников резидентур, тогда как одновременно с этим осуществляется всеобъемлющий контроль за действиями полного состава резидентуры крупными силами НН, но только с закрытых стационарных постов, путем встречного, зонного наблюдения, с помощью технических средств, подвижных пунктов контроля и пешими разведчиками.

Для контрразведки не имеет принципиального значения, кто из состава резидентуры выйдет на личную встречу или обработку тайника, так как конечный результат в любом случае достигается.

Место проведения операции заблаговременно оборудуется средствами скрытого технического контроля, готовятся базы-укрытия и штабное помещение, в котором сосредотачивается вся информация о действиях всех разведчиков резидентуры.

Несколько групп захвата и штаб занимают свои позиции заранее, за несколько часов до личной встречи, если время личной встречи агента и разведчика известно заранее.

На операциях же по захвату с поличным сотрудников ЦРУ при проведении ими тайниковых операций группы захвата в сменном режиме находятся в укрытиях порой сутками в ожидании прихода разведчиков.

При появлении в месте операции сотрудника ЦРУ команду на его захват имеет право дать только руководитель операции. До этого момента в эфире соблюдается полная тишина — режим радиомолчания.

Сам захват осуществляется только специально подготовленными сотрудниками групп захвата, как правило, они из подразделения «Альфа».

Задержанный разведчик первоначально блокируется и затем жестко фиксируется группой захвата, и только потом оперативный сотрудник контрразведки проводит первичный обыск задержанного, изымая все имеющиеся у разведчика предметы (документы, шпионское снаряжение, диктофон, технические средства контроля радиоэфира, предметы маскировки и экипировки).

Оперативный сотрудник контрразведки объявляет захваченному с поличным разведчику о том, что тот задержан контрразведкой за противоправную, шпионскую деятельность.

Если задержали мужа с женой или одновременно двоих разведчиков, то с момента захвата они изолируются и обыскиваются по отдельности.

Все действия по захвату разведчиков ЦРУ фиксируются видеокамерой, беседы дополнительно записываются на диктофон. Происходит съемка доставки задержанных для разбирательства в здание ФСБ, вызова сотрудника МИД, приезда дежурного по посольству США или американского консула и всего шпионского

снаряжения. Составляется протокол задержания, который предлагают подписать сотруднику МИД и представителю посольства.

Такова приблизительная схема подготовки и проведения операций контрразведки по захватам с поличным сотрудников посольской резидентуры ЦРУ в Москве и опергруппы ЦРУ в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Об операциях контрразведки, о которых пойдет речь ниже, в свое время уже были публикации или краткие сообщения в советской прессе, но я напишу об этом подробно, постараюсь наиболее полно показать масштаб противостояния американской разведки и российской контрразведки.

1975 год

Первая операция по задержанию американского разведчика-агентуриста, к обеспечению которой я был допущен (штабная работа), — это захват с поличным летом 1975 года сотрудника посольской резидентуры ЦРУ, атташе административно-хозяйственного отдела посольства США в Москве Эдмунда Келли.

Первый отдел ВГУ располагал информацией о его принадлежности к ЦРУ.

Разведчика захватили с поличным при выбросе им из окна движущейся автомашины тайникового контейнера, предназначенного для инициативников Григоряна и Капомяна.

Капомян (сотрудник службы наружного наблюдения КГБ Армянской ССР) и Григорян (служащий ереванского отделения «Аэрофлота») в начале семидесятых вошли в преступный сговор и, выступив в качестве инициативников, на автомобильной трассе Москва — Ереван передали военному атташе посольства США в Москве записку с предложением своих услуг.

Для установления конспиративной связи с этими инициативниками в Ереван выезжал сотрудник посольской резидентуры ЦРУ Джон Вайтхед, находившийся в посольстве под прикрытием гражданского помощника атташе по вопросам обороны.

Таким образом, ЦРУ с помощью Вайтхеда установило шпионский контакт с Григоряном и Капомяном.

Тайниковая операция по связи с ними была назначена американцами в Москве, но они уже попали в поле зрения КГБ СССР в результате успешной работы контрразведки на почтовом канале связи.

Район для выброса посылки со шпионскими материалами (мусорные баки в межквартальном проезде в Черемушках, в районе улицы Вавилова) был подобран ЦРУ на ежедневном, обычном маршруте возвращения Келли из посольства домой, в непосредственной близости от места его проживания.

После выброса из автомобиля шпионского контейнера автомашину американца заблокировали непосредственно в месте проведения тайниковой операции конспиративно замаскированными там группами захвата, одна из которых пряталась в самом контейнере для мусора.

Келли из автомашины выходить наотрез отказался. Силой вытаскивать не стали.

На место задержания пригласили представителя МИД СССР и дежурного консула из американского посольства и предъявили им вещественные доказательства шпионской деятельности этого разведчика.

За этим последовала нота протеста Министерства иностранных дел посольству США в Москве. Американец был объявлен персоной нон грата и покинул нашу страну.

В семидесятые годы это была первая подобная акция против сотрудников ЦРУ, работавших в Москве под дипломатическим прикрытием.

1977 год

В 1973 году в Боготе (Колумбия) сотрудниками ЦРУ была проведена комбинация по подставе российскому дипломату, второму секретарю советского посольства Александру Огороднику женщины. Их интимные отношения американцы тщательно задокументировали.

Но компрометации Огородника не потребовалось. От имени ЦРУ с ним установили оперативный контакт, на который он охотно согласился, и осуществили его вербовку для работы на американскую разведку в качестве агента.

Огородника обучили пользоваться закамуфлированной в авторучку фотокамерой и способам тайниковой связи.

В 1974 году Огородник возвратился из командировки в Москву. Тут в течение двух с половиной лет американцы поддерживали с ним контакт через тайники и с помощью радиосредств. А он снабжал их информацией о деятельности нашего внешнеполитического ведомства.

В 1977 году агента разоблачили и арестовали. При обыске у него дома обнаружили средства шпионажа — контейнеры с фотопленками, инструкции по связи и радиоприемник для приема односторонних радиопередач.

По материалам этого дела Юлиан Семенов написал книгу «ТАСС уполномочен заявить», а позднее был создан одноименный фильм, носящий художественно-документальный характер.

Как известно, при задержании Огородник покончил жизнь самоубийством, сумев принять яд, полученный им от ЦРУ.

В процессе задержания и допроса он вызвался лично написать явку с повинной и рассказать в ней обо всех своих грехах. Попросил передать ему его собственную авторучку, в колпачке которой американские технические специалисты спрятали ампулу с ядом.

В силу своей тогдашней неопытности при проведении подобных мероприятий контрразведке не удалось предотвратить самоубийство этого американского агента.

У Огородника при обыске его квартиры обнаружили инструкции ЦРУ и план поддержания конспиративной связи с американцами в Москве.

Среди инструкций находились подробные схемы с координатами мест проведения тайниковых операций, оговаривалась система сигналов (опасность, готовность к закладке или успешное изъятие тайника и др.), а также шифровальные блокноты для расшифровки односторонних радиопередач в адрес агента.

С учетом этих улик и конкретных инструкций ЦРУ по способам связи с Огородником руководство КГБ СССР приняло решение реализовать полученные в отношении Огородника оперативные материалы. Вызвать американцев на очередную агентурную акцию, чтобы задержать во время ее проведения сотрудника посольской резидентуры ЦРУ.

И в книге Юлиана Семенова, и в фильме достоверно рассказано, как контрразведка путем анализа имевшихся материалов вычислила место постановки условного графического сигнала на объекте «Дети».

Этот сигнал считал заместитель резидента ЦРУ в Москве, первый секретарь политического отдела Алмер при движении на автомашине из посольства домой.

Действуя в соответствии с инструкциями американцев, Вторым главным и Седьмым управлениями КГБ СССР были созданы позиции для проведения мероприятия по задержанию американского разведчика во время закладки им тайникового контейнера на Поклонной горе в парке Победы в Москве.

Но американцы, надо отдать должное их профессионализму, отказались от проведения той агентурной акции, обнаружив скопление сил и средств Седьмого управления КГБ, сосредоточенных в районе предстоящей тайниковой операции.

По линии дальней односторонней радиосвязи Франкфурта-на-Майне они сообщили в передаче для Огородника о том, что обнаружили в парке Победы слежку за собой, и в интересах безопасности агента перенесли операцию на другой срок и в другое место.

Мы в первом отделении в сжатые сроки проанализировали все имеющиеся материалы по передвижению по Москве всех американских дипломатов в день несостоявшейся операции, и было установлено, что никто из известных разведчиков ЦРУ не предпринимал попыток посетить Поклонную гору и парк Победы.

Вместе с тем многие дипломаты, не подозревавшиеся нами в принадлежности к ЦРУ, в тот вечер отсутствовали и бесконтрольно находились в городе. Среди них была и Марта Петерсон, в отношении которой КГБ сведениями о ее принадлежности к ЦРУ не располагал.

С учетом нашей неудачи контрразведкой, с соблюдением повышенных мер конспирации, было сделано все необходимое для подготовки мероприятия в другом месте для захвата с поличным любого американского разведчика, кто бы ни совершил акцию по закладке тайника для Огородника.

В результате конспиративного круглосуточного контроля было установлено, что 15 июля 1977 года на тайниковую операцию по связи с разоблаченным нами агентом вышел не мужчина, как показано в

фильме, а вице-консул посольства США — как оказалось, кадровая сотрудница ЦРУ Марта Петерсон. Американка работала в посольстве США в Москве с 1975 года, была в посольской резидентуре под глубоким прикрытием, отличалась образцовым поведением и внешне никогда не давала контрразведке повода заподозрить ее в принадлежности к ЦРУ.

Впоследствии стало известно, что именно Марта Петерсон начиная с 1975 года проводила операции по закладке тайников для Огородника, причем делала это рано утром или поздно вечером.

Петерсон в тот день каталась на машине по городу, долго проверяла, нет ли за ней слежки. Наконец, бросила автомобиль в проезде Сапунова (ныне Большой Путинковский переулок) рядом с площадью Пушкина, легендируя, очевидно, что вечером пошла в кинотеатр «Россия» или в театр им. Ленинского комсомола.

Переодевшись в другую одежду, Петерсон городским транспортом и пешком (в целом проверка заняла более четырех часов) добралась до Краснолужского моста со стороны Лужнецкой набережной и перешла по этому железнодорожному мосту через Москва-реку.

На противоположной стороне Москва-реки в конце Краснолужского моста Марта Петерсон в тайник, в щель колонны у пешеходной дорожки моста, заложила контейнер — сделанный из пластика искусственный камень черного цвета. В нем находились предназначенные для Огородника деньги, кассеты для шпионской миниатюрной фотокамеры, золотые ювелирные изделия, шифроблокноты, две ампулы со смертельным ядом и инструкции по дальнейшим способам связи.

Действия сотрудницы ЦРУ контролировались и документировались с помощью приборов ночного видения с закрытых постов по обеим сторонам Москва-реки, с опор моста и находившегося поблизости подъемного строительного крана. Сразу же после закладки контейнера американку задержала группа захвата КГБ.

Во время захвата она повела себя чрезвычайно агрессивно, пыталась драться ногами, демонстрируя приемы тхэквондо, которым она неплохо владела, кусалась и громко кричала, стараясь таким образом дать знать агенту, если он находится поблизости, что операция провалена.

При личном обыске у Марты Петерсон изъяли нателную аппаратуру для прослушивания переговоров в эфире на частотах наружного наблюдения, но замаскированный в ее ухе миниатюрный радиоприемник тогда обнаружить не удалось.

Мне на месте задержания разведчицы ЦРУ побывать в тот вечер не пришлось, но я наблюдал всю процедуру официального разбирательства в приемной КГБ СССР.

Марта Петерсон держалась вызывающе, категорически отрицала принадлежность к американским спецслужбам и свое участие в тайниковой операции.

Прибывшим в приемную представителю МИД СССР и консулу США Гроссу американка заявила, что ее задержание является провокацией со стороны КГБ.

Как и всех сотрудников ЦРУ, задержанных до и после нее в Москве и Ленинграде, Марту Петерсон объявили персоной нон грата, и она покинула нашу страну до окончания срока своей заграничной командировки.

В дальнейшем, как нам стало известно, после возвращения в штаб-квартиру ЦРУ Марта Петерсон долгие годы читала лекции для молодых сотрудников ЦРУ по теме: «Как вести себя при захватах с поличным».

* * *

В январе 1974 года американцы завербовали в качестве агента ЦРУ сотрудника ГРУ Генштаба МО СССР Анатолия Филатова, работавшего в посольстве СССР в Алжире.

В отношении Филатова американцы провели агентурную комбинацию — подставили ему женщину для интимных отношений с последующей угрозой со стороны ЦРУ компрометировать его перед руководством ГРУ.

Опасаясь, что его отзовут из заграничной командировки, если американцы передадут в посольство сделанные ими фотографии интимной связи с иностранкой, Филатов поддался шантажу и согласился работать на ЦРУ.

В Алжире с Филатовым американские разведчики провели более двадцати встреч, в ходе которых он передал американцам информацию о работе посольства, об операциях ГРУ во Франции и Алжире, о

методах ведения партизанской и диверсионной войны, о личном составе резидентур СВР и ГРУ.

Американцы, готовя его к возвращению в Москву, обучили Филатова безопасным способам связи (зашифрованные радиопередачи, тайниковые операции, письма на подставные адреса, личные встречи) для организации с ним конспиративных контактов в СССР.

Перед отъездом из Алжира американцы снабдили Филатова инструкцией по связи, шифроблокнотом, тайнописной копиркой, фотоаппаратом «Минокс» и запасными кассетами к нему, карандашом для нанесения тайнописи, деньгами в рублях и иностранной валюте и золотыми монетами царской чеканки.

В августе 1976 года Филатов возвратился из командировки в Москву в центральный аппарат ГРУ и продолжал снабжать ЦРУ информацией о деятельности советской военной разведки через тайники и с помощью писем.

В результате кропотливой работы военной контрразведки Филатова разоблачили и арестовали. У него обнаружили и изъяли шпионское снаряжение — средства тайнописи, миниатюрный фотоаппарат, вмонтированный в зажигалку, и кассеты к нему, шифровальные таблицы, инструкции по организации связи в Москве.

В соответствии с попавшими в распоряжение КГБ условиями связи (а были известны график, места и время проведения тайниковых операций) Филатов в рамках следственного эксперимента под контролем контрразведки осуществил условный телефонный звонок в посольство США, означавший его готовность изъять содержимое тайника, заложенное американцами на месте под условным названием «Река» на Костомаровской набережной реки Яуза в Москве.

Для проведения захвата с поличным Вторым главным совместно с Седьмым управлением КГБ СССР подготовили план мероприятий, в соответствии с которым на Костомаровской набережной скрытно рассредоточились оперативные группы захвата, в одной из которых был и я.

При этом контрразведка исходила из того, что операцию по закладке тайника мог осуществить сотрудник ЦРУ, пройдя мимо или выбросив контейнер из движущегося автомобиля, поэтому на Костомаровской набережной создали три пояса физической блокировки автотранспорта посольства США.

В день операции, 2 сентября 1977 года, гражданский помощник атташе по вопросам обороны, он же ранее установленный контрразведкой как сотрудник посольской резидентуры ЦРУ Винсент Крокетт, с женой Бекки вечером побывали в подмосковном загородном ресторане «Русь» в Салтыковке.

Когда они возвращались из ресторана домой, наружное наблюдение намеренно не стало сопровождать американцев. В эфире на частотах НН соблюдался режим радиомолчания.

Будучи уверенными в отсутствии за собой слежки, супруги Крокетты поехали от МКАД к центру города кратчайшим путем, через Костомаровский мост переехали на Костомаровскую набережную, где в условном месте автомашина слегка притормозила и жена Крокетта из приоткрытого окна автомашины под кусты на газон бросила тайниковый контейнер со шпионским снаряжением для Филатова, закамуфлированный в испачканную мазутом грязную тряпку.

По сигналу штаба набережную пытались перекрыть первые два пояса захвата, но американцам, резко увеличившим скорость, удалось их проскочить. Только третий пояс сумел перегородить автомобилями набережную и таким образом заблокировать автомашину сотрудников ЦРУ.

Крокетты, находясь внутри автомобиля, заблокировали окна и двери и постоянно давали автомобильные звуковые сигналы, полагая, что агент ЦРУ находится рядом и услышит, так как по условиям связи Филатов должен был изъять этот контейнер через пятнадцать минут после его закладки.

Место блокировки машины американцев было достаточно далеко от штабного помещения, в котором я находился, и когда я добежал до этого места, то увидел, что машина плотно окружена сотрудниками Седьмого управления (наружное наблюдение), которые пытались силой открыть двери автомобиля. Указания каким-либо образом повредить автомашину или бить стекла у них не было.

Поскольку непосредственно на месте задержания среди сотрудников НН я был единственным представителем контрразведки, надо было срочно принимать решение, как извлечь американцев из автомобиля. И я дал команду монтировкой разбить правое заднее стекло, что и было сделано.

Двери автомобиля удалось открыть изнутри салона, на что мы не решились в 1975 году в отношении захваченного тогда с поличным сотрудника ЦРУ Эдмунда Келли.

Винсент Крокетт и его супруга активно сопротивлялись, физически препятствовали задержанию, категорически отказывались покинуть машину, но все-таки в итоге пришлось применить силу, изолировать их друг от друга и по отдельности доставить в помещение КГБ.

Вызволять Крокеттов из приемной КГБ по вызову МИДа приехал опять консул Гросс, который вызывался нами на разбирательство с Мартой Петерсон.

По окончании официальной процедуры начальник первого отдела ВГУ Е. М. Расщепов, прощаясь с Гроссом, пошутил: «Вы, господин консул, теперь в КГБ стали ездить, как на работу».

Нота протеста МИД СССР посольству США в Москве не заставила себя долго ждать. Американцы вскоре покинули нашу страну, а Филатов за свое предательство понес заслуженное наказание.

1981 год

От женщины, уехавшей из СССР жить в Америку, во время ее опроса в ФБР, а затем и в ЦРУ американцам стало известно, что один из ее московских приятелей связан с разработками лазерной техники и является носителем государственных секретов и он якобы тоже не прочь переселиться в Америку.

Чтобы использовать эту ситуацию в своих интересах, ЦРУ подготовило оперативную комбинацию.

Для установления контакта с тем москвичом в СССР в посольство США ЦРУ командировало своего сотрудника под видом третьего секретаря политического отдела Питера Богатыра, прекрасно владевшего русским языком (его родители были выходцами из России) и принимавшего в Вашингтоне участие в опросах женщины-эмигрантки.

Американец связался по телефону с потенциальным агентом, скрыв от него свою принадлежность к посольству США, представившись туристом, приехавшим в СССР из Америки. Он

передал привет от выехавшей в США подруги и напросился на встречу, во время которой вручил сувениры и написанное эмигрировавшей подругой письмо, в котором она с лучшей стороны откомендовала Питера.

На встрече Питер Богатыр практически предпринял вербовочную обработку москвича, пообещав содействие в переезде в США, а также оставил ему график и условия последующих встреч. Об этом стало известно в КГБ СССР.

Руководство КГБ решило проконтролировать их очередную встречу и осуществить задержание американца с поличным, так как все обстоятельства переданного приветов из США однозначно указывали на вербовочной почерк профессионалов из ЦРУ.

Поскольку время предстоящей операции не было известно, мы совместно с УКГБ по г. Москве и Московской области и Седьмым управлением заблаговременно определились, кто за что отвечает. В мои обязанности входило непосредственное задержание разведчика на месте встречи.

Интересен тактический прием, который использовали американцы для выхода на очередной контакт со своим, как они посчитали, будущим агентом.

В августе Питер Богатыр выехал вместе с женой поездом в Хельсинки для медицинских консультаций беременной супруги, но в Москву американец неожиданно возвратился не поездом, как нами ожидалось, а самолетом, причем один — без жены — и на день раньше официально заявленного срока.

Полагая, что КГБ его не контролирует, Богатыр, не заезжая в посольство, прямо из аэропорта позвонил на домашний телефон своему новому знакомому и назначил встречу в этот же день в соответствии с условиями связи в заранее обусловленном месте.

Когда поступила информация о звонке Богатыра, месте и времени встречи, меня немедленно поставили в известность, и послали за мной автомашину НН, но произошло непредвиденное.

Ожидаемое время прибытия автомобиля прошло, а машины нет. Я звоню в Центр НН, мне подтверждают, что машина стоит и ждет меня у моего адреса, а в действительности машины нет. Я еще дважды звонил, ситуация в точности повторялась — меня убеждали, что машина в адресе.

Что делать? Я решил, что разбираться будем потом, поймал такси и примчался в район проведения операции.

К моему ужасу, операция уже началась. Но, к счастью, как и было предусмотрено планом, на месте захвата находился мой заместитель Владимир Анатольевич Бойцов, который и руководил захватом с поличным американского разведчика.

Я хоть и с опозданием, но включился в работу группы захвата, но кто бы знал, скольких нервных клеток стоила мне эта ситуация.

При задержании у него изъяли подробнейшую инструкцию по использованию автомобильного и городского транспорта для прибытия в район операции, а также инструкции для его нового знакомого по способам связи с ЦРУ.

В приемной КГБ мы с Красильниковым пытались склонить американца к сотрудничеству, убеждая его в том, что он своими неумелыми действиями нанес ущерб ЦРУ, провалив перспективную для разведки комбинацию и практически отдал нам подлинную инструкцию ЦРУ, раскрывавшую методику разведчиков по отрыву от слежки в Москве, но Богатыр во время разбирательства держался уверенно и спокойно, в чем-то даже доброжелательно, всем своим видом демонстрируя, что лично для него ничего страшного не произошло и в нашей помощи или поддержке он не нуждается.

Непродолжительная дипломатическая командировка Питера Богатыра в СССР завершилась очередным сообщением в газетах об объявлении еще одного сотрудника ЦРУ персоной нон грата и выдворением его из страны.

Провал американского разведчика на операции по связи с потенциальным агентом ЦРУ не повлиял на карьерный рост Питера Богатыра.

Через много лет американец объявился в Болгарии, где продолжил службу в качестве резидента посольской резидентуры ЦРУ в Софии.

А что касается казуса с неприбытием автомашины в назначенное время в мой адрес, то, как говорится, это была оплошность исполнителя.

Разбирательство показало, что один из руководителей среднего звена наружного наблюдения послал за мной машину своевременно, но к дому два, а не к дому двадцать, в котором я проживал. А мобильных

телефонов или иных способов, чтобы я мог лично связаться с водителем, в то время еще не существовало.

Захват с поличным разведчика ЦРУ Питера Богатыра при проведении американцами личных встреч, а не на тайниковых операциях был первым подобным задержанием в современной истории контрразведки.

* * *

В том же году по еще одной наводке из США ЦРУ предприняло попытку привлечь к сотрудничеству другого советского гражданина — Альберта Петрова.

Эмигрировавший ранее из СССР в Израиль, а затем в США житель Львова некий Израилевский сообщил американцам о готовности своего знакомого Петрова, работавшего на оборонном предприятии Львова, продавать ЦРУ секретную информацию за деньги. В то время Львов был закрытым для посещения иностранцами городом.

Израилевский, будучи сам картежным шулером, охарактеризовал Петрова как искателя легкой жизни, готового на все ради наживы и последующего переезда на Запад. Рекламируя Петрова, действительно имевшего доступ к секретной документации оборонного завода, Израилевский преследовал и собственную цель — получить вознаграждение от ЦРУ для безбедного проживания в США.

ЦРУ заинтересовалось информацией Израилевского, и по поручению разведцентра сотрудник посольской резидентуры Чарльз (Чак) Ливен предпринял меры по установлению конспиративных контактов с Петровым.

Но действия разведчика не остались нами незамеченными — в результате поисковых мероприятий на каналах агентурной связи ЦРУ контрразведкой своевременно было перехвачено письмо в адрес Петрова, а затем и обнаружен заложенный для него шпионский контейнер.

В оказавшемся в нашем распоряжении тайниковом контейнере находились разведывательное задание ЦРУ по сбору информации об оборонном заводе, инструкции, как принимать радиопередачи из Франкфурта-на-Майне, средства тайнописи и заранее заготовленные

письма-прикрытия бытового содержания на подставные адреса в США, на которые было необходимо наносить тайнописные сообщения.

Так еще на начальном этапе контрразведкой была сорвана операция ЦРУ по развитию агентурного контакта с жителем города Львова Альбертом Петровым.

* * *

Контрразведкой был разоблачен и арестован агент американской разведки Евгений Капустин, человек с уголовным прошлым (вор-рецидивист).

Несмотря на его уголовное прошлое и отсутствие у него доступа к секретной информации, посольская резидентура ЦРУ организовала конспиративную тайниковую, телефонную и почтовую связь.

Эта ситуация не вписывалась в наше представление о том, как работает резидентура ЦРУ, так как определяющим критерием при принятии в разведцентре решения об установлении агентурных отношений является обладание человеком секретными и совершенно секретными сведениями, составляющими государственную тайну.

А Капустин этим требованиям не соответствовал. Будучи по натуре авантюристом и беспринципным человеком, Капустин хотел лишь любым путем, не прикладывая никаких усилий, заработать хорошие деньги.

Он использовал случайный контакт в ресторане с сотрудником посольства США в Москве Бауманом, который предложил ему заработать, ответив на вопросы.

Бауман, разведчик ЦРУ, работавший в посольстве США под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны, несколько раз разговаривал с Капустиным по телефону, задавая ему интересующие ЦРУ вопросы.

17 ноября Бауман заложил за будку телефона-автомата тайник для Капустина в виде грязной рукавицы, позвонил ему и дал указание немедленно изъять эту тайниковую закладку.

В контейнере оказались задания ЦРУ, инструкции по организации приема кодированных передач радиоцентра из Франкфурта-на-Майне, пачка писем от «туристов» на английском языке на подставные адреса

ЦРУ в США, шифровальные блокноты, тайнописная копировальная бумага.

Выполняя задания ЦРУ, Капустин поставил условный графический сигнал об успешном изъятии тайника и затем скрупулезно отвечал на вопросы ЦРУ, направляя в зашифрованном виде письма в США.

После личной встречи с Бауманом через некоторое время Капустин был арестован и привлечен к уголовной ответственности, но его задержание, как и задержание Альберта Петрова, не сопровождалось захватом с личным разведчиков ЦРУ, работавших с ними под прикрытием посольства США в Москве, так как для этого не было возможностей.

Но в интересах компрометации американцев в прессе опубликовали сообщение:

«В Комитете госбезопасности СССР. Органами государственной безопасности СССР арестован советский гражданин Капустин Е.А., работавший до ареста на одном из предприятий г. Москвы.

При аресте у Капустина обнаружены и изъяты разведывательные задания, шифры, инструкции по поддержанию конспиративной связи и другие материалы, неопровержимо свидетельствующие о шпионской работе с Капустиным представителей ЦРУ, действующих под видом сотрудников посольства США в Москве. Ведется следствие».

1983 год

Начиная с 1982 года радиоконтрразведкой КГБ СССР стали эпизодически фиксироваться факты работы неизвестного радиопередатчика, посылавшего из разных районов Москвы радиовыстрелы на американские спутники Земли системы «Марисат», находившиеся на геостационарных орбитах: «Марисат-1» над Атлантикой, «Марисат-2» над Тихим океаном и «Марисат-3» над Индийским океаном.

Сопоставительный анализ пеленгов этих передач с данными наружного наблюдения за американскими разведчиками показал, что радиовыстрелы всегда совпадали по времени с пребыванием в районах пеленга только известных контрразведке сотрудников посольской

резидентуры ЦРУ в Москве. Исходя из этого первым отделом ВГУ совместно с радиоконтрразведкой был сделан уверенный вывод о причастности именно американских спецслужб к этим радиопередачам.

В операциях с применением радиосредств дальней космической связи принимали активное участие разведчики резидентуры ЦРУ — второй секретарь посольства США Планкерт, атташе посольства Рейнолдс, а также резидент ЦРУ, первый секретарь посольства Карл Гебхардт, которые вместе с женами совершали прогулки и устраивали пикники в различных парках Москвы.

На пикник разведчики ЦРУ всегда брали с собой большую спортивную или хозяйственную сумку.

Мы точно не знали, но предполагали, что как раз в этих сумках и спрятана специальная аппаратура спутниковой связи, с помощью которой, маскируя свои действия прогулками, американцы осуществляли экспериментальные передачи на искусственный спутник Земли.

Радиоконтрразведке было известно, что ЦРУ уже пользовалось этим способом связи для контактов со своими агентами в ряде стран мира.

Проанализировав полученные в Москве оперативные данные, мы предположили, что теперь американцы решили изучить возможность применения этого вида связи для агентов и на территории Советского Союза и резидентура ведет испытание радиоустройства на местности для передачи его в дальнейшем неизвестному контрразведке и ценному для США агенту.

Для принятия решения о задержании американцев при работе с радиоаппаратурой обсуждался вопрос о правомерности действий контрразведки, так как в данном случае не было ни личных встреч с агентами, ни тайниковых операций.

Консультации показали, что правовая сторона этого вопроса юридически безупречна. Ведь разведчики ЦРУ незаконно использовали радиопередатчик, посылавший радиogramмы на спутник, который, в соответствии с советским законодательством, не был зарегистрирован в установленном законом порядке.

Руководством Второго главного управления КГБ СССР по предложению первого отдела ВГУ и радиоконтрразведки было принято решение о компрометации данного метода работы американцев на

территории Москвы путем захвата с поличным разведчика ЦРУ при очередном сеансе радиосвязи.

При этом исходили из того, что если эта спецтехника будет передана американскому агенту, то мы его вряд ли когда-нибудь сможем найти и обезвредить.

Американцы действовали педантично, очевидно, по утвержденной для них схеме: радиовыстрелы проводились только по субботам или воскресеньям и только из парков Москвы.

Мы заметили, что парки они выбирали в строгой последовательности по часовой стрелке с севера через восток на юг Москвы, и еще не освоенными американцами парками оставались запад и северо-запад столицы.

С учетом всех этих обстоятельств по специальному плану было организовано взаимодействие между Вторым главным управлением, Седьмым управлением и радиоконтрразведкой КГБ СССР и создано несколько мобильных групп захвата, находившихся в готовности по выходным и праздничным дням.

В начале 1983 года в двух случаях группы захвата из-за напряженной транспортной ситуации в городе не успели передислоцироваться и подтянуть оперативных работников первого отделения первого отдела В ГУ в те зоны, в которых находились сотрудники ЦРУ и откуда прошли радиовыстрелы.

7 марта 1983 года радиоконтрразведкой был уверенно зафиксирован очередной сеанс связи со спутником «Марисат». Пеленг показал, что радиовыстрел был сделан из Филевского парка Москвы, где в тот момент заместитель резидента ЦРУ, первый секретарь экономического отдела посольства США Ричард Осборн вместе с женой и двумя детьми совершали под наружным наблюдением прогулку.

В тот день для нас все сложилось удачно, и я вместе с группой захвата успел вовремя.

После радиовыстрела, вместо того чтобы немедленно покинуть парк, семья Осборн задержалась на аттракционах на детской площадке, где их дети катались на качелях, и это позволило нам стянуть в район необходимые силы.

Когда Осборны возвращались к своей машине, американцев блокировали группой захвата, и мне пришлось приложить немало

усилий, чтобы у жены Осборна вырвать кожаную хозяйственную сумку, в которой и была спецтехника. У сумки даже оторвалась одна из ручек, так крепко американка в нее вцепилась.

Затем была обычная в таких ситуациях процедура в приемной КГБ СССР и последовавшее за ней сообщение в печати:

«В Комитете государственной безопасности. 7 марта с. г. в Москве во время работы со шпионской радиоаппаратурой был задержан с поличным первый секретарь посольства США Ричард Осборн.

У него изъят комплект портативной разведывательной аппаратуры специального назначения для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи “Марисат ” и собственноручные записи, исполненные в блокноте из быстрорастворимой в воде бумаги, изобличающие Р. Осборна в шпионской деятельности.

За действия, несовместимые со статусом дипломата, Р. Осборн объявлен персоной нон грата».

Изъятая у Осборна аппаратура космической связи состояла из отдельных блоков: круговой антенны, электронного шифратора-накопителя с тридцатью тремя буквами (микрокнопками) для автоматического шифрования текста сообщения с объемом памяти тысяча шестьсот знаков и блока питания из десяти аккумуляторов с общим напряжением двенадцать вольт.

Радиосвязь могла осуществляться с открытой местности или из помещения, но необходимым условием успешного сеанса было направление круглой антенны на юг.

Небольшие размеры аппаратуры (310x310x48 мм) и вес (2,3 кг) позволяли закамуфлировать ее в хозяйственной сумке или в кейсе, ее включение производилось при помощи выведенного из сумки гибкого тросика.

Ричард Осборн своими неумелыми действиями скомпрометировал целое направление в работе ЦРУ на территории Москвы и СССР, и неудивительно, что после возвращения в США и служебного разбирательства он, как мне много лет спустя рассказали американцы, был уволен из ЦРУ.

Захват с поличным Ричарда Осборна нарушил в то время планы ЦРУ по использованию этой системы спутниковой агентурной связи в

Советском Союзе, а изъятый комплект специальной аппаратуры дал возможность советским специалистам детально определить ее уникальные для того времени технические характеристики и тактику ее применения.

Я полагаю, что эта техника (по одной из версий) могла предназначаться для передачи особо ценному агенту ЦРУ Адольфу Толкачеву, работавшему на американцев с 1978 года и арестованному нами только в 1985 году.

* * *

Летом 1983 года в советской печати появилось следующее сообщение:

«В Комитете государственной безопасности. 2 июня с. г. в г. Москве при проведении шпионской акции был задержан с личным атташе посольства США Луис Томас. В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого американского дипломата в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные шпионские действия Л. Томас объявлен персоной нон грата».

А началась эта история в далекие пятидесятые годы, когда после начала холодной войны ЦРУ в диверсионно-разведывательных целях организовало заброску в СССР воздушным, морским и сухопутным путями вооруженных диверсионных групп, сформированных из числа бывших пособников немцев, советских военнопленных или перемещенных лиц.

В одной из таких групп оказался житель Белоруссии, по молодости и неопытности согласившийся на сотрудничество с американцами.

Эта группа после соответствующей подготовки и заброски на территорию Белоруссии сразу же была обезврежена советскими чекистами. У диверсантов изъяли автоматы, пистолеты, ножи, взрывчатку, карты и компасы.

Всех участников разведывательно-диверсионной группы осудили и приговорили к различным срокам заключения.

Житель Белоруссии, о котором идет речь, отбыл в заключении свой срок, чистосердечно раскаялся в совершенном преступлении и

полностью осознал свою вину перед Родиной.

С учетом того, что он не совершил, помимо обучения в диверсионной школе и перехода границы, никакого иного преступления на территории СССР, с ним был установлен оперативный контакт.

После соответствующей подготовки он согласился помочь контрразведке. Нужно было проверить, попытаются ли американские спецслужбы возобновить с ним отношения как с одним из отбывших наказание агентов ЦРУ и заплатят ли американцы обещанные ему за сотрудничество деньги.

Контрразведка приняла решение использовать сложившуюся ситуацию для завязывания краткосрочной оперативной игры против ЦРУ. Мы намеревались путем захвата с поличным сотрудника ЦРУ скомпрометировать саму идею восстановления американцами агентурных отношений со своими бывшими агентами. Проще говоря, чтобы не повадно было.

Весной 1983 года нам удалось во дворе соседнего с посольством США дома в Москве подвести этого жителя Белоруссии к сотруднику ЦРУ Луису Томасу, находившемуся в посольстве под прикрытием должности атташе службы безопасности, который совершал в этом дворе ежевечерние прогулки с собакой.

В переданной американцу записке был написан псевдоним несостоявшегося диверсанта «Карл», присвоенный ему при вербовке американцами в разведшколе в Мюнхене в начале пятидесятых годов. Подробно описывались вербовка, заброска и последовавший арест агента ЦРУ — сведения, легко поддающиеся перепроверке, и высказывалась просьба заплатить ему за службу американской разведке.

Через некоторое время американцы письмом подтвердили готовность встретиться с Карлом в том же месте, где он ранее передал в посольство свою записку-обращение, и компенсировать бывшему агенту моральный ущерб за сотрудничество с ними.

В ночь на 2 июня 1983 года в ходе кратковременной повторной встречи во дворе того же дома Луис Томас передал бывшему агенту ЦРУ Карлу завернутые в пачку из-под конфет «Холодок» инструкции ЦРУ и схему тайника, заложенного для него в московском парке в Сокольниках.

Сразу же после контакта мы жестко блокировали Луиса Томаса, ему зажали рот, чтобы он не привлёк своим криком к себе внимание охраны посольства, и на руках в горизонтальном положении отнесли в захваченный во двор автобус.

В автобусе американец пытался сопротивляться, предпринимал попытки вырваться, грубил, исторгал ругательства.

Пока в приемной КГБ проходило документирование шпионской деятельности Луиса Томаса, в парке «Сокольники» в соответствии со схемой и инструкцией ЦРУ сотрудники ВГУ и Седьмого управления обнаружили и доставили на Лубянку контейнер, изготовленный американскими специалистами из пластика в виде достаточно объемного камня.

В контейнере оказалась значительная сумма денег, предназначенная бывшему агенту разведки США в качестве компенсации за службу ЦРУ.

Американец в присутствии прибывших в приемную представителя МИД СССР и сотрудника службы безопасности посольства США в Москве Флэнигэна продолжал категорически отрицать свою причастность к операции, до окончания разбирательства оставался взвинченным и агрессивным.

В итоге, как и другие провалившиеся разведчики, Луис Томас через сорок восемь часов покинул нашу страну.

* * *

В результате оперативно-поисковых мероприятий, контрразведкой был установлен и взят в разработку российский гражданин Юрий Павлов, сотрудник ленинградского Арктического и Антарктического НИИ Госкомгидромета, инициативно вступивший в контакт с иностранными спецслужбами.

Этот инициативник во время служебной командировки на судне «Профессор Визе» направил письмо с предложением своих услуг в адрес консульства ФРГ в норвежском порту Олесунн.

Представители БНД установили с ним контакт, когда судно прибыло в Гамбург, а затем провели встречи в портах Рио-де-Жанейро

(Бразилия) и Санта-Крус-де-Тенерифе (Канарские острова), куда заходило это судно.

Во время следующей экспедиции, но уже на судне «Профессор Зубов», в Монтевидео (Уругвай) немецкая разведка передала инициативника из СССР на связь американцам, которые до возвращения судна в Ленинград провели с ним кратковременные встречи в портах острова Маврикий и в Копенгагене и снабдили его инструкциями по поддержанию конспиративных контактов в СССР.

Еще во время рейса судна «Профессор Зубов», в соответствии с переданными инструкциями, в Москве американцы для своего агента Павлова уже заложили тайник.

Сделали это 20 июля 1983 года, ночью, под проливным дождем, разведчики ЦРУ Алекс Грищюк, находившийся в Москве под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны, и Филипп Рейнолдс, атташе отдела шифросвязи и диппочты.

Заложенный ЦРУ у кустарника на берегу Серебряно-Виноградного пруда в Измайловском парке Москвы тайниковый контейнер в виде большого булыжника был обнаружен контрразведкой.

Изучение содержимого контейнера показало, что в нем находились задания и инструкции ЦРУ по дальнейшей связи с вернувшимся из заграничного плавания Павловым с использованием тайников, средств тайнописи и радиоаппаратуры.

О закладке тайника в Москве Павлову просигнализировала Дэнис — жена сотрудника оперативной группы ЦРУ Лона Аугустенборга, уже контролировавшегося к тому времени контрразведкой. 24 июля Дэнис поставила свою автомашину с дипломатическими номерами в конкретном месте на Владимирской площади в Ленинграде багажником к тротуару — это означало, что Павлову за тайником надо ехать в Москву.

Через некоторое время на стене дома на улице Пестеля Павлов поставил графический сигнал в виде цифры «2», означавший, что тайник в Москве благополучно им изъят.

После тщательного изучения инструкций разведцентра мы совместно с Управлением КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области приняли решение о пресечении агентурной деятельности ЦРУ путем захвата с поличным американского разведчика на очередном этапе связи, в сентябре, но уже не в Москве, а в Ленинграде.

Во исполнение этого решения в июле 1983 года, за два месяца до указанной в инструкции ЦРУ даты очередной тайниковой операции, я вместе с сотрудником Четвертого управления КГБ СССР Николаем Долгополом был командирован в Ленинград для подготовки записки в КГБ СССР, чтобы получить санкцию на проведение совместного мероприятия ВГУ, Четвертого управления и УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области.

Планом предусматривался захват американского разведчика с поличным при закладке им тайникового контейнера. Начальник УКГБ по г. Ленинграду и Ленинградской области Даниил Павлович Носырев с нашим предложением согласился и записку подписал, на чем наша миссия была выполнена.

Поскольку Павлов был объектом разработки Четвертого управления (транспорт), нас в Ленинграде принимали их коллеги из четвертой Службы УКГБ.

Пребывание в городе на Неве совпало с Днем ВМФ. Нам удалось совместить приятное с полезным и посчастливилось попристутствовать на параде судов Балтийской флотилии Военно-морских сил СССР и наблюдать за ним совместно с другими гостями с учебного судна «Хасан».

По условиям связи тайник в виде тряпки со шпионскими материалами внутри должен был быть заложен Павловым на просматриваемом со всех сторон открытом месте у придорожного столбика с отметкой «40-й километр» на Приморском шоссе.

Так как вблизи этого места не было ни жилых строений, ни деревьев для конспиративного расположения там групп захвата, то было принято решение выкопать и замаскировать в этом месте бункер, в котором могли поместиться два-три человека, что и было сделано.

Но предварительно аналогичный бункер вырыли на полигоне вдали от места предстоящей операции, где в течение месяца тренировались сотрудники ленинградского управления КГБ.

11 сентября 1983 года поставленный нами на проспекте Добролюбова в Ленинграде сигнал в виде цифры «2» был своевременно считан руководителем опергруппы ЦРУ в Ленинграде Ричардом Мюллером, который затем выехал на дачу генконсульства США в Зеленогорск, где в то время находился другой сотрудник

опергруппы ЦРУ, вице-консул Лон Аугустенборг вместе с женой и ребенком.

Через сорок минут после приезда Мюллера семья Аугустенборг выехала с дачи и направилась в город по Приморскому шоссе.

В месте закладки у придорожного столбика с отметкой «40-й километр» Аугустенборг приостановил автомашину. Дэнис с детским одеяльцем в руках быстро вышла, стремительно подошла к столбику, накрыла одеяльцем тайниковую закладку и, схватив ее, бросила на заднее сиденье автомобиля.

Но сама американка не успела сесть в машину, так как была задержана выскочившими из бункера, прямо из-под земли, сотрудниками группы захвата, а автомашину Аугустенборга заблокировали машиной наружного наблюдения.

Хотя улики и были неопровержимыми, американцы все равно отказались от какого-либо обсуждения произошедшего с ними, категорически отрицали очевидное — свое участие в проведении тайниковой операции.

Для проведения процедуры официального разбирательства с задержанными супругами Аугустенборг в Ленинград выезжал Рэм Сергеевич Красильников.

Посольству США в Москве Министерством иностранных дел СССР была вручена очередная нота протеста по поводу противоправной деятельности сотрудников американского дипломатического представительства в Ленинграде.

Супруги Аугустенборг и Мюллер были объявлены персонами нон грата и покинули СССР.

* * *

В 1983 году нами была полностью подготовлена операция по захвату с поличным очередного сотрудника ЦРУ, но она не состоялась по независящим от первого отдела В ГУ причинам.

В результате комплекса контрразведывательных мер военной контрразведке совместно со Вторым главным управлением КГБ СССР удалось разоблачить агента ЦРУ из числа молодых военнослужащих

Министерства обороны, сотрудника ГРУ Генштаба МО СССР Александра Иванова.

Летом 1983 года Иванов инициативно предложил американской разведке свои услуги, тайком вручив записку советнику экономического отдела посольства США в Москве Питеру Сэмлеру, отдыхавшему на подмосковном пляже Николиной горы.

Сэмлер передал эту записку в посольскую резидентуру ЦРУ.

Через обозначенный во время первого контакта срок Сэмлер на том же подмосковном пляже визуально «передал» Иванова сотруднику посольской резидентуры ЦРУ Дэнису Макмэхену, по прикрытию — третьему секретарю административно-хозяйственного отдела посольства США, который конспиративно вручил инициативнику спичечный коробок с вложенными в него инструкциями по связи, а также задания по сбору информации.

Затем уже в Москве на улице Дыбенко Макмэхен провел с Ивановым две конспиративные личные встречи (на вторую встречу разведчик прибыл вместе с женой Лэсси), на которых подробно опросил и проинструктировал вновь завербованного агента, вручил ему миниатюрный фотоаппарат с десятью фотокассетами, шифроблокнот, тайнописную копирку и план связи.

Арест Иванова предотвратил ущерб, который тот мог нанести безопасности страны. После ареста и соответствующей работы с ним бывший сотрудник ГРУ дал согласие на свое участие в следственном эксперименте.

По условиям связи Иванов под нашим контролем в заранее обусловленном месте Москвы нанес губной помадой условный графический сигнал, вызвав тем самым представителя ЦРУ на очередную личную встречу, которая должна была состояться вечером у входа на Даниловское кладбище.

Этот сигнал американцами был зафиксирован.

В рамках следственного эксперимента Иванов к контакту с ЦРУ был подготовлен. В обусловленные дату и время его под охраной привезли на место встречи, оборудованное средствами слухового контроля и видеокамерами.

Но на встречу с Ивановым к Даниловскому кладбищу пришел не Дэнис Макмэхен, как ожидалось, а неопознанный на тот момент нами американец, внешне загримированный под российского гражданина. Он

провел под нашим слуховым и визуальным контролем очередной разведывательный опрос Иванова и вручил ему новый план связи и новые задания ЦРУ, а также авторучку, приспособленную для нанесения тайнописи.

У нас не было ни малейших сомнений, что на встречу с Ивановым пришел сотрудник посольской резидентуры ЦРУ, и группы захвата были готовы к проведению задержания, о чем было доложено руководству КГБ СССР.

Но из-за того, что в темноте и со значительного расстояния нам не удалось опознать и идентифицировать американца как сотрудника из состава посольской резидентуры ЦРУ, руководство КГБ в лице генерала армии Георгия Цинева не взяло на себя ответственность дать команду на его задержание.

Неизвестный был принят под наружное наблюдение и конспиративно доведен до посольства США, где он все же, несмотря на средства маскировки, был опознан как Джозеф Макдональд, в то время заместитель резидента ЦРУ в Москве, первый секретарь политического отдела.

Через некоторое время в печати появилось сообщение следующего содержания:

«В Комитете государственной безопасности. Органами государственной безопасности СССР пресечена шпионская деятельность гражданина Иванова А.В.

В ходе расследования выяснены факты, неопровержимо свидетельствующие о причастности к этому шпионскому делу ряда сотрудников посольства США в Москве.

При аресте у Иванова изъяты инструкции ЦРУ по сбору разведывательной информации и поддержанию конспиративной связи, а также другие материалы и средства для ведения шпионажа. Верховным Судом СССР Иванов приговорен к длительному сроку лишения свободы».

Таким образом, без захвата с поличным все-таки было реализовано через СМИ дело о шпионаже гражданина СССР, с которым поддерживала шпионскую связь посольская резидентура ЦРУ.

1985 год

«Как уже сообщалось, Комитетом государственной безопасности СССР был разоблачен и привлечен к уголовной ответственности агент американской разведки — сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов Толкачев А.Г.

В ходе следствия установлено, что Толкачев, преследуя корыстные цели и в силу враждебного отношения к Советскому государству, поддерживал шпионские отношения с сотрудниками американской разведки, находящимися в Москве под прикрытием работников посольства США.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев уголовное дело в отношении Толкачева, признала его виновным в измене Родине в форме шпионажа и, учитывая тяжесть совершенного им преступления, приговорила к исключительной мере наказания — смертной казни.

Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство Толкачева о помиловании. Приговор приведен в исполнение».

Это сообщение в СМИ подвело черту под делом предателя Родины, многие годы снабжавшего ЦРУ исключительно ценной, по оценке самих американцев, информацией военно-оборонного характера в области электроники и авиастроения.

Адольф Толкачев, инженер-конструктор НИИ «Фазотрон», занимавшегося оборонными проблемами, в конце семидесятых годов инициативно предложил свои шпионские услуги американцам.

Он пять раз подбрасывал в автомашины американских дипломатов у автозаправки на улице Красина и в переулках у здания посольства США в Москве записки с предложением передавать им стратегически важную для СССР информацию в области самолетостроения. Причем трижды Толкачев даже кратко общался с резидентом ЦРУ в Москве Робертом Фултоном. Но американцы первоначально ему не поверили, опасались, не является ли он подставой КГБ. К тому же в тот период руководство ЦРУ наложило запрет на проведение агентурных операций в СССР.

Наконец, московской резидентурой, после получения от Толкачева копий секретных документов, подробных сведений относительно его и его семьи, со всеми личными данными, номером телефона и другой информации, было получено разрешение на контакт с этим инициативником. Заместитель резидента ЦРУ в Москве Джон Гуилшер,

первый секретарь политического отдела американского диппредставительства, незаметно для КГБ ушел из-под наблюдения в антракте спектакля из Большого театра и установил телефонную связь с Толкачевым.

Спустя пять месяцев после телефонного контакта этим же американским разведчиком для Толкачева вблизи его дома за телефонной будкой был заложен первый тайниковый контейнер в виде грязной рабочей рукавицы, содержащей условия агентурной связи. Затем в январе 1979 года состоялась и первая личная встреча Джона Гуилшера с Толкачевым, которому в ЦРУ присвоили псевдоним Сфера.

Дальнейшая связь с Толкачевым, с самым ценным, по словам американцев, агентом ЦРУ после Пеньковского, была организована американцами исключительно путем личных встреч с соблюдением строжайших мер конспирации.

В течение ряда лет с ним проводили в Москве кратковременные встречи кадровые сотрудники резидентуры ЦРУ Джон Гуилшер (первый секретарь политического отдела), Уильям Планкерт (второй секретарь политического отдела), Дэвид Рольф (гражданский помощник атташе по вопросам обороны), Роберт Моррис (строительная секция посольства США) и Джон Якли (бухгалтер).

Американцам длительное время удавалось, используя переодевания, маски и другие ухищрения, мастерски отрываться от слежки и тайно встречаться с Толкачевым вне поля зрения контрразведки.

В системе связи с Толкачевым ЦРУ использовало личные встречи, ближнюю и дальнюю агентурную радиосвязь, ему были переданы специальная радио- и мощная миниатюрная фотоаппаратура.

Для вызова Толкачева на встречу (по переданному ему и рассчитанному на многие месяцы графику) разведчики московской резидентуры ЦРУ использовали телефонный канал. Во время телефонных «ошибочных» звонков упоминались имена Нина, Петр или Анна, обозначавшие место очередного контакта.

Для экстренной встречи американцы в посольстве на ночь оставляли свет, освещавший одно из окон, и Толкачев, в свою очередь, оставлял свет в своей квартире или же открывал настежь форточку.

За предоставление правительству США ценной информации об электронном оборудовании военных самолетов и других электронных

технологиях американцы передали Толкачеву сотни тысяч рублей.

На случай угрозы провала Толкачева снабдили ампулой с сильным быстродействующим ядом. Для него и его семьи ЦРУ разработало план нелегального выезда из СССР.

8 июня 1985 года Адольф Толкачев контрразведкой все же был арестован, и произошло это при возвращении агента ЦРУ на автомобиле с подмосковной дачи домой в Москву.

Заполучив Толкачева и имея на руках условия связи с ним, 13 июня 1985 года контрразведка вызвала американцев на очередной конспиративный контакт, оставив в условное время открытой форточку в квартире предателя в доме на Смоленской площади.

Вечером того же дня после длительной езды по городу, чтобы убедиться в отсутствии слежки, на место встречи на Кастанаевскую улицу прибыл сотрудник ЦРУ Пол Стомбах, работавший в посольстве США под прикрытием должности второго секретаря внешнеполитической секции политического отдела и ранее не имевший контактов с Толкачевым.

Чтобы у ЦРУ преждевременно не возникло подозрений в провале Толкачева, нами был подготовлен и выведен на место встречи оперработник, загримированный под Толкачева. В момент контакта для создания видимости, что якобы американец сам привел за собой НН, они оба были задержаны разными группами захвата.

При задержании и на всем пути от Кастанаевской улицы до улицы Малая Лубянка Стомбах был растерян, подавлен и находился как бы в оцепенении.

Во время разбирательства в приемной КГБ СССР с участием приглашенного для опознания Пола Стомбаха дежурного американского дипломата и официального представителя МИД СССР Стомбах все-таки усилием воли взял себя в руки. Он был исключительно вежлив и корректен, держался с достоинством, но до конца официальной процедуры разбирательства упорно продолжал отрицать очевидное. Не признавал своей отобранную у него сумку с материалами ЦРУ для Толкачева (деньги, инструкции по связи, фотоаппараты в виде брелоков для ключей, книги для личного пользования) и свою принадлежность к американским спецслужбам.

За процедурой в приемной КГБ СССР последовало краткое официальное сообщение в прессе:

«В Комитете государственной безопасности. 13 июня 1985 года в г. Москве задержан с поличным при проведении шпионской акции второй секретарь посольства США Поль Стомбаух. Пресечена крупная шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.

В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом.

За противоправные действия П. Стомбаух объявлен персоной нон грата и выдворяется из Советского Союза».

При отлете из СССР, после объявления Пола Стомбауха персоной нон грата, в аэропорту «Шереметьево-2» мы провели демонстративную видеосъемку американца.

Стомбаух проявил исключительную выдержку и самообладание и держался так, будто с ним ничего не произошло и его отъезд не связан ни с каким очередным политическим скандалом.

За участие в шпионской деятельности Стомбауху, так же, как и другим захваченным с поличным сотрудникам ЦРУ, въезд в СССР был закрыт.

А что касается Толкачева, то в советской, российской и зарубежной прессе появилось достаточно много публикаций о нем и его значении для ЦРУ. Одна из публикаций была в «Уоллстрит джорнэл»:

«...Согласно материалам, полученным от высокопоставленных лиц в разведке США, Толкачев был одним из наиболее успешных агентов ЦРУ в Советском Союзе...

В течение нескольких лет он передавал американцам бесценную информацию о новейших советских исследованиях в области авиационной технологии, особенно авионики — аппаратуры электронного слежения и противодействия, включая современные радары и так называемые “невидимки” или технику, с помощью которой самолет нельзя обнаружить радаром.

Такие исследования являются крупным достижением в области военной авиации... Он был одним из наиболее прибыльных источников и сэкономил нам миллиарды долларов, передав информацию о том, в каком направлении будет развиваться советская авиация... В результате его ареста США потеряли одного из самых ценных агентов в СССР».

А вот как отозвался о Толкачеве в своем интервью Милтон Бирден: «Он был очень неоднозначным парнем. Я думаю, что, делая это, сидя и работая в специальном конструкторском бюро, он не был уважаем в своем сообществе. А приход к нам позволил ему стать кем-то, что, я полагаю, поняла бы великая русская душа. Вроде как супермен среди людей, который стремился к более высокому, чем у них, уровню. И я считаю, что это дало ему то чувство, которое он никогда ранее в своей жизни не испытывал. Него действия сделали из него супермена. А это был очень грамотный парень. И мотивация подобного рода, полагаю, закономерна...

Адольф Толкачев был “шпионом на миллиард долларов”.

Вы не можете себе представить ценность его информации в отношении нашей способности производить самолеты, авиационную радиоэлектронику и системы вооружения. Мы стали способны противостоять всему, что мог произвести Советский Союз в течение следующих двадцати — сорока лет. Это была крупная сделка.

С ним многие годы обходились очень осторожно в Москве, в самых сложных условиях. И он был скомпрометирован только тогда, когда произошло предательство внутри ЦРУ. Это случилось не из-за того, что очень компетентное Второе главное управление, следовавшее за нами по всей Москве, поймало нас при установлении контакта с Адольфом Толкачевым. Это произошло потому, что наша собственная система предала его.

И даже когда он уже был казнен (я вернулся спустя годы после его казни и возглавил отдел Советского Союза в ЦРУ), я все еще передавал разведывательные донесения, которыми он нас снабжал. Обработка информации занимала более длительное время, настолько специализированной она была. Даже годы спустя после своей смерти он все еще производил ее».

* * *

В практике первого отделения в 1985 году была памятная многим ситуация, когда с поличным задержали не американца, а советского гражданина, по которому контрразведка до задержания не имела никаких улик.

Мы вышли на него исключительно благодаря созданной первым отделением первого отдела В ГУ совместно с Седьмым управлением КГБ СССР системе контроля сотрудников московской резидентуры ЦРУ.

В один из дней июля 1985 года в ходе конспиративной работы за посольской резидентурой ЦРУ, создававшей видимость, что за американцем не ведется наружное наблюдение, удалось выявить в поведении разведчика-агентуриста Пола Залуцки признаки подготовки к проведению на каком-либо из каналов связи контакта с неизвестным контрразведке американским агентом.

Нам удалось скрытно, без сопровождающего наружного наблюдения, определить его местонахождение в северо-восточном районе Москвы. Затем, после его выезда из этого района, там организовали поиск тайниковых закладок в заблаговременно выделенных и поставленных нами на учет местах.

В результате поиска, проводившегося силами Седьмого управления КГБ совместно с первым отделением первого отдела ВГУ, недалеко от железнодорожной платформы Северянин в проезде Серебрякова мы обнаружили спрятанный под одной из опор линии электропередач шпионский тайниковый контейнер в виде большого искусственного булыжника, по всем известным в КГБ признакам изготовленного в ЦРУ.

Контейнер мы конспиративно изъяли и аккуратно вскрыли. В нем оказалась инструкция ЦРУ для неизвестного нам агента и деньги в сумме двадцати тысяч рублей.

Сам тайниковый контейнер и его содержимое процессуально задокументировали в рамках возбужденного уголовного дела, после чего булыжнику придали первоначальный вид и возвратили на прежнее место.

По содержимому контейнера определить конкретно, кому он предназначен, и идентифицировать агента ЦРУ из числа советских не представлялось возможным.

Для задержания неизвестного контрразведке агента ЦРУ в сжатые сроки были подготовлены мероприятия по конспиративному контролю района, где обнаружили тайник. Круглосуточно дежурила группа захвата.

2 августа 1985 года, через две недели засады, в контролируемый нами район на автомашине «Волга» приехал коренастый мужчина средних лет. С хозяйственной сумкой он подошел к месту закладки.

Он поднял булыжник, положил его в сумку, отошел на некоторое расстояние в сторону и перепрятал камень в кустах, проверяя, не обратит ли кто-то внимание на его действия.

Мужчину задержали. Выяснилось в процессе разбирательства, что это сотрудник КГБ СССР, подполковник Первого главного управления Леонид Полещук, приехавший недавно в Москву в отпуск из загранкомандировки, где работал в посольстве СССР в Нигерии.

При задержании и на первых допросах, несмотря на задержание с поличным при изъятии контейнера, Полещук нелепо защищался, рассказывая, что к платформе Северянин он приехал для встречи с некой девушкой, чье и имя, и адрес он просто запомнил.

А что касается камня, то он якобы понадобился ему, чтобы подложить под колесо автомобиля, чтобы «Волга» не откатывалась назад, хотя в багажнике его машины для этого имелись специальные деревянные клинья.

Длительное время, находясь под следствием в Лефортовском следственном изоляторе КГБ, Полещук категорически отрицал свою преступную связь с американцами, но все же под влиянием неопровержимых вещественных доказательств был вынужден сознаться в своей шпионской деятельности в пользу США.

При задержании у него обнаружили два рукописных листка бумаги, на одном из которых была изображена сделанная его рукой схема Москвы в районе железнодорожной платформы Северянин, где крестиком им было отмечено место заложенного американцами тайника у опоры ЛЭП, а на втором — место предстоящей постановки условного графического сигнала об успешном изъятии тайника — Полещук на следствии не смог вразумительно объяснить их предназначение.

Но главной его и ЦРУ ошибкой стало то, что рукописная схема района закладки тайника была скопирована Полещуком не с советской карты, а с изданной несколько лет назад (еще до 1985 года) в Соединенных Штатах на английском языке, сброшюрованной в буклет карты Москвы, составленной ЦРУ с привлечением опытных американских картографов и с помощью космической фотосъемки

исключительно для внутреннего использования посольством США и резидентурой.

На американской карте, так же как и на схеме, сделанной собственноручно Полещуком, улица, где Пол Залуцки оставил тайник, значилась не как проезд Серебрякова, а под ее прежним названием — Бескудниковская ветка, на что американцы, очевидно, не обратили внимания, а Полищук о переименовании улицы просто-напросто не подозревал.

Когда арестованному Полещуку на следствии предъявили имевшуюся в нашем распоряжении карту Москвы на английском языке, которой пользовались американские дипломаты, с названием улицы Бескудниковская ветка, затем карту современной Москвы советского издания, где та же улица фигурировала как проезд Серебрякова, Полещук начал давать признательные показания.

Он сообщил, что деньги предназначались ему и переданы через тайник американцами — представителями ЦРУ. У него впоследствии обнаружили: кожаный футляр для очков с вшитым в него планом конспиративной связи ЦРУ с ним в Москве и таблетки для проявления тайнописи, замаскированные под лекарство от малярии.

В ходе следствия мы установили, что в 1974 году Леонид Полещук, направленный в свою первую заграничную командировку в посольство СССР в Катманду (Королевство Непал), в клубе для иностранцев познакомился с американским дипломатом Беллингхэмом, который в то время являлся резидентом ЦРУ в Непале.

Будучи по натуре игроком и любителем острых ощущений, Полещук пристрастился к игре в казино, растратив не принадлежавшие ему деньги, взятые им из кассы резидентуры ПГУ КГБ.

Не сумев своевременно вернуть деньги в кассу, он не нашел ничего лучшего, чем обратиться в посольство США к сотруднику ЦРУ Беллингхэму за помощью в возмещении этого долга.

Американцы охотно помогли ему и, разумеется, не безвозмездно. Его завербовали в качестве своего агента и организовали успешную работу с ним в Катманду.

Перед возвращением Полещука в СССР в 1975 году ЦРУ снабдило его инструкциями по связи в Москве, заданиями, средствами тайнописи и шифровальными таблицами.

Однако, возвратившись в Москву и боясь разоблачения, Полещук отказался от контактов с ЦРУ на территории СССР, не изъясил предназначенный для него тайниковый контейнер и уничтожил все переданное ему американцами шпионское снаряжение.

В очередную загранкомандировку Полещук выехал через десять лет, в феврале 1985 года, в Нигерию, где через некоторое время по своей инициативе посетил посольство США в столице Лагосе и успешно восстановил контакт с американской разведкой.

С сотрудниками ЦРУ Паундом и Шо он регулярно проводил встречи на виллах и в автомашинах американцев.

В связи с предстоящим отъездом в отпуск в Москву Полещук обратился с настойчивой просьбой к ЦРУ снабдить его деньгами для приобретения во время отпуска новой квартиры.

Американцы согласились с его просьбой, но с условием, что он не повезет деньги через границу, а получит их через тайник в Москве.

Этим они преследовали цель, с учетом десятилетнего перерыва агентурных контактов с ним на территории СССР, приучить агента к работе с тайниками в Москве, гарантировав ему безопасность после его возвращения из командировки.

Именно этот тайниковый контейнер, заложенный сотрудником ЦРУ Полом Залуцки для Полещука, и был обнаружен нами в проезде Серебрякова.

Таким образом был разоблачен очередной агент ЦРУ из числа сотрудников советской разведки, согласившийся работать на американцев из меркантильных соображений.

1986 год

Летом 1984 года старший оперуполномоченный Московского управления КГБ (Управление КГБ СССР по городу Москве и Московской области) майор Сергей Воронцов вечером связался по телефону со вторым секретарем посольства США Джоном Фини, под благовидным предлогом договорился с ним о встрече рядом с домом, где жил дипломат. Через него Воронцов передал в резидентуру ЦРУ предложение о сотрудничестве с американской разведкой.

Воронцов, не имевший прямого отношения к работе по американцам, раздобыл телефонный номер американского дипломата, используя служебное положение.

Джон Фини, как и другие американские дипломаты, от Госдепартамента США имел указание оказывать помощь ЦРУ в подобных ситуациях. Поэтому послание Воронцова на следующий день было доставлено по назначению.

Воронцов, преследуя исключительно корыстные цели, в подтверждение серьезности своих намерений передал через Фини в ЦРУ подлинник одного из реальных документов КГБ, а чтобы придать себе значимость, назвал себя американцем сотрудником Второго главного управления КГБ СССР, имеющим отношение к работе контрразведки против посольства США, а не сотрудником Московского управления КГБ, каковым он являлся в действительности.

В интересах собственной безопасности инициативник не сообщил американцам свои имя и фамилию, назвал себя Стасом и обусловил достаточно сложную систему контакта с собой.

Предложил американцам, в случае их согласия, выйти с ним на контакт и выплатить за его информацию деньги, поставить в оговоренном месте в назначенное им время автомашину посольства США с дипломатическим номером D 004...

Американцы его условия выполнили. После этого Воронцов на стене одного из московских зданий написал семь цифр, легко считываемых из движущегося автомобиля.

Эти цифры были коэффициентом, который необходимо прибавить к номеру телефона, переданному Воронцовым американцам. Таким образом ЦРУ получило номер телефона для установления контакта со Стасом. В целях дополнительной конспирации этот телефонный аппарат находился не в кабинете предателя, а в соседнем служебном кабинете в здании УКГБ на улице Большая Лубянка, ключ от которого был у Воронцова.

Первую личную встречу с Воронцовым и его разведывательный опрос провел сотрудник резидентуры ЦРУ Алекс Грищук, работавший в посольстве под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны. Он вызвал инициативника на контакт по телефону.

Вторую встречу с Воронцовым и его подробный дополнительный опрос осуществил сотрудник ЦРУ, второй секретарь политического отдела посольства США Майкл Селлерс.

В 1986 году Вторым главным управлением КГБ СССР Воронцов был разоблачен и арестован.

В соответствии с полученными в результате обыска инструкциями ЦРУ по организации связи с Воронцовым от его имени мы вызвали американцев на очередную встречу.

10 марта 1986 года на повторный контакт с Воронцовым резидентурой был вновь направлен сотрудник ЦРУ Майкл Селлерс, который в целях маскировки при выезде из дома воспользовался одеждой и автомашиной другого американского дипломата — проживавшего с ним в одном подъезде сотрудника военного атташата Рональда Паттерсона.

Изменив внешность, надев очки, парик и приклеив усы, Селлерс после многочасовой проверки по Москве, используя автомашину и городской транспорт, за сорок минут до начала встречи пешком добрался на место контакта.

Американец оставшееся до контакта время активно проверялся и изучал обстановку на близлежащих улицах и в проходных дворах.

Вот как Селлерс сам рассказывал об этом:

«Когда я пошел на встречу с Сергеем Воронцовым (мы не знали его имени в то время, я знал его только как Стаса). Я использовал несколько уровней маскировки. Я применял метод “обмена ” внешностью, чтобы уйти от наблюдения. Таким образом, я оказался кем-то другим, кто не представлял интерес для КГБ.

После того как я убедился, что за мной нет слежки, я избавился от всего этого материала, включая маски и тому подобные вещи, и стал выглядеть, как обычный москвич. И к этому моменту я был в легкой маскировке, убедившись, что за мной нет наблюдения, в конечном итоге, я собрался на встречу. На самой встрече, когда я встретил Воронцова в первый раз, у меня была легкая маскировка: только усы, шляпа и тому подобное. Ничего слишком сложного, что могло осложнить мою идентификацию. В моей обычной работе я в большой степени полагался на маскировку, которая состояла из трех этапов. Первым шагом был обмен идентичностями, который включал использование маски и хайтека, чего-то технически сложного. И это

использовалось для того, чтобы уйти от наблюдения. Без наблюдения я не мог ступить и шагу. После того как я сделал это, после того как я убедился, что я не вижу наблюдения, что они перестали следить за мной, то я переходил на другой уровень маскировки, при котором я выглядел бы как обычный москвич и так далее. Затем на заключительном этапе, прежде чем осуществлять оперативное задание (например, встретиться с агентом или заложить тайник), я изменял еще раз свою маскировку, просто чтобы попытаться стать абсолютно уверенным, что не было никакой слежки. Я заходил в какой-то жилой дом как один человек, а выходил через другую дверь как другой человек или что-то в этом роде. Таким образом, в целом маскировка включала три этапа. Вот что происходило до встречи. В ночь встречи я предпринял столько шагов, сколько мог, чтобы посмотреть, смогу ли я определить до начала встречи какие-либо признаки слежки. Таким образом, я был там задолго до начала, за час до назначенного времени. Я прошел через этот район, я заходил в многоквартирные дома, я изменил свою внешность, я оставался в многоквартирных домах и наблюдал оттуда. Я сделал все это, чтобы попробовать определить, смогу ли я обнаружить какие-либо признаки засады. И к их чести, я ничего не видел. Я поднимался в здания, я изменял свою внешность, но в этом конкретном случае также пытался увидеть, могло бы мне повезти увидеть некоторые признаки подготовки к засаде. Но я ничего не видел. Наконец, в последний момент я расположился довольно далеко от места, которое было в арке, ведущей во двор. И у меня был прямой обзор за несколько сотен ярдов от него. И я ждал, пока я не увидел там Стаса. А потом я приблизился...»

К назначенному времени к телефонной будке на улице Кржижановского, где должна была произойти личная встреча, из следственного изолятора КГБ был доставлен давший согласие на следственный эксперимент арестованный Воронцов.

В момент контакта и разведчик, и агент были захвачены группами захвата. Я обыскал Селлера, как ранее делал с другими разведчиками, изъясил у него звукозаписывающую аппаратуру и средства маскировки (головные уборы, парик), отклеил усы.

В пути следования до приемной я, обернувшись с переднего сиденья микроавтобуса, пытался разговаривать Селлера, но разведчик на

мои попытки не реагировал и, надо отдать ему должное, в той для него стрессовой ситуации внешне держался уверенно и спокойно.

В приемной КГБ Селлерс пытался протестовать, первоначально был агрессивен, вел себя развязно. Затем, после приезда представителя посольства США в Москве, к концу официального разбирательства стал угрюм, выглядел обиженным и сердитым.

Американца постигла та же участь, что и всех разведчиков, о чем сообщили СМИ:

«В Комитете государственной безопасности СССР. 10 марта в г. Москве задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином второй секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.

В ходе расследования собраны доказательства, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом.

За противоправные шпионские действия М. Селлерс объявлен персоной нон грата. По делу арестованного агента американской разведки ведется следствие».

* * *

7 мая 1986 года в Москве на Малой Пироговской улице во дворе дома № 22 в 21.15 во время личной встречи с источником из числа российских граждан, завербованным американской разведкой, был задержан сотрудник ЦРУ Эрик Сайтс, работавший в посольстве США под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны.

Этот источник, на контакт с которым вышел Сайтс, агент ЦРУ, которому американцы присвоили псевдоним Истбаунд, ранее пришел с повинной в Комитет госбезопасности и согласился участвовать в комбинации по задержанию американского разведчика.

Прибытию американца к месту встречи предшествовали длительная, вместе с женой Урсолой, проверка на автомашине по городу, его «выброс» из автомобиля и последующее длительное передвижение по городу пешком и на городском транспорте.

Урсула Прайс после высадки мужа в заранее обусловленном плане операции месте уехала в другой район города, продолжая проверку, и на Кастанаевской улице безрезультатно дожидалась его возвращения.

Задержание американского разведчика прошло по отработанной годами схеме: группа захвата с участием оперработника первого отделения первого отдела В ГУ жестко заблокировала американца, лишив его возможности сопротивляться и делать какие-либо манипуляции.

Эрик Сайтс был обыскан тут же, в момент задержания, а затем в приемной КГБ СССР. У него изъяли предназначенные для передачи агенту деньги и инструкции ЦРУ, спрятанные в записной книжке, а также другое шпионское снаряжение: электробритву «Харьков» с замаскированным в ней миниатюрным фотоаппаратом, письменный подарочный набор с тайником для миниатюрного фотоаппарата и несколько писем на подставные адреса в США, на обратной стороне которых тайнописью надо было наносить зашифрованные сообщения.

После официального разбирательства в приемной КГБ с участием представителей Министерства иностранных дел СССР и посольства США документы и личные вещи, как это всегда делается в подобных случаях, возвратили американцу, а он сам через некоторое время покинул СССР.

СМИ сообщили:

«7 мая в г. Москве при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином задержан с поличным сотрудник аппарата атташе по вопросам обороны про посольстве США в Москве Эрик Сайтс. Сорвана крупная шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.

При задержании и в ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого сотрудника американского посольства в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом.

За противоправные шпионские действия Э. Сайтс объявлен персоной нон грата. По делу агента американской разведки ведется следствие».

1 июля 1986 года Вторым главным управлением КГБ СССР в результате кропотливой работы был задержан за измену Родине в форме шпионажа Владимир Поташов, старший научный сотрудник Института США и Канады Академии наук СССР, завербованный американскими спецслужбами в Вашингтоне в 1981 году во время его трехмесячной научной стажировки (по военно-политическим проблемам) в посольстве СССР в США.

В Вашингтоне на конференции по разоружению Поташов встретился с министром обороны США Гарольдом Брауном, с которым ранее имел служебные контакты в Москве, и попросил американца организовать ему встречу с ЦРУ.

Поташев дал ЦРУ подписку о сотрудничестве и в сжатые сроки на конспиративных встречах был обучен методам сбора интересующей США информации и способам безличной связи с американской разведкой после возвращения из США в СССР: шифрованию и дешифрованию, нанесению и проявлению тайнописи, использованию для связи с разведцентром международного почтового канала.

Через шесть месяцев после возвращения в Москву Поташов проинформировал американцев о своем благополучном возвращении, личной безопасности и готовности работать на ЦРУ условным графическим сигналом, поставив метку на фасаде здания на повседневном автомобильном маршруте передвижения американских дипломатов из дома на службу.

Резидентура ЦРУ ждала его возвращения и примерно через неделю осуществила условный звонок на его домашний телефон, после которого Поташов забрал из тайника контейнер со шпионским снаряжением.

В октябре 1983 года ЦРУ провело вторую и последнюю тайниковую операцию для Поташова, проинформировав его о координатах тайника шифротелеграммой из Франкфурта-на-Майне.

Его предательство, как и во всех других случаях с завербованными агентами, щедро оплачивалось американцами через тайники; кроме того, в одном из банков США на его имя был открыт счет, о чем Поташова проинформировали во время дачи подписки ЦРУ.

За время сотрудничества с ЦРУ Поташов, в соответствии с заданием, похитил у директора Института США и Канады АН СССР и передал американцам секретный справочник правительственной связи,

снабжал американцев тайнописными сообщениями на подставные адреса в США, содержащими сведения о стратегическом потенциале СССР, о позиции руководства страны на предстоящих переговорах по проблемам сокращения и ограничения вооружений, о материалах и документах, готовившихся Институтом для доклада в ЦК КПСС по советско-американской проблематике, нанеся тем самым серьезный ущерб безопасности страны.

Изменник Родины Поташов был привлечен к уголовной ответственности за шпионаж в пользу США.

* * *

Сотрудник военной разведки (ГРУ) генерал-майор Дмитрий Поляков двадцать пять лет, с 1961 по 1986 год, работал на американскую разведку. Он был завербован ФБР во время командировки в США. На следующий год его там же передали на связь ЦРУ.

На время заграничных командировок в США (1961–1962), Бирму (1965–1969) и дважды в Индию (1973–1976 и 1979–1980) приходится основная часть шпионской работы Полякова, когда он поддерживал личные контакты с разведчиками ЦРУ.

В периоды между командировками (1962–1965), (1969–1973), (1976–1979) с Поляковым в Москве сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ была организована личная связь через тайники и с помощью ближней радиосвязи. Причем, как опытный разведчик, Поляков активно участвовал в выработке способов и тактики конспиративных операций с резидентурой, сам изготавливал миниатюрные тайниковые магнитные контейнеры и предлагал места их закладок в районах улиц Большая Ордынка, Большая Полянка, в ЦПКиО им. Горького, у станций метро, изготавливал также тайниковые контейнеры в виде кирпичей и камней.

В системе безличной связи с Поляковым ЦРУ все же отдавало предпочтение радиосредствам — использованию новейшей разведывательной быстродействующей радиоаппаратуры в условиях Москвы.

В Индии Полякова сотрудники ЦРУ обучили работе с приемопередающим устройством для обмена радиовыстрелами с посольской резидентурой в Москве. Он успешно по графику, разработанному на несколько лет вперед, проводил эти трудноконтролируемые контрразведкой операции. Делал это, проезжая на троллейбусе по улице Чайковского мимо здания посольства США или «выстреливая» на жилые дома, в которых проживали американские разведчики, — на Ленинском проспекте и в других местах города.

Поляков был разоблачен военной контрразведкой и арестован 7 июля 1986 года.

Во время обыска в его квартире и на даче были обнаружены предметы шпионской экипировки — листы тайнописной копирки, шифровальные блокноты, специальные приставки к миниатюрному швейцарскому фотоаппарату «Тессина», особым способом изготовленная фотопленка «Кодак», шариковая ручка для нанесения тайнописи и инструкции по организации связи с разведчиками ЦРУ в Москве и за границей.

С самого начала своего сотрудничества с ФБР, а затем и с ЦРУ он стал передавать американцам особо охраняемую спецслужбами информацию об агентах-нелегалах, об американцах, завербованных советской разведкой, о способах связи с агентами в СВР и ГРУ, тем самым завоевав безграничное доверие американских специальных служб.

За время работы на ЦРУ предатель, помимо информации военно-политического и стратегического характера в области военного строительства и международных отношений (данные о советско-китайских отношениях, сведения о новом вооружении Советской армии, более ста выпусков секретного периодического журнала «Военная мысль», издаваемого Генеральным штабом, и т. д.), выдал американцам девятнадцать советских разведчиков-нелегалов, более ста пятидесяти агентов-иностранцев, работавших на СССР, сдал всех, кого знал из числа действующих кадровых сотрудников советской разведки и контрразведки (более полутора тысяч офицеров — своих коллег).

Причем он работал на американцев, в отличие от других известных нам агентов ЦРУ, практически бескорыстно, не получая денежной компенсации за свое предательство.

Его просьбы к своим кураторам из ЦРУ ограничивались охотничьими ружьями, которые он коллекционировал, и рыбацкими и охотничьими принадлежностями.

ЦРУ считало Полякова самым ценным агентом второй половины двадцатого века, американцы особо тщательно оберегали его и не позволяли КГБ выйти на его след ни на одном из каналов связи.

Мы в первом отделении первого отдела В ГУ в те годы были уверены в существовании особо ценного агента ЦРУ, с которым проводились дерзкие агентурные акции по связи, знали районы и время их осуществления, фиксировали их внешние признаки, но перехватить эти конспиративные операции американцев с Поляковым нам не удалось, не представилось возможным так же, как и в работе по Толкачеву.

То, что мы так и не перехватили операции ЦРУ по контакту с Поляковым, было нашей серьезной неудачей.

1999 год

И еще один успешный захват с поличным сотрудников ЦРУ в Москве, в котором я принимал участие не в составе группы захвата, а уже в качестве начальника управления, мы осуществили буквально накануне третьего тысячелетия.

В официальных российских СМИ в свое время была опубликована информация следующего содержания:

«29 ноября 1999 года сотрудники ФСБ задержали в Москве второго секретаря посольства США в РФ Черри Либернайт. 1 декабря представителю посольства США в РФ вручена нота протеста МИД РФ в связи с проведением шпионской акции, наносящей ущерб безопасности России».

Черри Либернайт была объявлена персоной нон грата и покинула Москву.

Эта акция и высылка Либернайт стала ответом контрразведки на высылку из США второго секретаря посольства России в Вашингтоне Станислава Гусева, который был обвинен американцами в сборе информации с помощью прослушивающего устройства, установленного в Госдепартаменте США.

В ходе официальных контактов с представителями ЦРУ в Москве и Вашингтоне стороны неоднократно заявляли о целесообразности не выносить на политический уровень негативные рабочие моменты, способные повлиять на обострение российско-американских отношений.

Поэтому после задержания и краткой беседы с Либернайт, во время которой американка только нахально улыбалась и отказывалась отвечать на какие-либо вопросы, я дал команду пригласить по существующему каналу связи в приемную для разбирательства не сотрудника консульского отдела посольства США, как это обычно происходит, а руководителя в то время резидентуры ЦРУ в Москве Данинберга.

Прибывшему в приемную ФСБ американцу объяснили ситуацию и предложили в соответствии с договоренностями и во избежание скандала на политическом уровне признать Черри Либернайт своей сотрудницей и забрать ее с собой в посольство США.

Американец, недолго колебавшись, категорически отказался это сделать, заявив, что он «эту даму» не знает, к ЦРУ она отношения не имеет. Он предложил действовать в соответствии с международными правилами, пригласив для официального разбирательства консульского работника посольства США в Москве, что и было нами сделано.

Это яркий пример того, что в критических ситуациях договоренности между спецслужбами не всегда срабатывают. На первый план выходит основополагающий принцип — никогда официально не признавать участия своей спецслужбы в разведывательной операции.

* * *

Во время всех этих перечисленных операций по захватам с поличным сотрудников посольской резидентуры ЦРУ у американских разведчиков, выходявших на личные встречи с их агентами, нами всегда изымалось различное шпионское снаряжение, не оставлявшее сомнений в их шпионской разведывательной деятельности.

Спецтехника (фотоаппаратура, радиоприборы), аудиозаписывающие устройства, аппаратура контроля и сканирующая в

эфире частоты бригад наружного наблюдения, средства тайнописи, шифровальные таблицы, письма — обращения ЦРУ к своим источникам, разведывательные задания агентам и инструкции по способам поддержания дальнейшей связи с ними, средства маскировки — парики, усы, очки и различные головные уборы.

Обобщив наблюдения за поведением американских разведчиков при задержании их с поличным и в ходе дальнейших процедур официального разбирательства, я отметил для себя, что все задержанные разведчики были людьми различного темперамента и физических возможностей, в той или иной степени агрессивны, но для всех для них была свойственна уверенность в себе и в правоте своего дела, в том, что они не совершили оперативной ошибки и лично не виноваты в провале агента. Они небезосновательно исходили из того, что, вероятнее всего, агент провалился задолго до силового захвата, который стал апофеозом реализованной контрразведкой оперативной игры-подставы.

У меня сложилось впечатление, что у них нет ни тени сомнения — за ними стоит сильная страна, которая их защитит, а по возвращении в США, в штаб-квартиру ЦРУ, они не понесут дисциплинарного наказания за то, что их захватили с поличным. Наоборот, поощрят за мужество и правильное поведение (как нам позднее стало известно, так и происходило).

При захватах никто из задержанных разведчиков ЦРУ не терял самообладания, не признавал свою принадлежность к американским спецслужбам и участие в шпионской акции. Все заявляли, несмотря на очевидность произошедшего и улики, о своей непричастности к спецслужбам и что все случившееся — это лишь провокация КГБ.

Мои попытки склонить задержанных разведчиков ЦРУ к сотрудничеству с советской контрразведкой (по пути от места их захвата с поличным до приемной КГБ) успеха не имели.

Кроме заявлений о том, что они являются дипломатами, и требований вызвать представителя посольства США, задержанные разведчики ничего не говорили, отказывались отвечать на любые вопросы.

Я уверен, что все американские разведчики действовали строго в соответствии с имеющимися на этот счет в ЦРУ инструкциями, придерживались полученных при подготовке к загранкомандировке

рекомендаций, и их поведение, безусловно, с профессиональной точки зрения заслуживает уважения.

Глава одиннадцатая

Операции КГБ по пресечению технического проникновения ЦРУ и АНБ к нашим секретам

Дипломатическое прикрытие для сотрудников ЦРУ развязывает им руки не только для проведения вербовочных мероприятий по гражданам нашей страны и проведения разведчиками операций по поддержанию конспиративной связи с агентами на каналах личных встреч, с помощью тайников и радиосредств, но и создает условия для технического проникновения США к нашим секретам с помощью автоматических устройств технической разведки.

Первое отделение первого отдела В ГУ занималось всеми без исключения операциями американцев с использованием АУТР, которые стали известны советской контрразведке и проводились сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века. Мне удалось принять участие в противодействии этим операциям.

1973 год

В конце лета 1973 года два сотрудника ЦРУ, второй секретарь секции закупки литературы американского посольства Ричард Корбин и Гарри Веттерби, атташе административно-хозяйственного отдела, с женами и родителями Корбина нотифицировали поездку на двух автомашинах из Москвы на Бородинское поле под Можайском.

Сделали они это заблаговременно, за сорок восемь часов до поездки, как и было положено в те годы. Целью поездки, как Веттерби и Корбин активно доводили до окружающих, было показать родителям Корбина достопримечательности Подмосковья и музей Бородинской битвы.

Спаренная загородная поездка двух активных разведчиков-агентуристов ЦРУ не могла не обратить на себя внимание контрразведки. В этой связи Смурыгин и я совместно с Седьмым управлением КГБ по указанию начальника первого отдела В ГУ

подготовили специальный план по организации конспиративного контроля за двумя машинами американцев.

В оговоренный срок американцы вместе с женами, но без родителей Корбина и не на двух, а на одной автомашине марки «Вольво» D-04-348, принадлежащей Гарри Веттерби, рано утром в ненастную дождливую погоду выехали из Москвы.

Американцы на большой скорости, неоднократно нарушив правила дорожного движения, по Можайскому и Минскому шоссе под контролем, организованным КГБ, приехали на Бородинское поле в музей в селе Бородино.

На одном из участков трассы по пути туда они на довольно значительное время выпали из нашего поля зрения. Стало понятно, что американцы целенаправленно свернули с разрешенной для проезда иностранцев трассы и в нарушение существовавших в то время в СССР порядков проникли в запрещенный для посещения иностранцами район Подмосковья.

В тот же день силами Седьмого управления мы пытались найти следы пребывания американцев в предполагаемом районе, но положительных результатов поиски не принесли.

Уже через несколько дней после возвращения Корбина и Веттерби в Москву на пригорке в лесу недалеко от трассы Москва — Можайск местные подростки-грибники случайно нашли и из любопытства раскурочили и вдребезги разбили искусно сделанный из пластмассы пенек, внешне напоминавший сосновый.

Руководство первого отдела ВГУ срочно командировало меня в Можайск, откуда я доставил в Москву разбитый искусственный пенек и его содержимое.

Судя по маркировкам, это было изделие американского производства. Внутри пня находился целый разведывательный комплекс — новейшее техническое устройство электронной разведки в виде шара диаметром девятнадцать сантиметров и весом пять килограммов. Для стабилизации направленности антенн этот шар плавал в ртути.

Специалисты определили, что установленное сотрудниками ЦРУ Веттерби и Корбиным замаскированное под сосновый пенек устройство предназначено для ведения электронной разведки в диапазонах сверхвысоких частот с последующей ретрансляцией

накопленной информации в закодированном виде на расстояние до четырехсот пятидесяти километров на американские искусственные спутники Земли во время их пролета над СССР и с последующим ее сбросом на территорию США или же на наземные средства приема информации, включая здание посольства США в Москве.

Электронный комплекс внутри пенька был нацелен на секретный объект противоракетной обороны, дислоцировавшийся на противоположном берегу Можайского водохранилища.

Через некоторое время в ходе дополнительно организованных поисковых мероприятий в том же районе силами Седьмого управления КГБ СССР был обнаружен второй, но целый пенек, аналогичный первому.

Мы восстановили первоначальный вид первого пенька, и оба пня вернули на места их обнаружения, а на оставшийся целым и функционировавший в режиме приема-передачи пенек радиоконтрразведка КГБ длительное время передавала ложные сигналы.

С учетом всех обстоятельств руководство Комитета госбезопасности приняло решение не допустить конспиративного проникновения сотрудников посольства США в Москве в закрытый район Подмосковья для проверки или изъятия своего АУТР.

Первый отдел ВГУ и Седьмое управление КГБ СССР четыре месяца, с сентября по декабрь, были готовы провести операцию по захвату американцев с поличным при попытке возможного изъятия ими установленной спецтехники. Ждали и находились в состоянии постоянной готовности.

Все это время в помещении Можайского городского отдела КГБ вели круглосуточное дежурство по скользящему графику оперативные работники первого отделения первого отдела ВГУ КГБ.

В соответствии с этим графиком мне пришлось каждую неделю (меня Юрия Колесникова) совершать поездки в Можайск, куда к нам из Москвы стекалась вся информация по подозрительным действиям сотрудников ЦРУ, свидетельствующая о вероятной попытке кого-либо из них выехать за пределы Москвы по направлению к Можайску.

Одновременно группы захвата Седьмого управления КГБ постоянно под видом охотников и рыбаков находились в непосредственной близости от района, где стояли американские пни, а

дополнительные скрытые посты НК, замаскированные в вырытых землянках и в стогах сена, также несли круглосуточное дежурство в указанном районе.

Но американцы, видимо, догадавшись, что их техника контролируется контрразведкой КГБ, на ее изъятие не пошли.

Операция американской разведки по внедрению и использованию в Подмоскowie автоматического устройства технической разведки была сорвана, но и захватить с поличным сотрудников ЦРУ нам не удалось, хотя для проведения захвата задействовали громадные человеческие и материальные ресурсы.

По окончании командировки сотрудники ЦРУ Корбин и Ветгерби без предъявления им каких-либо претензий с советской стороны покинули страну.

1981 год

Операция под американским кодовым названием «Айви белз» прошла без участия первого отделения первого отдела В ГУ, но, тем не менее, ее реализация явилась очередным весомым вкладом органов безопасности СССР в борьбу с электронно-технической разведкой Соединенных Штатов Америки.

В Охотском море в наших территориальных водах в шестидесяти километрах от берега в районе города Усть-Хайрюзово была обнаружена современнейшая американская специальная аппаратура бесконтактного съема информации с подводного телефонного кабеля, соединявшего военные объекты на материке (Владивосток) с объектами на Камчатке.

Этот уникальный разведывательный комплекс весил около семи тонн, имел в длину пять метров и включал в себя устройство для бесконтактного съема информации, источник атомной энергии и электронную систему отбора и накопления информации.

Комплекс АУТР был установлен американцами в 1980 году с помощью мини-подводной лодки. Бобины с накопленной информацией и элементы питания периодически заменялись подводными пловцами. Для быстрого обнаружения подводной части АУТР применялся гидроакустический маяк.

В 1981 году американское разведывательное оборудование было обнаружено и изъято.

Аналогичный опыт технического подключения к советским телефонным кабельным линиям связи у ЦРУ ранее уже имелся — подобное мероприятие американцы проводили, но в другом месте и в других условиях.

Уже в совсем далеком 1953 году американцы вместе с английской разведкой SIS из американского сектора Западного Берлина в Восточный прорыли полукилометровый тоннель, с помощью которого организовали перехват информации с телефонных кабелей связи советских вооруженных сил в ГДР.

В истории эта операция известна как «Берлинский тоннель».

Тоннель прорыли с соблюдением строжайших мер предосторожности. Специалисты ЦРУ и SIS подсоединились к нашим подземным кабельным линиям связи и установили на телефонные коммуникации устройства для прослушивания и записи телефонных переговоров.

Как показала практика, опыт подобных мероприятий в ЦРУ остался востребованным и в дальнейшем, менялись лишь разведывательные устремления и интересы, исполнители и способы организации доступа к каналам связи, время и места проведения тайных операций с применением АУТР.

1985 год

Первым отделом ВГУ КГБ СССР летом 1985 года была разоблачена и прервана совместная операция ЦРУ и АНБ по техническому подсоединению к кабельным телефонным линиям связи между Москвой (Министерство обороны СССР) и режимным оборонным объектом (лаборатория по созданию лазерных вооружений «Красная Пахра») в подмосковном городе Троицке.

Американцам удалось длительное время с помощью спец-техники получать интересующую их разведывательную информацию оборонного и научно-технического значения.

По данным самих представителей американских спецслужб, эта сложнейшая операция с использованием специально изготовленного

автоматического устройства технической разведки стоимостью более двадцати миллионов долларов началась в середине семидесятых годов и готовилась ими для ввода в эксплуатацию в течение нескольких лет.

На первом этапе операции технические специалисты США провели скрупулезный анализ и расшифровку перехваченных из здания американского посольства узконаправленных радиорелейных передач между военными объектами в Москве и в Троицке. Эти сведения имели серьезное разведывательное значение для США.

Когда американцы поняли, что интересующий их информационный обмен между секретными объектами может быть переведен на телефонный кабельный канал связи, то они с помощью спутников-шпионов серии КН-11 провели соответствующие исследования, в ходе которых сфотографировали земляные работы и несколько телефонных люков на всем протяжении Калужского шоссе от Москвы до Троицка.

На основании этой достоверной документальной информации технические специалисты ЦРУ и АНБ сделали вывод, что в дальнейшем для контактов между объектами будет применяться защищенная кабельная телефонная линия.

В ходе неоднократных разведывательных поездок сотрудников московской резидентуры ЦРУ в летнее время из Москвы по направлению к Троицку, легендировавшихся американцами как отдых в районе поселков Сосенки, Десна и Ватутинки, они досконально изучили обстановку вдоль Калужского шоссе и детально сфотографировали местность.

Практически все те поездки сотрудников ЦРУ контрразведкой контролировались. В качестве основной нами тогда прорабатывалась версия подготовки ЦРУ к операциям по связи со своими агентами в этом регионе Подмосковья, однако достоверно установить цель тех поездок нам не удалось.

В результате предварительной оценки ситуации в интересующем американские специальные службы районе в придорожном лесу разведчики ЦРУ конспиративно (после отрыва от слежки и уже вне нашего контроля) исследовали наиболее удобный для проникновения под землю колодец. В этом колодце американцы с помощью специального прибора определили интересующий их кабель и место

подключения к нему для прослушивания телефонных и факсимильных сообщений.

По сведениям, полученным от ЦРУ, первым, кто спустился в 1979 году в бункер, был заместитель резидента ЦРУ в Москве Джеймс Олсон, работавший под прикрытием должности второго секретаря экономического отдела посольства США. Он исследовал и все сфотографировал в бункере.

Потом в США на полигоне ЦРУ был построен идентичный макет бункера для тренировки сотрудников по внедрению АУТР и обеспечению последующего доступа к телефонным линиям.

В итоге разведчикам московской резидентуры ЦРУ после длительной подготовки удалось внедрить электронную аппаратуру в колодец в лесу около Калужского шоссе. Начиная с 1981 года (по данным американцев) в течение нескольких лет они успешно ее эксплуатировали, вплоть до обнаружения АУТР контрразведкой.

Путем анализа имеющихся в нашем распоряжении оперативных материалов мы восстановили последовательность тех операций ЦРУ по обслуживанию АУТР.

После длительных проверок на автомобиле и фиксировавшихся нами отрывов от слежки американцы чаще всего оставляли машину у Битцевского лесопарка и продолжали проверку с использованием городского транспорта. Разведчики следовали пешком через парк, затем через микрорайон Ясенево, а далее через МКАД по лесу к Калужскому шоссе.

Операции проходили раз в полгода. Разведчики меняли блок питания, изымали записанные кассеты. Мы установили, что это делали сотрудники посольской резидентуры ЦРУ (вместе со своими женами) Дэнис Макмэхен, Луис Томас и Джин Койл, которых Лэнгли перед отправкой в СССР, помимо решения иных задач, специально готовило для операций по обслуживанию АУТР.

Обязательными составляющими элементами операций, длившихся по несколько часов, были бесконтрольное пребывание разведчиков в городе, переодевание, чтобы не отличаться от рядовых москвичей, и смена обуви при выходе из автомашины, чтобы собаки не смогли взять след.

В день операции по обслуживанию АУТР сотрудник ЦРУ Луис Томас, проживавший в здании посольства США, приезжал в дом 7/4 на

Кутузовском проспекте якобы в гости к другому сотруднику ЦРУ Рейнольдсу.

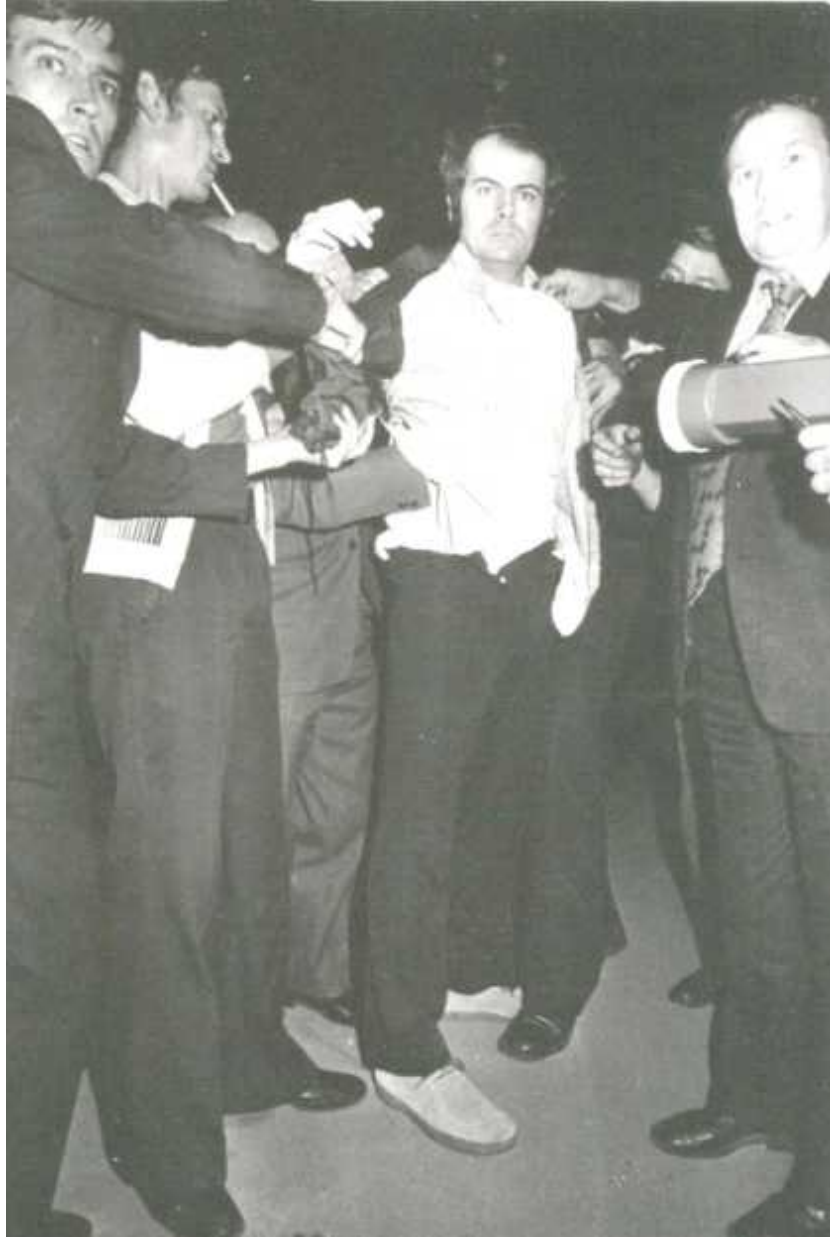
Задержание сотрудницы ЦРУ Марты Петерсон. 1975 год

Нательная спецтехника ЦРУ для контроля работы в эфире НН,
обнаруженная у М. Петерсон

М. Петерсон в приемной КГБ СССР. Перед ней — тайниковый
контейнер, предназначенный для агента ЦРУ Огородника

Захват с поличным сотрудника ЦРУ Винсента Крокетта. 1975 год

Задержание супруги Крокетта

Супруги Крокетт в приемной КГБ СССР

Задержание сотрудника ЦРУ Питера Богатыра

Генерал Рэм Красильников и Богатыр в приемной КГБ СССР

Сотрудник ЦРУ Луис Томас после задержания. 1983 год

Л. Томас в приемной КГБ СССР

Л. Томас и представители посольства США в Москве. На столе — тайниковый контейнер с деньгами, предназначенными для американского агента

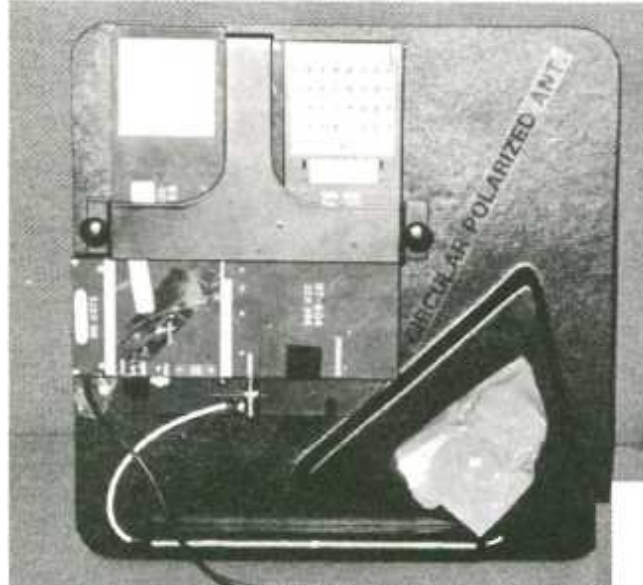
Захват сотрудника ЦРУ Ричарда Осборна. 1983 год

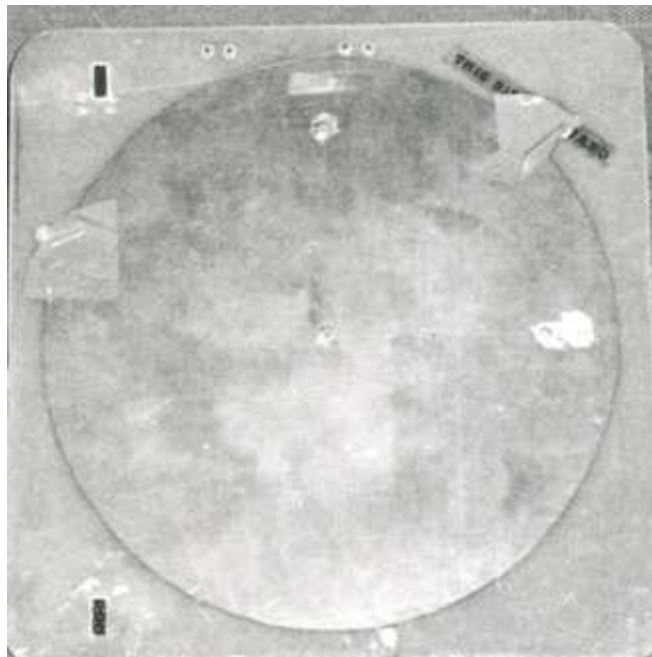
Р. Осборн в приемной КГБ СССР

Ричарда Осборна после задержания

Специальная техника для радиосвязи через искусственные спутники Земли, предназначенная для передачи агенту ЦРУ, изъятая у Осборна

Антенна этой спецтехники

Сотрудник ЦРУ Пол Стомбах в приемной КГБ СССР. 1975 год

Генерал Красильников проводит разбирательство с Полом Стомбахом. 1975 год

Шереметьево. Отъезд Стомбауха из СССР

Задержание сотрудника ЦРУ Майкла Селлера. Крайний справа — Александр Жомов. 1986 год

М. Селлерс в приемной КГБ СССР

Рэм Красильников проводит официальное разбирательство с М. Селлерсом

Задержание сотрудника ЦРУ Эрика Сайтса. 1986 год

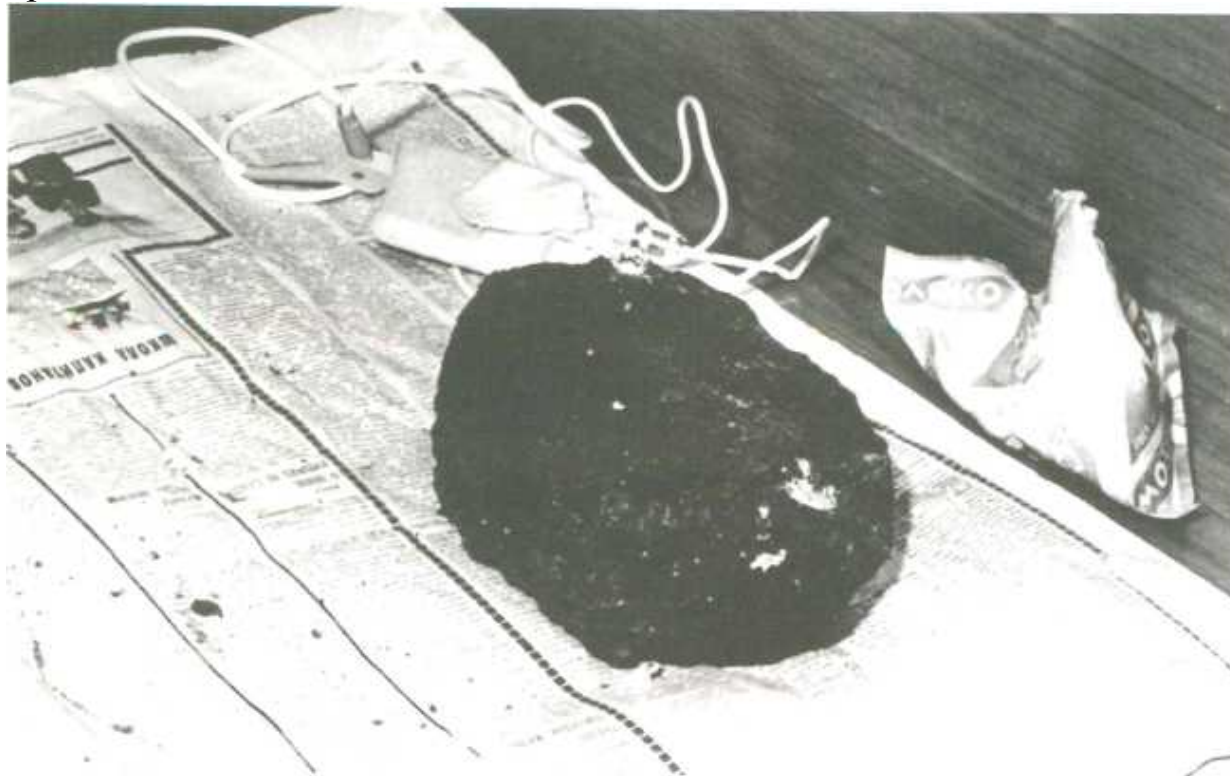
Личный досмотр Сайтса

Э. Сайтс в автомобиле КГБ по пути на Лубянку

Сайтс вместе с представителем посольства США в Москве в приемной КГБ СССР

Тайниковый контейнер в виде куска угля и спецтехника ЦРУ

Тайниковый контейнер в виде камня и его содержимое — деньги для агента ЦРУ

"ДЕТИ"

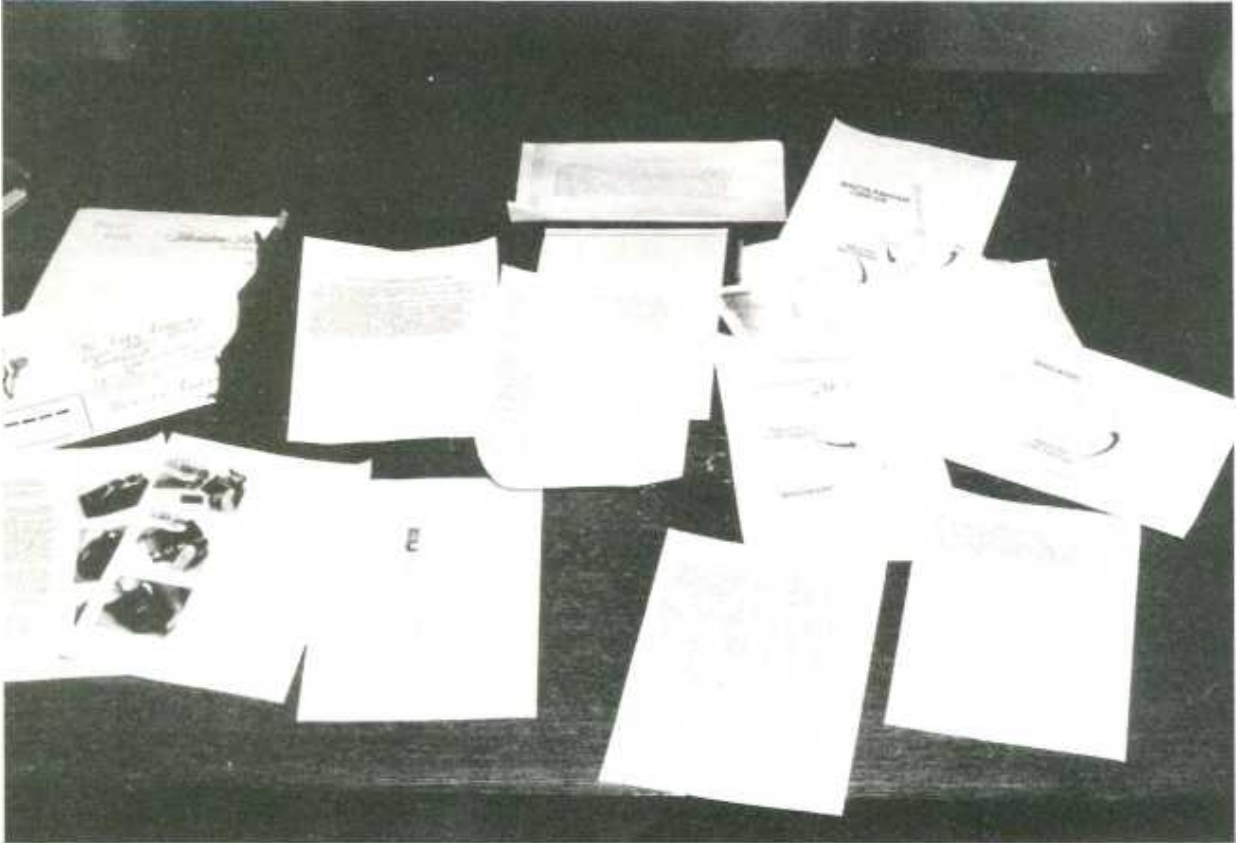
ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ ПЛОШАДИ, СЯДЬТЕ НА ТРОЛЛЕЙБУС 33 КОТОРЫЙ ИДЕТ ПО ЛЕНИНСКОМУ ПРОСПЕКТУ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВНЕ ГОРОДА. СОЙДИТЕ НА ОСТАНОВКЕ "УЛ. КРУПСКОЙ", КОТОРАЯ ПЕРЕ "ВЛАСТА" МАГАЗИНОМ, НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ 82. ИДИТЕ ПО ПРАВОЙ СТОРОНЕ УЛ. КРУПСКОЙ КАК ТОЛЬКО ВЫ ПРОЙДЕТЕ ВТОРУЮ АВТОБУСНУЮ ОСТАНОВКУ, И ПЕРЕД ТЕМ КАК ВЫ ДОЙДЕТЕ ДО ДОМА 8, ВЫ УВИДИТЕ ФОНАРНЫЙ СТОЛБ, СЛЕВА ОТ ВАС, РЯДОМ С УЛИЦЕЙ. НА НЕМ ТРЕУГОЛЬНЫЙ ДОРОЖНЫЙ ЗНАК ПРЕДУСТЕРЕЖЕНИЯ, УКАЗЫВАЯ: "ДЕТИ ИГРАЮТ". ТОЖЕ НА СТОЛБЕ, КРАСНЫМИ БУКВАМИ, НА УРОВНЕ ГЛАЗ, НАПИСАНО "ГК". СДЕЛАЙТЕ ЖИРНУЮ ГОРИЗОНТАЛЬНУЮ 10 САНТИМЕТРОВУЮ КРАСНУЮ ЧЕРТУ НА УРОВНЕ ПОЯСА, ТАК ЧТОБЫ ОНА БЫЛА НАМ ЯСНО ВИДНА ИЗ МАШИНЫ, КОГДА МЫ БУДЕМ ЕХАТЬ ПО УЛИЦЕ КРУПСКОЙ, ОТ ЛЕНИНСКОГО ПРОСПЕКТА К ВЕРНАДСКОМУ.

Инструкция ЦРУ для агента по постановке условного графического сигнала

Схема и инструкция ЦРУ по постановке условного графического сигнала, переданная агенту ЦРУ

Вопросники, задания и иные инструкции ЦРУ для своего агента

Комплект из пяти фотоаппаратов, деньги и антисоветская литература с обложками от научносправочных изданий, предназначенная для агента ЦРУ Толкачева, изъятая у Пола Стомбауха

Через некоторое время, переодевшись в женскую одежду, Луис Томас вместе с женой Рейнольдса (также сотрудницей ЦРУ) Деборой на ее автомашине выезжал в город и с применением различных ухищрений следовал в район Битцевского лесопарка, Там Томас, избавившись от женской одежды, покидал автомобиль уже в своем привычном обличье.

И далее через лес и затем через микрорайон Ясенево американцы уже пешком шли к Калужскому шоссе для работы с АУТР.

В другой раз после отрыва от слежки и оставления автомобиля на Балаклавском проспекте аналогичным маршрутом через Битцевский лесопарк с тяжелым рюкзаком за плечами проследовал к Калужскому шоссе и Дэнис Макмэхен.

Конспиративный доступ к АУТР и к телефонному кабелю осуществлялся сотрудниками ЦРУ, замаскированными под работяг. Они открывали железную крышку люка и проникали в телефонный колодезь.

Последним из сотрудников ЦРУ, кто в 1985 году провел операцию по замене АУТР, был Джин Койл. Вот как он в своем интервью рассказывает о том, как это было:

«Моя жена и я получили задание выйти в одну субботу и заменить записывающее устройство, которое находилось под землей многие месяцы, и установить там новое. Звучит достаточно просто, но подготовка к этому велась много месяцев. Во-первых, осуществлялась работа по разработке поведенческой модели для субботних дней: выход из нашей квартиры, дорога к месту моей работы, игра в баскетбол и помывка нашей машины.

Сотрудники КГБ привыкли ко всему, что мы делали каждое субботнее утро. И каждую субботу я выходил вот с этой большой сумкой со спортивной одеждой и баскетбольным мячом. И поэтому в какой-то момент они перестали следить за нами по субботам, поскольку они знали, куда я направлялся. Но в одну из суббот мы направились в другое место.

Мы вышли из нашей квартиры и сели в машину с радиостанцией. Мы катались по городу в течение нескольких часов и поняли, что, по всей видимости, за нами нет наблюдения. Мы вышли из машины. Потом я надел довольно простую маскировку. Вот это та самая сумка, в которой у меня была коробка, моя очень шикарная советская кепка, пиджак местного пошива и очки для того, чтобы сделать меня похожим на русского. Это была вся маскировка, которой я воспользовался.

Последнее хорошее воспоминание, что нам нужно было добраться пешком до того места, куда мы должны были прийти. Мы были очень удивлены, когда пришли туда, поскольку до этого я никогда не замечал, насколько близко это место было к большому шоссе. Мы были в кустах всего в двадцати-тридцати футах от сотен двигавшихся машин. Это вселяло в тебя чувство открытости и незащищенности.

Для того чтобы отправиться туда, нужно было сначала получить ответ на вопрос: “Преследует ли тебя кто-либо сегодня?” КГБ обладал значительными ресурсами. Если они хотели, они могли использовать десятки машин и тридцать — сорок человек. Но даже для КГБ было много американских, французских, немецких, британских дипломатов — огромное количество людей, за которыми нужно следить. Поэтому я не думаю, что они могли следить за каждым ежедневно. То есть хитрость сотрудника ЦРУ заключалась в том, чтобы определить, есть ли за тобой слежка сегодня или нет.

После того как мы проверили, нет ли за нами наблюдения, сели на автобус и прошли пешком, мы очутились в лесу на юге от города и осуществили замену. Конечно, едва мы сели рядом с входом в коммуникационный тоннель, как появилась молодая пара русских, державшихся за руки и направлявшихся в нашу сторону. В хорошую погоду многие русские любили прогуляться и уединиться в лесах. Поэтому моя жена и я были вынуждены сидеть там и целоваться две или три минуты. Вот такие поступки я совершал ради своей страны.

Но мы произвели замену и вернулись назад в посольство. Я, конечно, еще должен был заняться своими обычными делами: помыть машину и немного поиграть в баскетбол. Конечно, адреналин зашкаливал. Я не очень высокого роста, но я был очень спортивный, я мог еле-еле коснуться баскетбольного кольца. Но в ту субботу я мог подпрыгнуть так, что моя рука была выше кольца... Адреналин бил через край».

Главным элементом АУТР была сенсорная индуктивная, то есть не требующая непосредственного подсоединения к проводу, муфта, состоящая из двух закреплявшихся между собой половинок, надевавшаяся на экранированный телефонный кабель для контроля сигналов и записей их на магнитофон.

Эта муфта соединялась с электронным блоком, помещенным в металлический ящик, с катушечным магнитофоном, приемопередатчиком и блоком питания.

Ящик с этим электронным блоком закопали в землю в полутора метрах от бункера на глубину примерно в полметра. На корпусе ящика яркой красной краской было написано: «Опасно! Высокое напряжение!», и его присыпали ядохимикатом для отпугивания грызунов.

К блоку была подсоединена антенна для контроля американцами с расстояния до двух километров сигналов состояния всех приборов (необходимость замены кассет, элементов питания, признаки вмешательства в работу посторонних лиц).

Питания для эффективной работы АУТР и емкости магнитофонных кассет, по нашей оценке, хватало на пять-шесть месяцев, после чего резидентуре ЦРУ приходилось проводить очередную операцию по замене элементов питания и магнитофонных кассет.

После обнаружения летом 1985 года этого АУТР контрразведкой была организована и в течение нескольких месяцев проводилась круглосуточная операция-засада силами Седьмого управления КГБ СССР с участием оперативных сотрудников первого отделения первого отдела Второго главного управления.

По прошествии значительного времени стало очевидно, что американцы расшифровали наше мероприятие. В аппаратуре имелся датчик ее несанкционированного открытия, он передавал сигнал на значительное расстояние (разведчику ЦРУ, проезжавшему в автомобиле по МКАДу на пересечении с Профсоюзной улицей). Мы свернули мероприятие.

Наш расчет на очередной захват с поличным в Москве сотрудника ЦРУ при работе со спецтехникой не оправдался.

* * *

В декабре 1985 года первым отделением первого отдела ВГУ была сорвана организованная ЦРУ и АНБ акция технической разведки американских спецслужб. Мы задержали железнодорожный контейнер, которому предстояло проследовать из Японии через порт Находку и Ленинград в западногерманский город Гамбург.

Для перехвата контейнера, шедшего из Японии в СССР, в Находку откомандировали моего заместителя Владимира Беликова, организовавшего с местными контрразведчиками постоянный тщательный контроль всех грузов, прибывающих из Японии.

В результате этого контроля на борту теплохода «Сибиря-мару» мы обнаружили контейнер № СТIF-1317221, заполненный, согласно

документам, картонными коробками с цветочными горшками.

В этом контейнере после его перегрузки с теплохода на железнодорожную платформу и досмотра под прикрытием из цветочных горшков обнаружили многотонный комплекс разведывательно-технической аппаратуры.

На металлическом каркасе по периметру контейнера были прикреплены две электронно-вычислительные машины, специально изготовленные датчики — регистраторы радиоактивного излучения, специальные фотокамеры, объективы которых через вентиляционные решетки могли вести круглосуточную панорамную съемку по всему маршруту движения контейнера.

В контейнере находились и другие приборы, обеспечивавшие регистрацию пройденного расстояния, атмосферного давления и температуры.

Весь этот комплекс работал в автоматическом режиме, без перерывов, фиксируя каждый метр пройденного пути, и определял географические координаты районов, связанных с производством, хранением и перевозкой ядерного оружия, и нахождение атомных объектов на Транссибирской магистрали.

По заключению специалистов, эта современнейшая электронная разведывательная аппаратура предназначалась для обнаружения, фотографирования и фиксирования источников радиации, нейтронного и гамма-излучений при следовании по железной дороге через всю территорию СССР с востока на запад.

Комплекс был скомпонован из изделий крупнейших американских фирм: «Ар си эй», «Нэшнл семикондактор», «Сили-коникс», «Тэксас инструменте» и др. Используемые в электронном комплексе аккумуляторы изготовили американские фирмы «Меллори энд компани» и «Игл пичер», свинцовые блоки для придания контейнеру устойчивости и веса также имели американскую фабричную маркировку.

Установлено, что пособниками и исполнителями этой совместной акции технической разведки ЦРУ и АНБ являлись японские фирмы «Сан юнион», которой принадлежали цветочные горшки, «Марудзен Азия транс», арендовавшая железнодорожный контейнер, и «Транссиб», осуществлявшая транспортировку контейнера через территорию СССР.

Получателем груза числился некий гражданин ФРГ Рамон Прайз, который в Гамбурге должен был принять этот контейнер через транспортную фирму «Цюст-Бахмайер».

Мы расценивали срыв этой операции АНБ и ЦРУ советской контрразведкой как серьезный успех и пытались развернуть широкую пропагандистскую антиамериканскую кампанию, обвинив в этой шпионской разведывательной акции ее организаторов — разведку США. Но МИД нас не поддержал.

Думаю, не ошибусь, если констатирую, что именно горбачевская перестройка и «новое мышление», ярым сторонником которых был министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, сыграли в этом главенствующую роль.

Нам не удалось в рамках возбужденного тогда уголовного дела привлечь к ответственности ни установленных нами иностранцев, организовавших, судя по документам, транзит контейнера со шпионской аппаратурой, ни фирмы, от имени которых они действовали, так как все они после провала операции просто исчезли, а официальные власти Японии и ФРГ фактически заблокировали расследование.

Что касается американцев, то официальные лица и представители их спецслужб это событие просто проигнорировали и многие годы никак не комментировали — так всегда бывает в случаях провала разведывательных операций.

Но впоследствии ЦРУ признало, что это дорогостоящее мероприятие с использованием многофункциональной разведывательной чудо-лаборатории на колесах, на которую спецслужбы США возлагали большие надежды, было их детищем и именовалось операцией «Абсорб».

Не вызывает сомнения, что операция «Абсорб» явилась результатом выдумки и смекалки заказчиков этого мероприятия, их организаторских способностей, воплощением на практике передовых инженерных идей и технологий ЦРУ и АНБ США в области электронной разведки.

Глава двенадцатая

Операция «Фантом»

Оперативные игры используются контрразведкой против иностранной разведки, то есть против структурного подразделения государственного аппарата иностранного государства, ее штаб-квартиры в столице и посольской резидентуры у себя в стране, и позволяют решать как стратегические, так и тактические задачи.

Они проводятся, например, по поручению и в интересах руководства своей страны или отдельных ее ведомств в целях введения правительства иностранного государства через его разведывательные каналы в заблуждение относительно чего-либо или доведения до противной стороны специально подготовленной информации или дезинформации по различным проблематикам политической, экономической или военной направленности, или для отвлечения усилий иностранных специалистов в наукоемких областях на тупиковые направления и т. д.

Оперативные игры, в зависимости от решаемых задач, могут быть как долговременными, так и краткосрочными, в них исполнителями бывают как специально приобретенные для этого агенты, так и действующие, но дополнительно обученные источники, а в отдельных случаях агента может и вообще не быть.

На основании полученных в процессе оперативных игр данных о методах работы спецслужб, применяемых ими технических средствах и ухищрениях и о почерке деятельности конкретных разведчиков строятся операции контрразведки по вскрытию реальных агентурных акций противника и выходу на действующую агентуру иностранных спецслужб.

Венцом нашей работы в те, теперь уже далекие, восьмидесятые годы считаю подготовку и проведение первым отделением первого отдела ВГУ агентурно-оперативной операции в рамках оперативной игры под названием «Фантом» по подставе американцам оперативного сотрудника контрразведки.

Оперативные игры как разведки, так и контрразведки всегда тайна за семью печатями, и, как правило, детали подобных секретных

мероприятий предаются гласности спустя многие годы, когда уже невозможно нанести ущерб конкретным людям.

Но сведения об операции «Фантом» ранее уже появлялись в печати. Рэм Сергеевич Красильников, руководитель подразделения КГБ СССР, организовавшего эту оперативную игру против американцев, посвятил операции «Фантом» главу в своей книге «Новые крестоносцы — ЦРУ и перестройка», вышедшей в 2003 году.

А Милтон Бирден, руководитель подразделения ЦРУ, против которого велась та оперативная игра, рассказал о ней в своей книге «Главный противник. ЦРУ против КГБ», переведенной и на русский язык.

После того как эти две выдающиеся личности в истории взаимоотношений КГБ СССР и ЦРУ США уже поведали миру об оперативной игре «Фантом», и я осмелился рассказать об этом мероприятии.

Но сделаю это с позиций руководителя первого отделения первого отдела ВГУ, которое и стало непосредственным организатором и исполнителем той контрразведывательной операции.

В материалах дел на разоблаченных агентах ЦРУ в КГБ имелась достоверная информация о том, что американцы для своих ценных агентов (Пеньковский, Попов, Толкачев) готовили операции по их нелегальному, конспиративному вывозу из СССР.

ЦРУ и SIS планировали эвакуировать агента Пеньковского, заранее договорившись с ним, что ему нужно делать, если он окажется за границей и не захочет возвращаться в СССР.

Своего особо ценного источника — Толкачева — американцы намеревались конспиративно вывезти из СССР на автомашине посольства США или переправить за границу в дипломатическом багаже, или же на еженедельном специальном рейсе американского самолета, доставлявшего в Москву грузы для посольства США.

Реальным подтверждением правдивости этой информации стало сообщение, что 20 июля 1985 года из СССР тайно эвакуирован, но не американцами, а на сей раз англичанами агент английской разведки из числа сотрудников Первого главного управления КГБ СССР полковник Олег Гордиевский.

Но еще раньше, в мае 1980 года, из страны бесследно исчез вместе с семьей сотрудник Восьмого главного управления КГБ СССР

(криптография, шифросвязь) майор Виктор Шеймов.

В расследование истории с побегом Шеймова в то время вмешалась роковая случайность. Одновременно с исчезновением семьи Шеймовых органами милиции при активном участии КГБ расследовалась серия убийств. Шеймовы имели по приметам удивительное сходство с одной исчезнувшей, но впоследствии обнаруженной убитой семьей.

Поэтому длительное время считалось, что семья Шеймовых стала жертвой нераскрытого преступления, и лишь в 1988 году стало известно, что Шеймов был ранее завербован американцами (в 1979 году в Варшаве), тайно вывезен ими из СССР и вместе с семьей находится в США.

Руководитель московской резидентуры ЦРУ Дэвид Рольф рассказал Красильникову, что это он в 1980 году провел последнюю в СССР конспиративную встречу с Шеймовым и передал ему в тот день изготовленные в Лэнгли фиктивные документы. Якобы по ним семья изменника Родины выехала из нашей страны на Запад.

Во время моих официальных контактов с Рольфом американец подтвердил свою роль в исчезновении Шеймова из Москвы и уточнил, что последний конспиративный контакт с Шеймовым был на Бульварном кольце у памятника Надежде Крупской, практически на пересечении Сретенского бульвара с улицей Большая Лубянка, где расположены основные здания КГБ.

Я прекрасно помню тот день, когда в 1980 году Дэвид Рольф в московских переулках буквально разметал немногочисленную бригаду наружного наблюдения, оторвался от слежки и исчез из нашего поля зрения на продолжительное время.

Найти его не удалось. Было ясно, что американец провел агентурную акцию, но какую и с кем, установить в то время не представилось возможным.

Памятуя о деле Гордиевского и о вновь открывшихся обстоятельствах по делу Шеймова, председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков дал указание контрразведке в сжатые сроки во что бы то ни стало принять меры по вскрытию каналов нелегального вывоза американцами своих агентов из СССР.

Красильников поручил мне (а я в то время занимал сдвоенную должность — его заместителя и одновременно начальника первого

отделения) доложить предложения по реализации указания председателя КГБ СССР.

Размышляя над поручением, пришлось просчитать множество ситуаций, которые подтолкнули бы американцев вывезти своего агента из страны.

Как представлялось, это должен быть агент, которому американцы полностью доверяют и который был бы лично знаком с оперработником ЦРУ в условиях Москвы или зарубежья.

Их агентурный контакт им необходимо неоднократно проверить на конкретных поручениях, чтобы он поставлял им действительно ценную информацию, а обстановка вокруг него, с учетом вероятности провала, требовала бы его вывоза из СССР, ведь он еще пригодится ЦРУ там, на территории США, в дальнейшем.

Где взять такого агента, да еще принимая во внимание фактор времени, отведенный председателем для подготовки операции?

И я пришел к сумасшедшему, на первый взгляд, выводу — что только сотрудник КГБ, контрразведчик, работающий на американской линии, владеющий информацией по посольской резидентуре ЦРУ и по контрмерам КГБ против американцев, знающий обо всех разоблачениях американских агентов и провалах акций технической разведки, может отвечать тем требованиям, которые соответствовали бы желаниям Лэнгли.

При этом я исходил из того, что здесь, в Москве, необходимо лишь засветиться перед американцами и снабдить их информацией, и без того им известной по их работе в Москве, но подтверждающей широкие разведывательные возможности потенциального агентурного источника.

Следовало убедить их, что совершенно секретные и действительно важные для ЦРУ сведения, в частности о том, кто из кадровых сотрудников ЦРУ где и когда был завербован КГБ («крот» в Лэнгли), будут им переданы после организации ЦРУ конспиративного вывоза оперативного сотрудника КГБ из страны, и только на территорию США.

Эта позиция должна быть основной в нашей линии поведения и жестко мотивироваться интересами собственной безопасности оперативного работника, боязнью разоблачения со стороны коллег из

КГБ в случае, если американцы пресекут деятельность «крота» в своих рядах, а в КГБ в ответ начнется поиск предателя у себя.

Идея была сформулирована, но дело, как говорится, оставалось за малым — надо было определиться, кто из состава первого отделения способен сыграть эту сложнейшую роль, для которой необходимы хорошее знание английского языка, находчивость, мужество и артистизм?

Мой выбор пал на моего подчиненного Александра Жомова, вдумчивого, исполнительного, находчивого, в меру артистичного, талантливого и преданного нашему делу оперработника, который, на мой взгляд, мог сыграть роль инициативника перед американцами (называю подлинное имя, так как его фамилия уже озвучена и американцами, и фигурировала в российской прессе).

Готовясь к разговору с Жомовым, я вдруг вспомнил эпизод из начала моей работы в контрразведке. Мой первый начальник отделения полковник Юрий Белов однажды зашел ко мне в кабинет и спросил: «Валентин, и что ты сидишь с таким унылым видом, о чем думаешь?»

Я ответил, что пытаюсь осмыслить поручение, которое он мне дал, но пока ничего не получается, не нашел пути для его решения. На что Белов мне посоветовал, вернее, дал указание, чтобы я не просиживал штаны, а резко сменил обстановку — пошел бы куда-нибудь, к примеру в парк или туда, где лучше думается, и не возвращался на работу до тех пор, пока решение не будет найдено. Это был для меня совет, что называется, на все времена.

Поэтому с Жомовым я решил провести первоначальный разговор не в своем рабочем кабинете, а в неформальной обстановке. Пригласил его после окончания рабочего дня в популярный в то время бар пресс-центра МИД СССР на Зубовском бульваре.

Вот как достаточно правдиво описывает ту памятную для меня с Жомовым встречу Милтон Бирден в своей книге «Главный противник. ЦРУ против КГБ»:

«Москва, 22 декабря 1986 года, 19.40

Официантка принесла двум мужчинам, сидевшим за столиком в углу, еще два высоких стакана с джином и забрала четыре пустых...

Александр Жомов и его шеф Валентин Клименко сидели за невысоким столом в баре пресс-клуба Министерства иностранных дел, расположенного недалеко от Старого Арбата. Уже около часа они

пили импортный английский джинс и курили сигареты "Мальборо", когда Клименко преподнес своему подчиненному сюрприз:

— Саша, у меня есть для тебя задание.

Жомов выжидательно смотрел на своего шефа... Оба были специалистами по США во Втором главном управлении КГБ, и оба знали об американцах больше, чем кто-либо в советской контрразведке.

Валентин Клименко был заместителем Рэма Красильникова, а Александр Жомов непосредственно руководил теми, кто двадцать четыре часа в день и семь дней в неделю наблюдал за американцами.

Подчиненные Жомова по вечерам "укладывали своих подопечных в постель", а утром "будили" их. Иногда, в зависимости от конкретных обстоятельств, они могли наблюдать за ними даже во время сна.

— У тебя есть один месяц, — продолжал Клименко, — чтобы разработать что-то совершенно особенное для наших ребят из американских спецслужб. Один месяц. Да, что-то такое, что позволит нам глубоко проникнуть к ним, даст возможность увидеть то, чего мы никогда до сих пор не видели, что-то такое, что позволит понять, чем они тут занимаются и, может быть, как они вывозят отсюда своих агентов.

Жомов молчал, прикидывая, что имел в виду Клименко. Большую часть последних десяти лет Александр Жомов занимался слежкой за американцами. Попутно выучил английский язык настолько хорошо, что мог свободно говорить на нем.

Он никогда не встречался ни с одним из своих объектов лично, но был уверен, что хорошо их знает. Внимательно слушал их разговоры, когда они считали, что находятся в своих квартирах одни. Знал, когда и как часто они любили своих, а иногда и чужих жен. Знал, какие у них проблемы на работе в Москве или дома, какие они получали звонки по прямой линии Вашингтон — Москва.

Жомов и его люди знали почти все, что им надо было знать об американцах, за исключением того, что они сделают в следующий момент. И теперь Клименко просил его придумать что-то для ответа и на этот вопрос.

— Сколько людей будет работать над этим? — спросил Жомов.

— Только ты, — ответил Клименко. При этом он поднял вверх один палец, но выражение его лица, что-то вроде полуулыбки, не

изменилось. — Ты будешь один.

— Рэм Сергеевич? — вопрос Жомова был ясен. Знает ли об этом их шеф Красильников?

— Не стоит обсуждать это с Рэмом Сергеевичем, не надо его беспокоить.

По ответу Клименко Жомов не понял, был ли Красильников еще в игре или уже вне ее. Клименко помог ему понять ситуацию:

— Ты будешь докладывать мне, а я председателю.

— Значит, так: ты, я и Виктор Михайлович?

— Именно так, Саша. Ты, я и председатель Чебриков.

Клименко, наконец, улыбнулся...»

Бирден, естественно, не присутствовал в тот вечер в пресс-центре МИД СССР, но его профессиональный опыт и воображение позволили ему достаточно достоверно описать в своей книге суть памятной для нас с Жомовым встречи, за исключением некоторых нюансов.

В ходе того разговора мы действительно не касались никаких деталей предстоящей комбинации, а лишь обсудили, сможет ли Жомов сыграть эту роль, и я получил его предварительное согласие на участие в мероприятии.

При этом я неоднократно подчеркивал, что наш разговор носит предварительный характер и происходит здесь, в пресс-центре, а не на Лубянке, так как о нем никто из коллег не должен ни знать, ни даже догадываться. Что кроме его, меня, Красильникова, начальника Второго главного управления и председателя КГБ СССР никто не будет посвящен в суть дела.

Мы также обсудили, насколько вероятно то, что наше предложение будет поддержано Красильниковым и руководством КГБ СССР, и пришли к выводу, что это вряд ли произойдет. В новейшей истории контрразведки еще не было такого прецедента, чтобы в оперативной игре под видом инициативника использовался действующий сотрудник КГБ СССР.

Но, к нашему глубочайшему изумлению, сначала Красильников, а затем начальник ВГУ КГБ СССР Иван Алексеевич Маркелов и председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков эту идею поддержали и поручили нам готовить мероприятие.

Мы с Жомовым ликовали от осознания доверия со стороны руководства КГБ к нам и от предвкушения грядущих интереснейших

событий.

Предстояло отработать алгоритм наших действий: с чего начать, время и место действия, информационное обеспечение, последовательность наших шагов и т. д.

И мы пришли к следующим выводам — подход под видом инициативника необходимо осуществлять только к самому высокопоставленному разведчику резидентуры, то есть лично к резиденту, и в таком месте, где не будет свидетелей, и в первую очередь из числа сотрудников КГБ. Информация, которая будет передана резиденту, должна объективно и длительное время подтверждаться.

Операция началась в мае 1988 года.

Зная, что резидент ЦРУ в Москве Джек Даунинг, работавший под прикрытием должности первого секретаря политического отдела, то и дело совершает вместе с женой поездки на поезде из Москвы в Хельсинки для сопровождения диппочты или из Москвы в Ленинград для посещения Генконсульства США (для контактов с опергруппой ЦРУ) и, по сведениям наружного наблюдения, по ночам выходит покурить в тамбур, мы приняли решение использовать эти обстоятельства для прямого выхода сразу на резидента. В одну из таких поездок в июне 1988 года Жомов вручил Даунингу наше послание, в котором представился сотрудником Второго главного управления КГБ под именем Эдвин и предложил свои услуги американской разведке, но на определенных условиях.

Мы сообщили американцам, что Эдвин лично ведет разработку самого Даунинга, и в подтверждение передали оперативную фотографию Даунинга и его жены, сделанную службой наружного наблюдения несколько лет назад, еще во время первой командировки Даунинга в Москву, когда он работал под прикрытием должности гражданского помощника атташе по вопросам обороны.

Сообщили, что Эдвин знает организационные подробности работы по всей посольской резидентуре ЦРУ, и вручили американцу список московской резидентуры ЦРУ с указанием занимаемых американцами должностей и мест их проживания.

Эдвин выразил готовность передать американцам действительно секретные и совершенно секретные сведения о деятельности КГБ против ЦРУ США: о проникновении КГБ в центральный аппарат

Лэнгли, вербовках сотрудников ЦРУ и дипломатов Госдепартамента США, о спецтехнике, установленной в американском посольстве.

Но главным в нашем послании была четко выраженная жесткая позиция Эдвина — в интересах собственной безопасности Эдвина столь важные для американцев сведения он обещал дать только на территории Соединенных Штатов и только после того, как они организуют его тайный выезд из СССР.

В обращении к ЦРУ было предложено, в случае их согласия, продолжить аналогичные контакты в поездах Москва — Хельсинки или Москва — Ленинград исходя из того, что Эдвин, в силу занимаемого положения, всегда заранее знает, есть ли за Даунингом наружное наблюдение или нет, и осведомлен о предстоящих выездах Даунинга из Москвы.

Даунингу был также передан список московских ресторанов, которые ему рекомендовано посещать по пятницам и около которых рекомендовано оставлять свою автомашину в качестве почтового ящика незапертой. В нее Эдвин будет подкладывать свои сообщения, а Даунинг в потайном месте своего портфеля оставит записки и вопросы для Эдвина.

Готовя информационный блок для американцев, мы исходили из того, что они объективно заинтересованы в приобретении такого ценнейшего и осведомленного в столь важных для них вопросах источника, как представитель контрразведки, сотрудник первого отдела ВГУ, и вряд ли откажутся от его приобретения.

Так оно и произошло — ЦРУ приняло наше предложение и условия связи и присвоило Эдвину, как позже стало известно, псевдоним Пролог.

Оперативная игра «Фантом» началась.

Через автомашину Даунинга и эпизодически в поездах «Красная стрела» Москва — Ленинград приблизительно раз в месяц был налажен информационный обмен с ЦРУ, в который с нашей стороны включались специально подготовленные для этого сведения.

На одном из начальных этапов контакта Эдвин вручил американцам сфабрикованный нами документ — план организации контрразведкой серии подстав агентуры московской резидентуры ЦРУ.

Это был исполненный мною от руки черными паркеровскими чернилами на нескольких листах — с отпечатками моих пальцев и

подписанный моими реальными установочными данными, с указанием должности и звания, — псевдочерновик плана проведения подстав и оперативных игр против ЦРУ, рассчитанный на несколько месяцев вперед. Листы мы намеренно порвали пополам.

Эдвин пояснил американцам, что после того как напечатал полученный от меня черновик плана, при мне этот черновик порвал пополам и должен был уничтожить его, но не сделал этого и оставил рукописный вариант для последующего информирования американцев.

Планом предусматривались активные мероприятия против ЦРУ с подводем к американцам большого количества инициативников (ежемесячно) из Москвы и других регионов страны, указывались сроки и ситуации, как и когда это будет сделано и какая информация будет передаваться.

Снабдив этим планом американцев, мы исходили из желания, во-первых, максимально и объективно подтвердить разведывательные возможности Эдвина и, во-вторых, скомпрометировать перед американцами инициативный шпионаж как таковой, показав, что все инициативники — это дело рук КГБ.

Мы также преследовали цели загрузить резидентуру ЦРУ работой в рамках этого плана, проверкой ими надежности новых потенциальных источников и операциями по связи с ними. Запутать ЦРУ, заставить сомневаться, если среди инициативников в будущем вдруг действительно появится настоящий.

В течение всех последующих месяцев этот план, подтверждавший оперативные возможности Эдвина, неукоснительно выполнялся нами, а американские разведчики крутились как белки, под нашим контролем проводя операции по агентурным контактам с легендированными нами источниками.

Вот что пишет бывший начальник советского отдела ЦРУ Милтон Бирден в своей книге «Главный противник. ЦРУ против КГБ» об этом этапе операции «Фантом»:

«...Вскоре работа с подставами стала основным занятием московской резидентуры ЦРУ, и Даунинг начал понимать, что у работников его резидентуры слишком много времени и сил уходило на работу с агентами, о которых ЦРУ было известно, что они являются фальшивками...»

Но ЦРУ было вынуждено продолжать работу по этим делам, чтобы не ставить под удар Пролога. Теперь, по крайней мере, Москва была занята делом, работа с подставами вывела разведчиков ЦРУ на улицы...

Летом 1987 года разведчики ЦРУ в Москве так часто отказывались от проведения операций, подозревая наличие за собой слежки, что советский отдел уже просто не верил в возможность проведения в Москве каких-либо операций помимо Пролога.

Они начинали видеть призраков, и им не помогала даже самая современная техника, предназначенная для выявления слежки».

В подтверждение разведывательных возможностей Эдвина мы также передали американцам по их просьбе сведения о разоблаченных агентах ЦРУ из числа российских граждан и их дальнейшей судьбе.

Помимо этого, вручили им копии хвалебной справки на самого Джека Даунинга, которого КГБ «высоко оценивало как профессионала», а также на его предшественника резидента ЦРУ Мурата Натирбоффа. Характеристики на Мурата резко отличались в негативную сторону по сравнению с Даунингом.

На всех этапах операции «Фантом» информация, передававшаяся американцам, относилась только к нашему ведомству или касалась исключительно самой посольской резидентуры ЦРУ. Она предварительно оценивалась на экспертном уровне относительно возможности нанесения нам ущерба и в обязательном порядке утверждалась руководством КГБ СССР.

На одном из этапов операции «Фантом» по каким-то, я уже не помню каким, техническим причинам связь прервалась, но наше руководство заняло выжидательную позицию — время шло, ничего не происходило. Ни мы, ни ЦРУ не предпринимали шагов для восстановления прерванного контакта.

Мы с Жомовым с позицией длительного выжидания не были согласны и считали возможным сделать самим новый первый шаг.

Исходили из того, что связь для продолжения операции нужна прежде всего нам. Так как цель Эдвина уехать из СССР, то именно он должен этой цели добиваться всеми имеющимися в его распоряжении способами. Но Красильников был против.

И вот однажды, после продолжительной паузы, не ставя в известность Красильникова, который занял твердую выжидательную

позицию, мы с Жомовым пошли на риск, придумав неординарный вариант, как вызвать американцев на встречу.

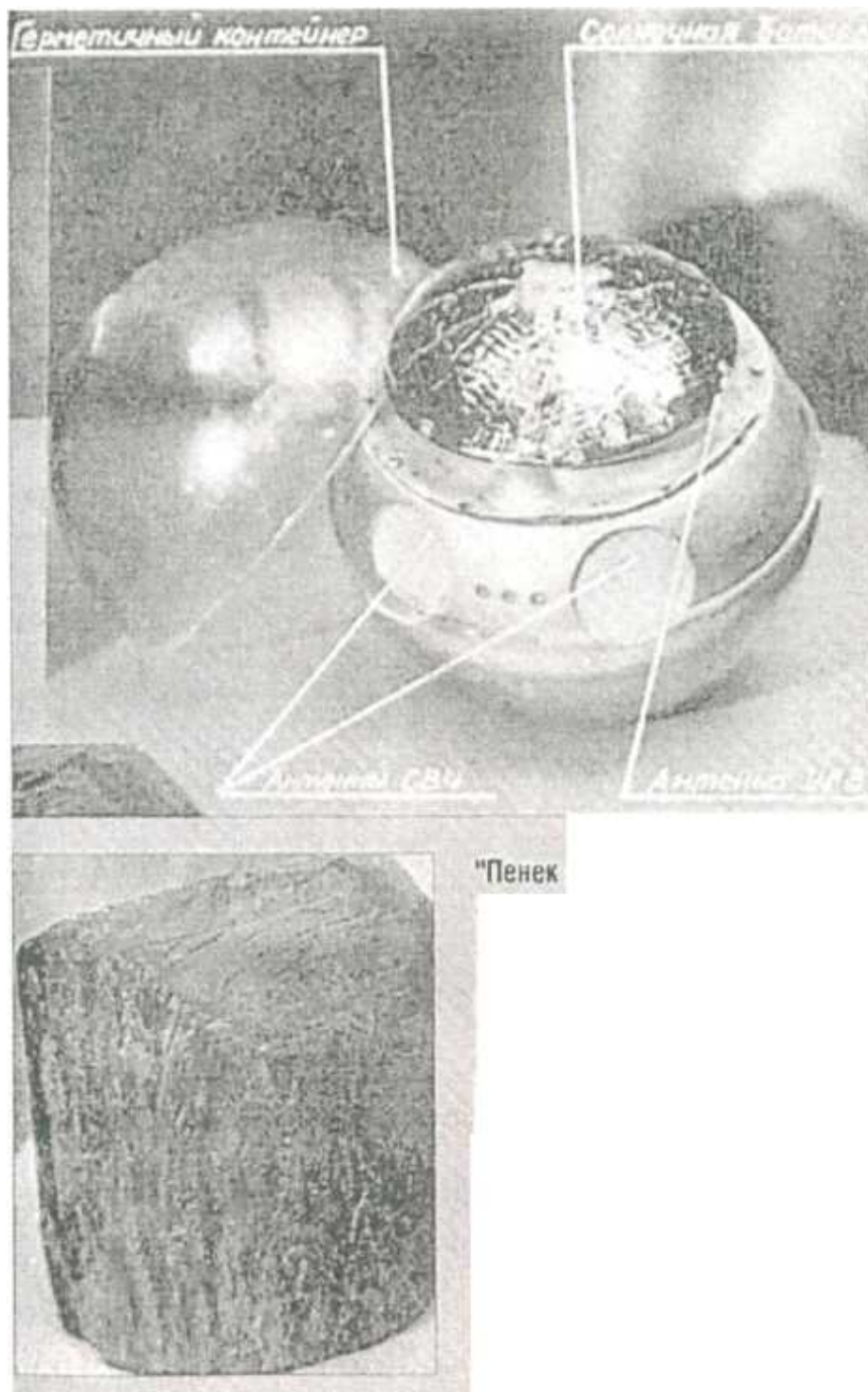
Резидент ЦРУ проживал в пятом корпусе дома № 7/4 на Кутузовском проспекте. Прилегающая территория и сам дом круглосуточно охранялись, и доступ советских граждан без приглашений туда был закрыт.

Но мы, как сотрудники КГБ, имевшие право не ставить никого в известность, посетили этот дом и на дверь квартиры американца прикрепили самоклеящуюся бумажку с текстом, непонятным для кого-либо из посторонних лиц: «ТЛБ-БРВ».

Первая часть, четыре буквы, означает известное в США сокращение ТЛБ — «Слава Богу, это пятница», а БРВ — Санкт-Петербург.

Таким образом мы пригласили резидента ЦРУ на очередную встречу в ближайшую пятницу в поезде «Красная стрела».

И эта встреча состоялась — связь мы восстановили. Красильников был очень доволен, что его выдержка привела к положительному результату, а мы с Жомовым молча ликовали по поводу того, что разумная инициатива не всегда наказуема, когда приводит к желаемому результату.

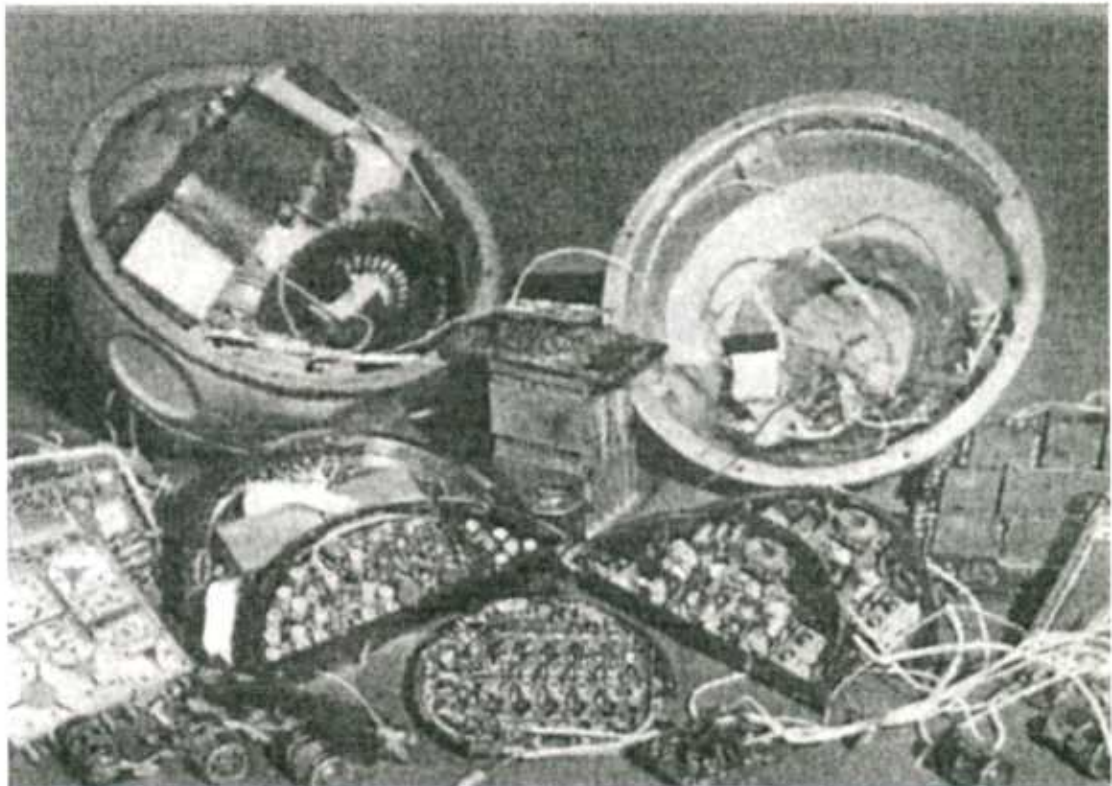
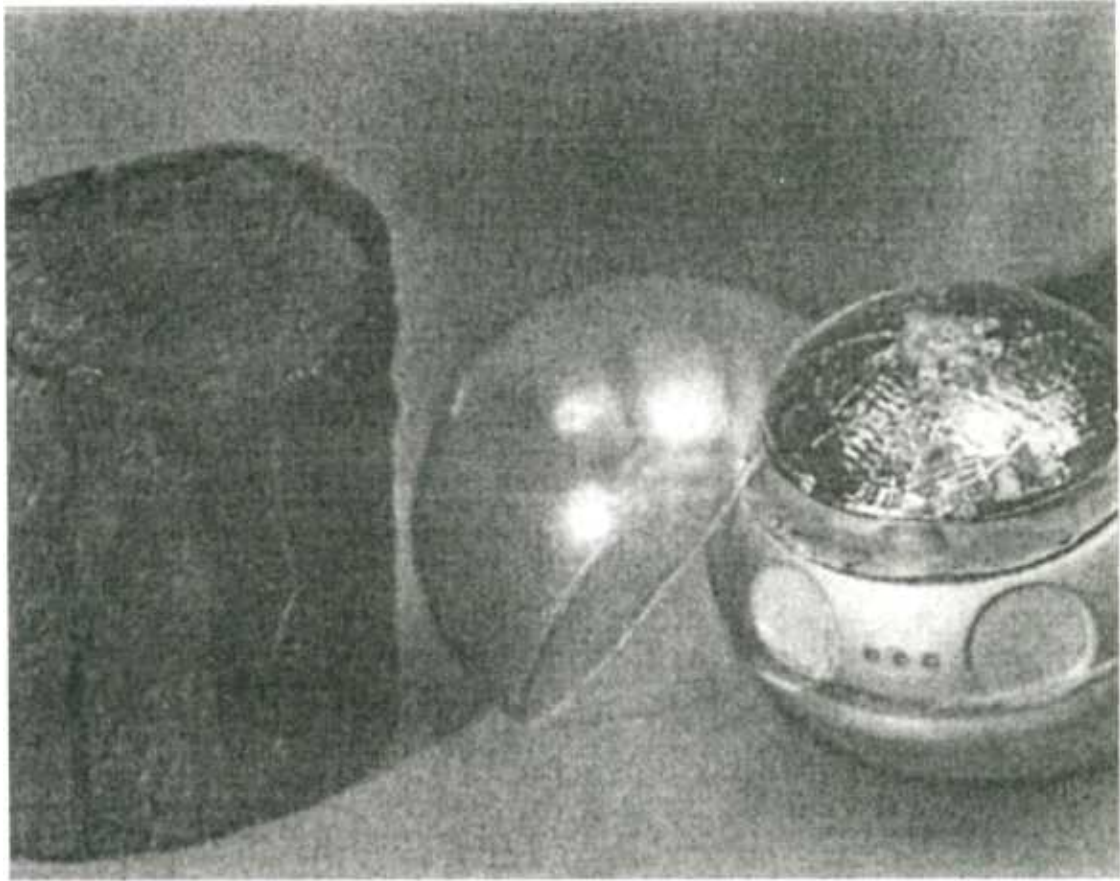
"Пенек с начинкой".

Специальное радиоэлектронное устройство, закамуфлированное под пень дерева. Установлено сотрудниками резидентуры ЦРУ Веттерби и Корбином в районе Можайска.

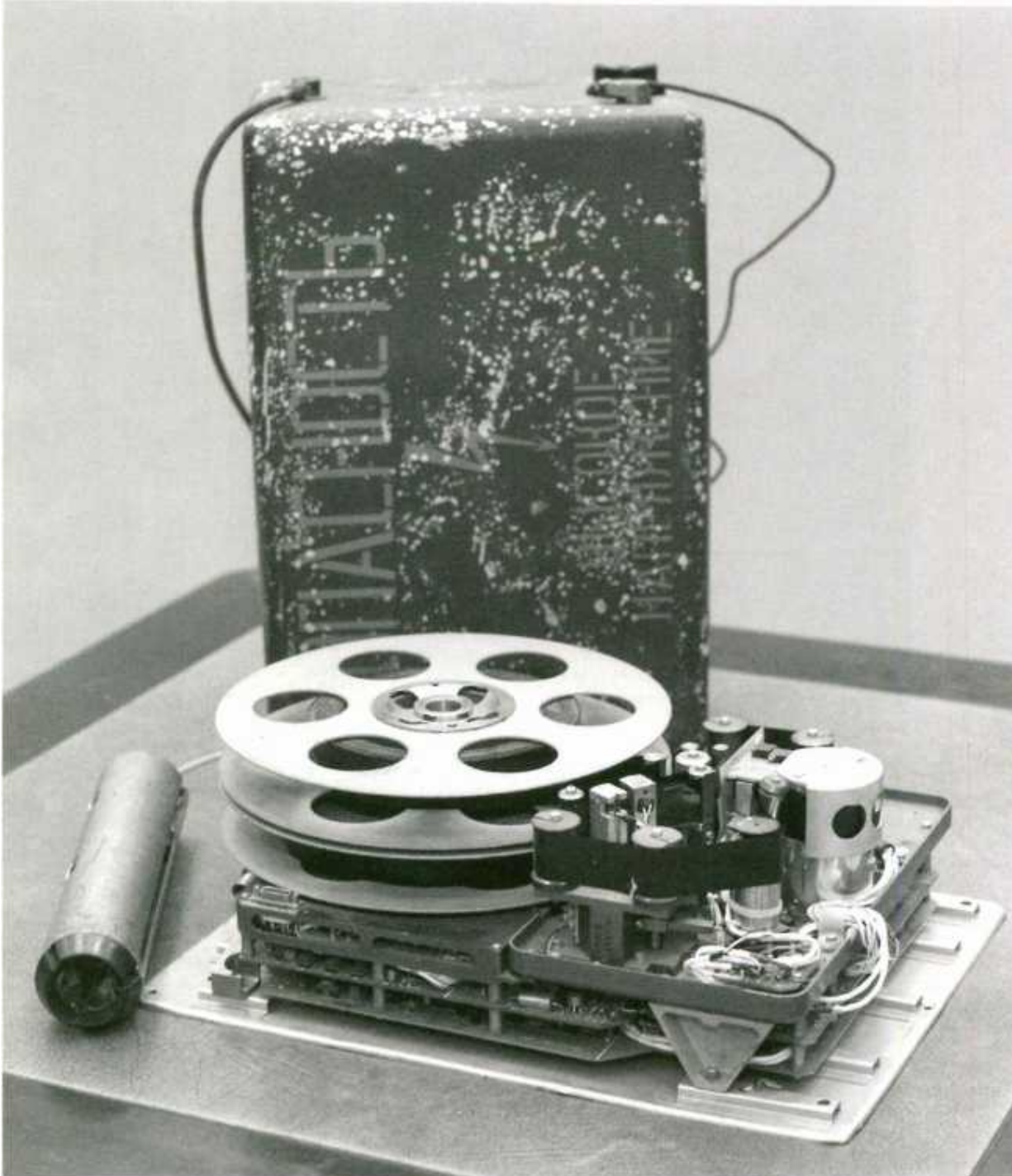
АУТР (автоматическое устройство технической разведки), запрятанное американскими специальными службами вовнутрь контейнера, изготовленного из пластика в виде соснового пенька

Один из двух американских «сосновых пеньков» со встроенным в него сложным комплексом специальной разведывательной аппаратуры, предназначенной для съема параметров советских ракетных комплексов, ретрансляции этой информации на ИСЗ (искусственный спутник Земли) с последующим сбросом этих сведений в разведцентр на территорию США

«Сосновый пенек» в разобранном виде. Два подобных пенька были установлены в 1973 году сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ Корбином и Веттерби, находившимися в Москве под дипломатическим прикрытием, в лесном массиве в районе расположения одной из войсковых частей у деревни Бородино в Подмосковье

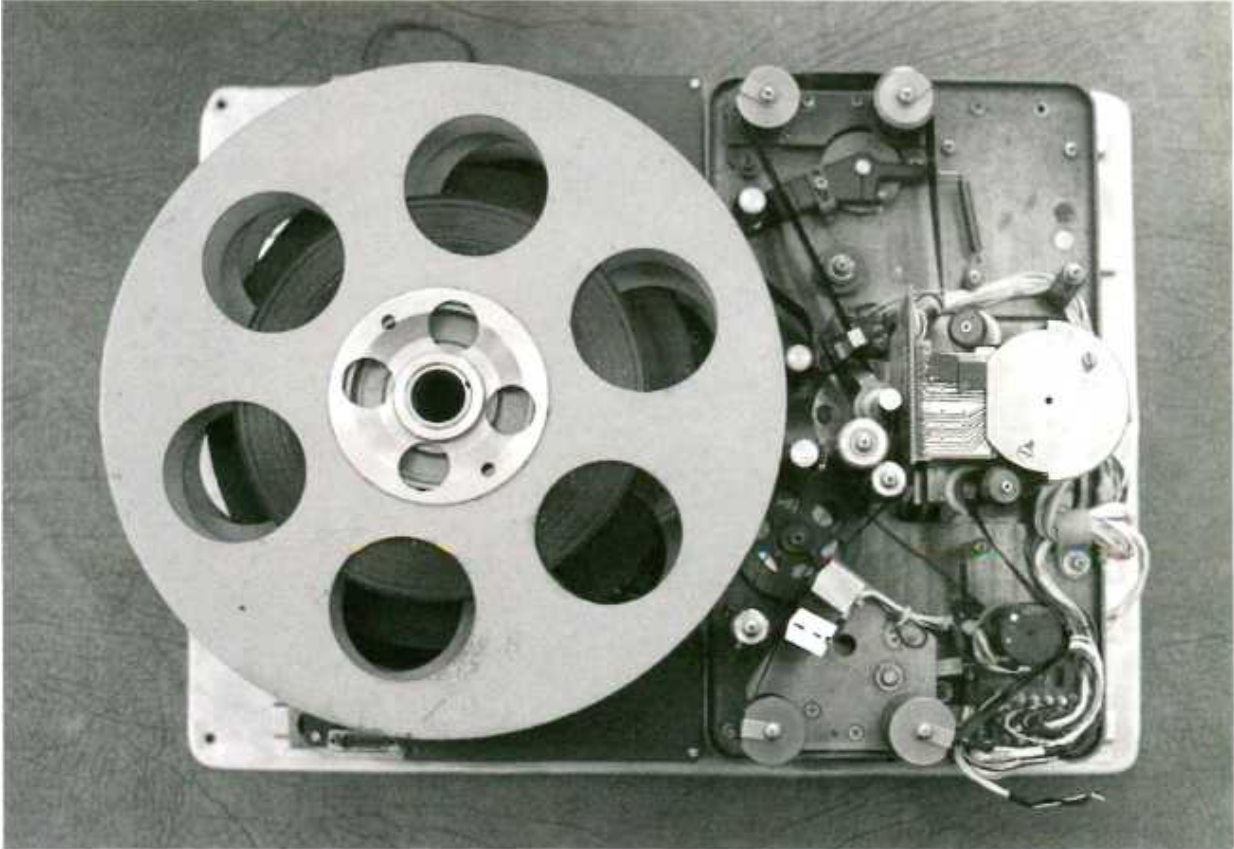

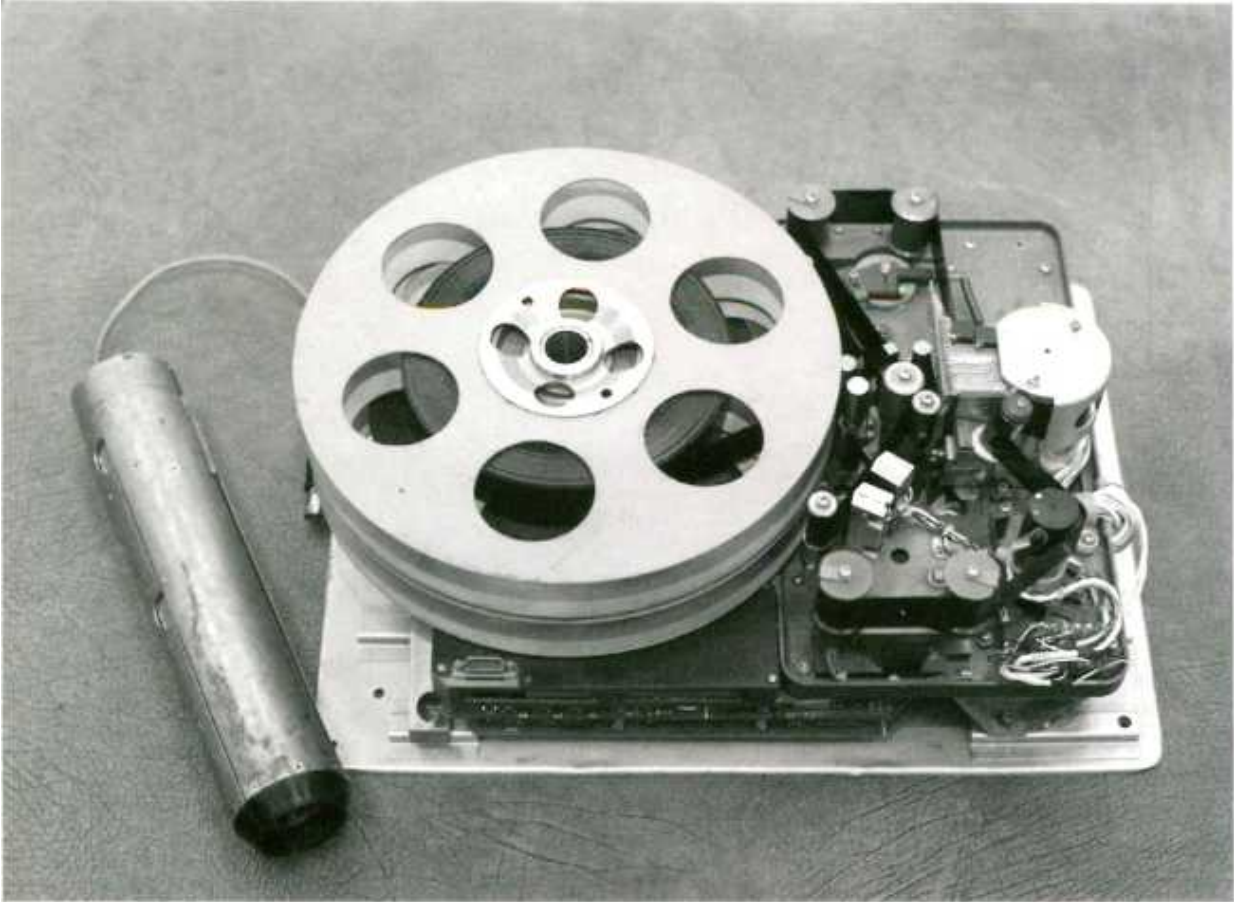
Внешний вид автоматического электронного устройства, закопанного в землю сотрудником посольской резидентуры ЦРУ рядом с коммуникационным колодез в зеленой полосе на обочине Калужского шоссе. АУТР было предназначено для перехвата секретной информации с кабельной линии связи, соединявшей Министерство обороны СССР с режимным объектом в городе Троицке в Московской области

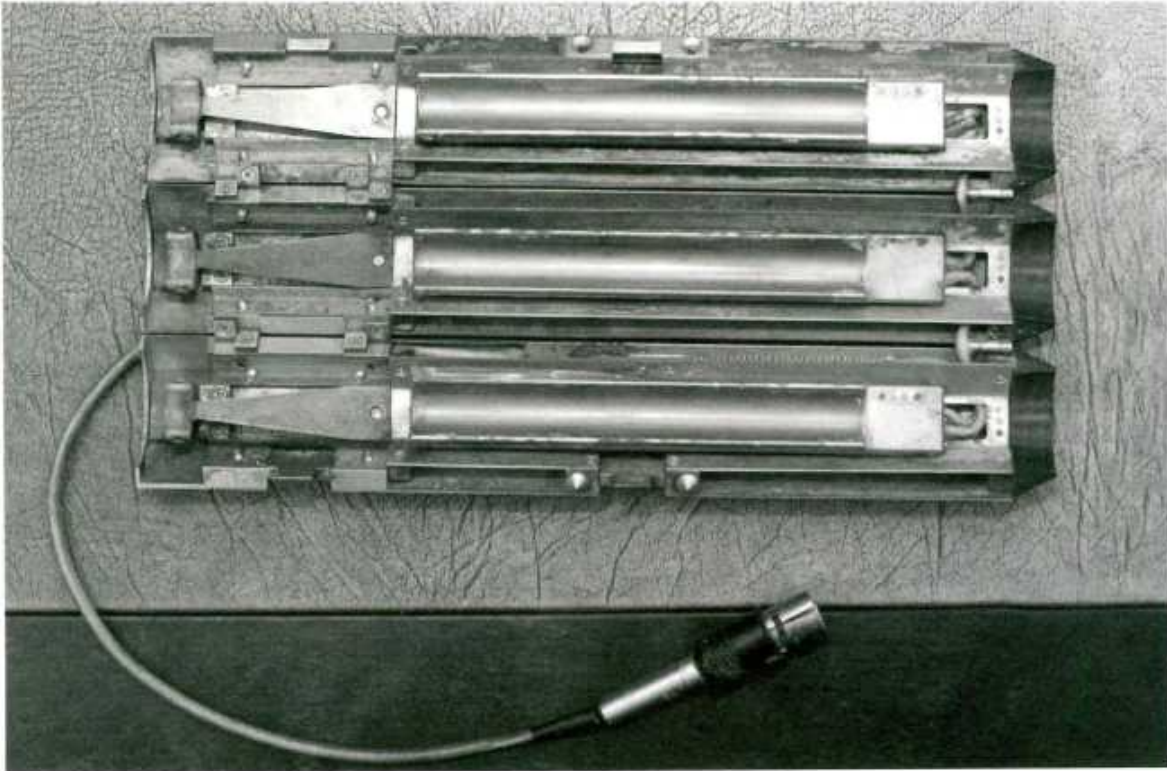
Защитный металлический короб с надписью «Опасность. Высокое напряжение!», в котором размещалась шпионская аппаратура. Закапывался в землю. Соединительный кабель от него через подкоп спускался в колодез и подсоединялся с помощью муфты к кабелю связи

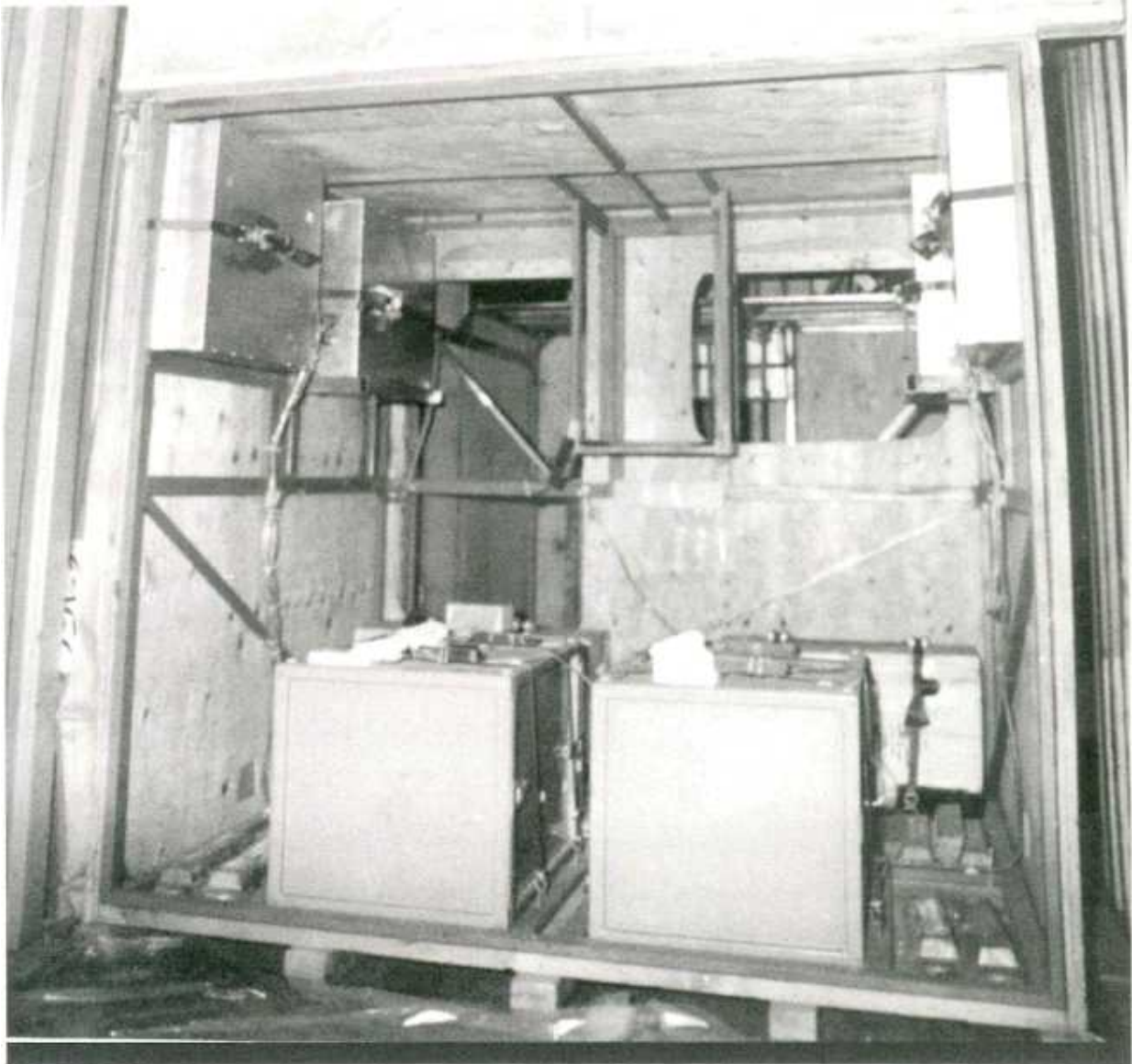
Электронный блок управления с записывающим устройством и кассетами для фиксации и накопления информации

Электронный блок с подсоединенной муфтой, надевавшейся на кабельную линию связи Министерства обороны СССР

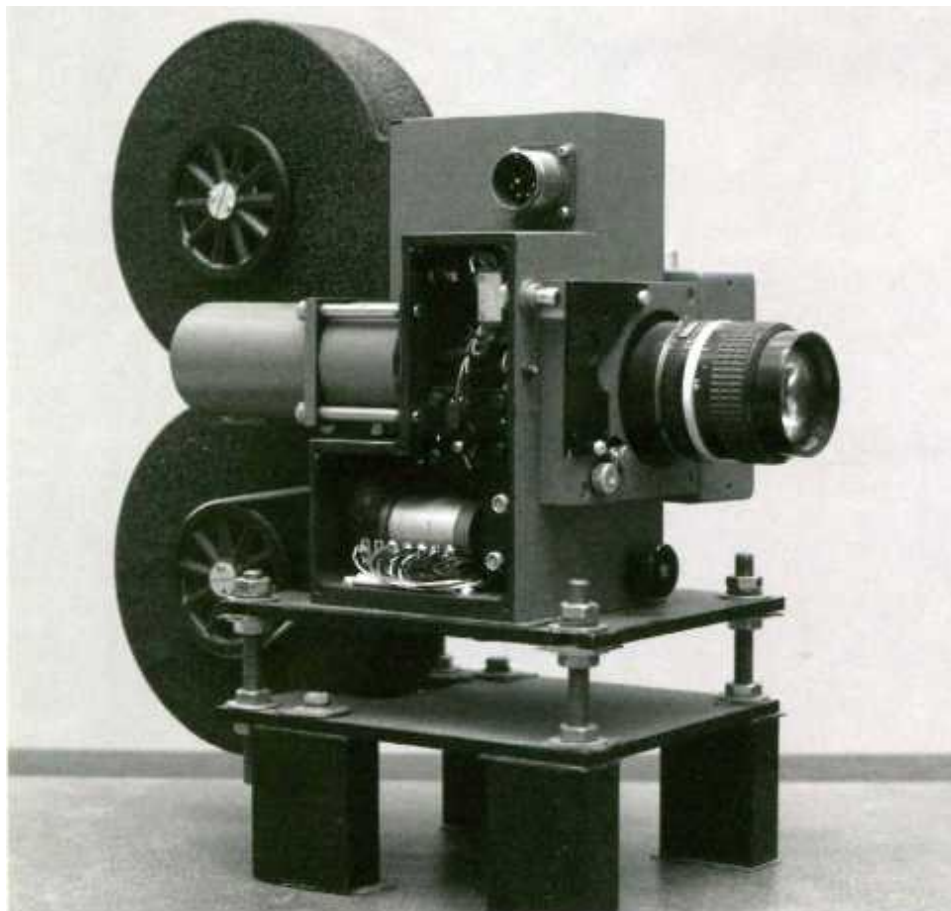

Муфта в развернутом виде

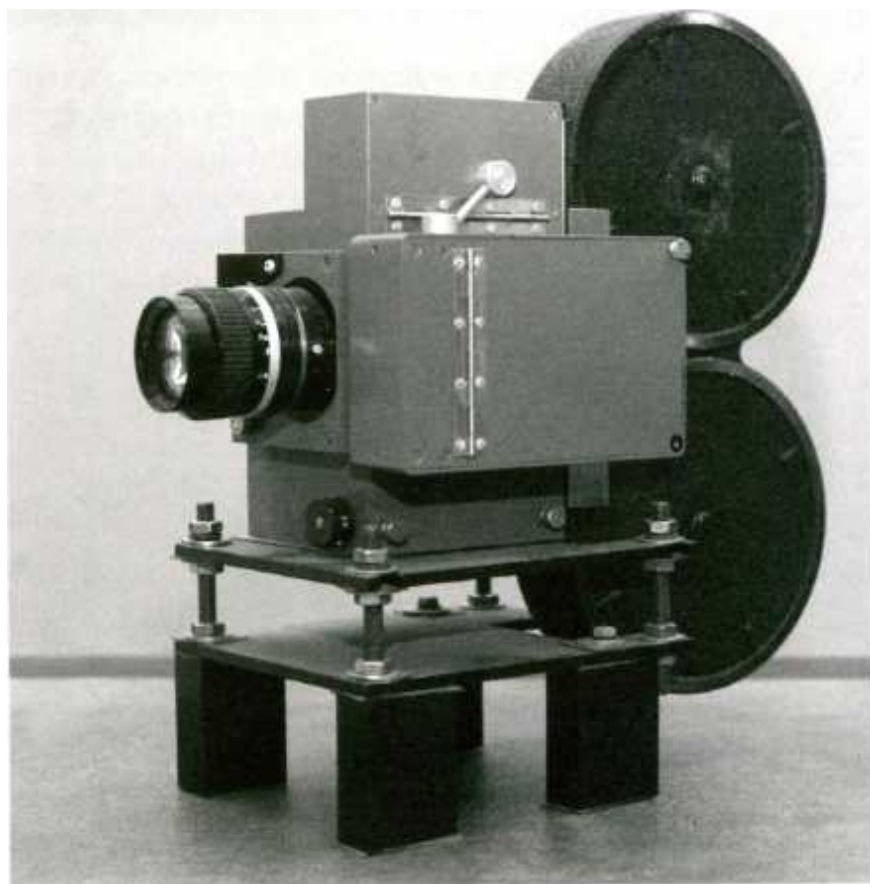

Внешний вид электронного шпионского комплекса (прикрытого с внешней стороны керамическими горшками), запрятанного американцами в типовой железнодорожный контейнер и направленного ими в 1986 году из Японии через порт Находка по Транссибирской магистрали в Гамбург, Германия.

Работает в автоматическом режиме, регистрируя нейтронное излучение и осуществляя панорамное фотографирование по маршруту движения. Управляется ЭВМ.

Аппаратура разведывательного комплекса, предназначавшаяся для фиксации ядерных и иных объектов по пути следования поезда

Американцы со всей тщательностью и серьезностью относились к работе с Прологом. Последовательно сменявшие друг друга с 1988 по 1991 год резиденты ЦРУ в Москве Джек Даунинг, Майкл Клайн и Майкл Сулик проводили моментальные личные встречи с Прологом в поездах Москва — Ленинград или Москва — Хельсинки.

Они использовали свои автомашины в качестве почтовых ящиков, оставляя их у кафе и ресторанов с незапертыми дверями. В эти автомашины под видом конспиративного обыска проникал Пролог для информационного тайного обмена с ЦРУ.

Дополнительно по линии Франкфуртского радицентра ЦРУ Эдвину направлялись зашифрованные сообщения, на подставной почтовый адрес в Москве ему посылались письма с тайнописью.

Несмотря на то что работа американцев с Прологом в Москве шла успешно, ЦРУ, тщательно проверяя и анализируя получаемые материалы, все еще не решалось организовывать Эдвину побег в США, дополнительно не опросив Пролога на личной встрече.

6 августа 1989 года такая конспиративная встреча в сквере на улице Усачева в Москве состоялась — около двух часов сотрудник посольской резидентуры ЦРУ Гарри Монтроул практически допрашивал Эдвина по заранее заготовленному списку вопросов, записывая беседу на диктофон.

На этой же встрече Монтроул попросил Пролога при следующем контакте с ЦРУ передать фотографии для оформления американцами поддельного документа для выезда из страны.

Александр Жомов в ходе личной встречи с Монтроулом проявил свои лучшие оперативные и артистические качества, прекрасно справившись со сложнейшей задачей убедить американцев в искренности своих намерений уехать из страны и только на территории США снабдить их исключительно ценной информацией. Ему окончательно поверили.

После личной встречи с Монтроулом, а это стало поворотным моментом в операции «Фантом», был дан старт подготовке Пролога к выезду из СССР.

Конспиративные контакты разведчиков московской резидентуры ЦРУ с Прологом продолжались до лета 1990 года. В ходе этих встреч осуществлялся обмен информацией, уточнялись детали операции по нелегальному вывозу Пролога из Советского Союза.

8 июня 1990 года на очередной встрече в поезде Москва — Ленинград резидент ЦРУ Майкл Клайн передал Прологу подробный план его эвакуации за границу на пароме через Таллинн в Финляндию под видом американского туриста.

Операция по эвакуации Пролога из СССР началась.

К операции привлекли специально подобранного американцами сотрудника ЦРУ Роджи Фредерика, имевшего большое внешнее сходство с Эдвином.

Фредерик въехал в Советский Союз с документами на имя гражданина США Гринмонта, но в его паспорт была вклеена фотография Александра Жомова.

Фредерик отдал эти документы в московскую резидентуру ЦРУ для передачи Прологу, что американцами и было сделано. А сам вскоре вылетел из страны в США по собственному американскому паспорту.

В результате срочной проверки стало известно, что в середине восьмидесятых годов Роджи Фредерик, к тому времени известный КГБ

как сотрудник ЦРУ, уже приезжал в Ленинград в краткосрочную служебную командировку, и делал он это по документам тоже на имя Гринмонта.

В 1990 году имя Гринмонт уже было скомпрометировано и во второй раз засвечено перед контрразведкой как имя, используемое ЦРУ в своих тайных операциях.

А в ЦРУ этому факту, очевидно, не придали должного значения. Мы же использовали эту промашку американцев для отказа от осуществления плана бегства Пролога из страны.

Паром «Эстония» прибыл в Хельсинки точно по расписанию, но Пролога на нем не оказалось. Ожидания американцев не оправдались, и они поняли, что тщательно подготовленная в Лэнгли операция сорвана.

В своей книге «Новые крестоносцы. ЦРУ и перестройка» Рэм Красильников так описывает этот эпизод:

«В один из дней летнего месяца 1990 года по набережной Хельсинки, ведущей к морскому порту, медленно прохаживались двое мужчин. Явно ждали кого-то, тихо переговариваясь и поглядывая в сторону порта, откуда должны появиться пассажиры прибывающих судов. А ждали они прибытия парома из Таллинна, который доставит в Хельсинки важного для них человека.

Еще в Москве определены условия связи с ним на набережной столицы Финляндии — пароль и опознавательный знак, они переданы ему московской резидентурой ЦРУ, которая могла гордиться серьезным оперативным успехом.

С условиями контакта в Хельсинки хорошо знакомы те двое, что напряженно ожидали прибытия парома. Один из них — сам руководитель посольской резидентуры ЦРУ в Хельсинки, второй — ответственный сотрудник отдела Центральной Евразии Оперативного директората Лэнгли. До недавнего времени отдел этот именовался советским и был главным действующим подразделением разведки в столице СССР — основным исполнителем агентурных операций, проводимых здесь ЦРУ.

Возможно, впрочем, вторым был бывший резидент ЦРУ в Москве Джек Даунинг — он занимал важный пост в Лэнгли и мог пожелать лично встретить в Хельсинки агента, с которым его связала судьба. Готовил инструкции по связи для того, кого ждали и кого сейчас предстояло встретить в хельсинкском порту.

Двое американцев с волнением ждали человека, получившего в Лэнгли оперативный псевдоним Пролог. Офицер советской контрразведки, работник американского отдела Второго главного управления КГБ, он наблюдал за всеми подразделениями разведывательного сообщества, упрятыми под крышу дипломатического представительства США в Москве, в том числе и посольской резидентурой ЦРУ.

Понятно, какую лакомую добычу представлял Пролог и почему его ждали с таким волнением и надеждой. Вывоз агента Пролога в США завершит тщательно, детально спланированный в Лэнгли этап наступления на спецслужбы Советского Союза в восьмидесятых годах — часть генерального плана крестового похода. Эта стадия операции принесет плоды после двухлетней кропотливой работы Лэнгли и московской резидентуры: находясь на территории СССР, Пролог опасался раскрывать американцам известные ему секреты.

Двое американцев размеренным шагом, скрывая охватившее их нетерпение, прогуливались по набережной, изредка поглядывая на часы: минут двадцать до прихода парома и чуть больше — до счастливого момента встречи с Прологом. Наконец прошли и эти томительные минуты: пассажирский паром “Эстония” продолжительным гудком объявил о своем прибытии в порт.

В город из порта потянулись пассажиры парома: тут и свои, и те, кого ждали на берегу родственники и друзья, путешественники-иностранцы, которых с не меньшим рвением встречали представители туристских фирм и местных деловых кругов, всегда довольных обилием клиентов. В людском потоке агента Пролога не оказалось.

Американцы подождали еще полчаса, пока схлынула основная масса прибывших и для полной уверенности, что агент на этом пароме не приехал. Потом быстрым шагом подошли к ожидавшей их автомашине и вернулись в посольство, недоумевая и досадуя — что-то произошло. Через час послали в Лэнгли телеграмму о не-состоявшейся встрече».

Выдержав достаточно продолжительную паузу, ЦРУ в надежде прояснить ситуацию вновь направило резидента Майкла Клайна с женой в очередную поездку в Ленинград.

14 июля 1990 года Пролог в тамбуре поезда совершил моментальную передачу, незаметно вручив Джил, жене Клайна, свое послание.

Пролог сообщил обескураженным американцам, что неожиданно для него самого план сорвался, так как Роджи Фредерик был известен КГБ еще со времени предыдущего посещения Ленинграда под фамилией Гринмонт.

Фредерика и на этот раз взяли под плотное наружное наблюдение, а ЦРУ подставило жизнь Пролога под удар, направив в качестве двойника известного КГБ американского разведчика, ранее приезжавшего в СССР по документам этого Гринмонта.

Первоначально срыв операции по нелегальному вывозу Пролога вызвал нервную реакцию американцев. Они потребовали вернуть все документы, предназначенные для перехода границы, но мы сообщили, что документы во избежание провала были Прологом уничтожены.

Затем уже американцы нас ввергли в замешательство, назвав в радиোগрамме из Франкфурта-на-Майне Пролога по имени — Александр Жомов.

Для нас это был шок. Откуда такая осведомленность? Где произошла утечка? Неужели в наших собственных рядах есть предатель, и что же делать дальше?

С учетом засекреченности всей операции «Фантом», чрезвычайно узкого круга лиц, привлеченных к ее проведению и дополнительного анализа всех обстоятельств по данному делу, мы сделали вывод о непричастности участников операции к утечке сведений о личности Пролога.

Признали целесообразным продолжить дальнейшую проверку, но никак не реагировать на телеграмму американцев и уверенно проводить свою линию поведения.

После длительной собственной проверки всех обстоятельств срыва отъезда Пролога из СССР и наших пояснений по этому поводу американцы, очевидно, поверив в легенду Эдвина, все-таки подтвердили свою заинтересованность в продолжении работы с ним.

В феврале 1991 года ЦРУ направило Прологу тайнописное письмо, в котором выразило готовность к дальнейшему сотрудничеству с предложением провести очередную личную встречу в Москве для обсуждения новых вариантов нелегального выезда из страны.

Но обстановка в стране резко изменилась. Наступили всем известные события августа и последующей осени 1991 года — ГКЧП, развал и начатые Бакатиным расчленение и ликвидация целых подразделений КГБ СССР.

Осенью 1991 года новый резидент ЦРУ в Москве Дэвид Рольф попытался восстановить контакт с Прологом, но безуспешно. Связь Пролога с американцами прервалась окончательно. Эдвин бесследно исчез.

Американцы посчитали, что Пролог для них потерян навсегда. Более того, они приписали провал Пролога предательству арестованного ими сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, которого обвинили в сдаче Москве многих агентов ЦРУ из числа граждан СССР, десять из которых якобы были расстреляны. Среди них, по мнению американцев, был и Пролог.

Из той же книги Красильникова:

«В Оперативном директорате, не менее разочарованные, не теряли надежды: быть может, агент даст знать о себе в Москве. Но шли дни, а Пролог не объявлялся — исчез бесследно.

Тогда в Лэнгли решили, что случилось худшее: ценнейший агент, на которого так рассчитывали, попал в руки советской контрразведки. Поток телеграмм из Лэнгли в московскую резидентуру и обратно, посвященных этой теме, постепенно иссяк. Происходили печальные для Лэнгли события, казалось, подтверждавшие самые мрачные предположения.

Спустя некоторое время появилась книга “Признание шпиона” американского журналиста Пита Эрли, которому в ЦРУ поведали о своих подозрениях и страхах. А еще раньше вышли книги американских публицистов Джеймса Адамса (“Продажа за полную цену”), Питера Мааса (“Шпион-убийца”), Дэвида Уайза (“Сомнамбула”) и других об Олдриче Эймсе, написанные при поддержке ЦРУ.

В числе агентов ЦРУ — граждан нашей страны, разоблаченных советской контрразведкой, по информации связанного с органами КГБ сотрудника Лэнгли, значился и Пролог, загубленный кротом КГБ.

Пролог стал одной из жертв коварной советской контрразведки, не дававшей ЦРУ развернуться и совсем уж триумфально завершить крестовый поход против Москвы».

Когда американцы проявили осведомленность об истинных установочных данных Пролога, они повергли нас в шок, но и мы не остались в долгу.

В девяностые годы мне, занимавшему в то время последовательно должности заместителя начальника Управления контрразведывательных операций ФСБ России, а затем начальника этого управления, руководством ведомства начиная с 1991 года были поручены официальные контакты с представителями ЦРУ в Москве.

И каково же было изумление американцев, когда во второй половине девяностых годов я вывел на официальный контакт с ними Александра Жомова, моего преемника по американской линии, того самого Эдвина, считавшегося погибшим в «застенках КГБ».

Так завершилась оперативная игра «Фантом».

В ходе этой оперативной комбинации нами был вскрыт механизм вывоза американцами своей агентуры из нашей страны, добыты подлинники документов, изготовленных в нарушение законов США Госдепартаментом по заказу ЦРУ.

Мы задокументировали агентурную деятельность нескольких резидентов и разведчиков ЦРУ в Москве, принимавших участие в агентурных акциях по связи с Прологом, а также многих разведчиков московской резидентуры ЦРУ, гонявшихся за придуманными нами инициативниками в соответствии с планом, переданным Эдвином в резидентуру.

Александр Жомов за выполнение поручения руководства КГБ, за личное участие в организации и проведении операции «Фантом», был награжден орденом Красного Знамени, мне вручили орден Трудового Красного Знамени. В то время это были самые высокие награды страны после ордена Ленина.

На момент написания этой книги Александр Васильевич Жомов в звании генерал-полковника занимает в контрразведке ФСБ России такую же должность, которую занимал я в период с 1987 по 2000 год.

А что касается вопроса, откуда американцам в 1990 году стала известна подлинная фамилия Пролога, то через много лет уже при официальных контактах с сотрудниками ЦРУ, участниками той операции, мы в частных беседах узнали, что фотографии Пролога, переданные в Москве для изготовления Эдвину американского паспорта, в Вашингтоне были предъявлены для опознания бывшему

сотруднику Второго главного управления КГБ СССР Сергею Папушину, эмигрировавшему в США.

Папушин какое-то время работал в Москве в контрразведке, был лично, но не по работе знаком с Эдвином. Затем его уволили, в девяностые он выехал для проживания в США, а там при опросе в ФБР и демонстрации ему фотографии назвал американцам подлинное имя Пролога.

От ЦРУ также стало известно, что через некоторое время после тех событий Папушин скончался в номере одной из гостиниц, перебрав алкоголя.

О нашей операции и Прологе в своей книге «Главный противник» о противостоянии КГБ и ЦРУ в восьмидесятые годы прошлого столетия написал и бывший начальник советского отдела ЦРУ Милтон Бирден.

Во время непродолжительной встречи, состоявшейся в 2002 году в Тель-Авиве, где я работал в то время официальным представителем ФСБ России и где меня разыскал Бирден, американец рассказал, что они в штаб-квартире ЦРУ до самого конца искренне верили Прологу и сожалели о его воображаемой ими гибели.

По словам Бирдена, в ЦРУ даже представить себе не могли, что КГБ может пойти на такой беспрецедентный шаг, как подстава собственного оперативного работника, офицера КГБ, иностранной разведке.

Бирден очень уважительно и высоко отозвался о российской контрразведке и подчеркнул, что комбинация с Прологом — это яркая, неординарная операция, и была проведена она блестяще, на очень высоком профессиональном уровне.

* * *

На телевизионные экраны страны в 2014 году вышел восьмисерийный художественный фильм «С чего начинается Родина».

Я узнал, что во время моего пребывания в заграничной командировке в Израиле, приблизительно двенадцать лет назад, киногруппу Артема Боровика частично допустили к архивным материалам (операция «Фантом», дела Полякова и Гордиевского, морского пехотинца Лонтри) для создания фильма.

По словам Жомова, сценарист Александр Бородянский в то время встречался с ним и консультировался.

Готовый сценарий Жомов прочитал, однако не одобрил его, так как, во-первых, ситуация с Поляковым была полностью искажена и этот генерал-майор ГРУ, изменник Родины, в сценарии выглядел чуть ли не положительным героем и, во-вторых, хотя канву операции «Фантом» более-менее выдержали в реалистическом плане, но главных героев и их личную жизнь выставили в извращенном свете.

Тогда сценарий был положен на полку.

Однако годы спустя к сценарию проявил интерес другой кинорежиссер — Рауф Кубаев, добавив в сюжет ситуацию со Сноуденом.

Со слов Жомова, он эту, обновленную, редакцию сценария даже и читать не стал. В итоге фильм в обход ФСБ все же был отснят и выпущен на экран.

Главные герои картины — начальник американского отдела Карпенко (читай Клименко) и его подчиненный Громов (читай Жомов), основные действующие лица операции «Фантом», не вызывают зрительских симпатий, и прежде всего благодаря их личным качествам.

Карпенко — беспринципный сотрудник, способный разрушить семью подчиненного оперативного работника ради достижения, как ему кажется, положительного служебного результата или довести до самоубийства девушку, выполнявшую его указания. В личном плане он также не вызывает симпатии, ко всему прочему он неряха и пьяница.

Громов — холодный, расчетливый, безынициативный подчиненный Карпенко, не умеющий наладить собственную семейную жизнь, не имевший желаний, но тем не менее безропотно согласившийся на продолжение операции «Фантом» за пределами СССР и навсегда покинувший страну.

Персонажи в фильме — Карпенко и Громов совершенно далеки от своих прообразов, не так выглядят, не так разговаривают, не так общаются между собой, у них другие характеры и манера поведения, иные нравственные ценности.

Безусловно, автор сценария имеет право на свое видение, но если в основе фильма лежат реальные события и реальные люди, то правильнее было бы более объективно изобразить действительность на экране.

Кроме того, как известно, КГБ и ЦРУ были и остаются непримиримыми соперниками. Но если ЦРУ в фильме показано как ведомство, успешно решавшее свои задачи, то КГБ в целом обрисован в негативном свете.

В фильме советские разведка и контрразведка не могут договориться между собой, между ними скрытая вражда и соперничество, желание подставить друг друга или переложить ответственность на чужие плечи.

Если у сценаристов была цель вызвать отрицательное отношение к профессионалам из КГБ, то они, на мой взгляд, этой цели достигли. И это вместо того, чтобы создать на экране положительную и творческую атмосферу той обстановки, которая была в американском отделе в то время.

Часть четвертая
Что было дальше

Глава тринадцатая

Некоторые итоги восьмидесятых

Суммируя итоги непосредственного участия первого отделения первого отдела Второго главного управления КГБ СССР в противодействии в восьмидесятые годы деятельности ЦРУ США путем организации контрразведывательных мероприятий по вскрытию противоправной агентурно-оперативной деятельности посольской резидентуры, следует еще раз подчеркнуть, что все мероприятия готовились и проводились под руководством генерал-майора Рэма Сергеевича Красильникова, в той или иной мере к ним подключались его заместители И.А. Батамиров и Л.И. Голубовский.

Безусловно, в этой работе мы не были одиноки. Нам оказывалась серьезная помощь со стороны других подразделений КГБ. Под руководством Красильникова на постоянной основе было организовано взаимодействие по конкретным вопросам с Первым главным управлением КГБ СССР, радиоконтрразведкой, Седьмым управлением. Привлекались группа «Альфа», технические службы, управления центрального аппарата КГБ СССР (военная контрразведка, экономическая безопасность, защита стратегических объектов, объектов транспорта), а также Ленинградское и Московское управления и многие другие территориальные органы безопасности.

В те годы благодаря активной работе контрразведки идентифицировали принадлежность к ЦРУ десятков офицеров американской разведки и закрыли им въезд в СССР, сковали деятельность посольской резидентуры ЦРУ в Москве.

С помощью многочисленных оперативных игр раскрыли формы и методы работы ЦРУ со своей агентурой из числа советских граждан, определили источники получения американцами информации, провалили действовавшие агентурные и технические операции американцев.

В восьмидесятые годы семерых сотрудников ЦРУ захватили с поличным во время проведения ими в Москве и Ленинграде операций по связи со своими агентурными источниками. Еще шестерых работников ЦРУ выслали из СССР в качестве ответных мер на

аналогичные действия американцев, вскрыли две технические операции АНБ и ЦРУ.

Совместными усилиями с Первым главным управлением, Третьим управлением (военной контрразведкой) и Шестым управлением (экономическая безопасность) были разоблачены более двадцати действовавших агентов ЦРУ из числа советских граждан, перехвачены действия более десяти инициатив-ников, пытавшихся установить преступный контакт с ЦРУ.

За всю новейшую историю нашей страны, СССР и России, контрразведка не добивалась таких ярких результатов в борьбе с американскими спецслужбами и их резидентурами, как в восьмидесятые годы прошлого столетия.

Как явствует из откровений самих бывших руководителей советского отдела ЦРУ, провалы в Москве заставили центральный аппарат ЦРУ провести тщательную ревизию деятельности московской резидентуры, отказаться от многих своих планов по СССР, перенести основную тяжесть агентурной работы против нашей страны на территории третьих государств.

Активная работа советской контрразведки против ЦРУ США на рубеже веков продолжалась. Но наступил 1991 год, ознаменовавшийся ГКЧП, последующим прекращением существования СССР, практически развалом системы органов государственной безопасности и обвинением руководителя КГБ в противоправной деятельности.

Как известно, Михаил Горбачев за год до августовского путча отправил в отставку своих единомышленников по перестройке — Шеварднадзе и Яковлева и, наоборот, приблизил к себе председателя КГБ Крючкова. И я никогда не поверю в то, что Владимир Александрович Крючков возглавил заговор, целью которого было смещение Горбачева.

КГБ СССР, как нас учили, всегда был вооруженным отрядом партии, а председатель КГБ — политической фигурой в нашем обществе, неукоснительно подчинявшейся и выполнявшей все директивы КПСС, поручения ЦК и Политбюро ЦК КПСС.

Председатели КГБ СССР Андропов (1967–1982), Чебриков (1982–1988) и Крючков (1989–1991) были для нас, офицеров контрразведки, небожителями.

В повседневной жизни мы, молодые контрразведчики, с ними никогда не сталкивались. Изредка видели их только на сцене в клубе им. Дзержинского на всесоюзных совещаниях КГБ СССР или на партийных конференциях, а «непосредственное знакомство» с ними происходило лишь путем ознакомления с основополагающими приказами по ведомству, подписанными ими.

Они были членами ЦК КПСС, избирались в Верховный Совет СССР, были политическими фигурами всесоюзного масштаба, входили в руководство страны. Ездили на доклад лично к Брежневу, затем Черненко и Горбачеву и докладывали им некоторые из подготовленных, в том числе и нами, документов.

Когда эти документы возвращались к нам с визой генерального секретаря, мы с гордостью показывали подпись руководителей страны тем, кто принимал участие в подготовке этих записок в ЦК КПСС.

Сам факт доклада наших документов первому лицу государства расценивался нами практически как награда за проделанный труд.

И Крючков был лично подчинен генеральному секретарю ЦК КПСС, то есть Горбачеву, докладывал ему по всем самым острым вопросам и действовал исключительно в соответствии с его указаниями.

С Чебриковым у меня было одно-единственное и очень кратковременное общение после задержания агента ЦРУ из числа сотрудников советской разведки Полещука, когда мы его доставили сразу же после захвата в здание на Лубянку для личного допроса председателем.

Крючков же был первым руководителем нашего ведомства, с которым мне все же посчастливилось познакомиться.

Вместе с Красильниковым я дважды присутствовал у Крюčkова в кабинете во время доклада ему о деятельности ЦРУ в СССР, и в дополнение к отчету начальника первого отдела ВГУ я давал пояснения по некоторым конкретным разведчикам и о проведенных ими операциях.

Мы демонстрировали председателю оперативные видеозаписи встреч сотрудников ЦРУ со своими агентами, закладок и изъятия ими тайников, проведение операций на канале радиосвязи.

Крючков проявил большую заинтересованность в предоставленном ему материале, профессионально комментировал

наши сообщения, остался доволен работой ВГУ на американском направлении, просил передать контрразведчикам высокую оценку за их находчивость и умелые действия.

Через некоторое время мне вновь удалось пообщаться с Крючковым, когда вопрос работы по американцам был вынесен на заседание коллегии КГБ СССР, на котором с основным докладом выступил Красильников, а мне поручили содоклад и пояснения по предметам шпионского снаряжения сотрудников ЦРУ.

Владимир Александрович Крючков был не только политической фигурой в советском обществе, твердо стоявшей на позициях КПСС, но и профессионалом, досконально разбиравшимся в тонкостях оперативной работы разведки и контрразведки.

Достаточно сказать, что большая часть операции «Фантом» проходила уже в то время, когда Крючков был председателем КГБ СССР.

В первом отделе ВГУ многие годы под руководством Красильникова трудился полковник Алексей Егоров, очень талантливый, способный и эрудированный оперативный сотрудник.

Он возглавлял третье отделение первого отдела ВГУ, очень хорошо разбирался во внешнеполитических и внутригосударственных проблемах и на высоком уровне готовил докладные записки в ЦК КПСС по советско-американским отношениям.

На него справедливо обратило внимание руководство КГБ, и его пригласили перейти на работу из первого отдела ВГУ в аппарат первого заместителя председателя КГБ СССР Виктора Грушко в качестве его помощника.

Я вспоминаю весну и лето 1991 года, когда Егоров изредка стал появляться в отделе с загадочным видом, как будто ему была доверена какая-то важная государственная тайна.

Однажды на мой вопрос, почему он такой загадочный и в то же время постоянно находится в приподнятом настроении, Егоров ответил, сделав таинственный вид, приблизительно следующее.

Бардак в стране Горбачеву и всем остальным там, наверху, уже окончательно надоел, и скоро будут перемены, к которым он, Егоров, имеет непосредственное отношение. Дескать, он и еще ряд товарищей выполняют прямое указание генерального секретаря, данное Крючкову,

по подготовке очень важных документов и мероприятий, и со временем мы все узнаем.

Егоров многозначительно поднял указательный палец, этим жестом давая понять, что именно высшее лицо государства (как уточнил Егоров: «Он сам») поручило КГБ навести порядок в стране.

Как впоследствии стало известно, Егоров действительно входил в группу, которая готовила документы для ГКЧП, и у меня нет ни малейшего сомнения в искренности его слов о том, что все делалось по прямому указанию Горбачева, который в последний момент отказался от своего собственного замысла и кинул тех, кому сам и давал указания.

После ареста председателя КГБ Владимира Александровича Крючкова наше ведомство с августа 1991 по январь 1992 года возглавлял Вадим Бакатин.

Спустя годы Бакатин открыто заявлял, что его на эту должность назначил Горбачев с целью, согласованной с Ельциным, разрушить КГБ и всю систему государственной безопасности. Развал страны привел и к развалу единой системы органов КГБ.

КГБ СССР расчленили, выделив из его состава КГБ Российской Федерации, а по мере выхода союзных республик из состава СССР республиканские органы безопасности превращались в самостоятельные структуры, подчиненные не союзному КГБ, а руководителям новых государственных образований на территории нашей Родины.

Из центрального аппарата КГБ вышло и пустилось в самостоятельное плавание Первое главное управление (внешняя разведка) — она стала самостоятельным ведомством, Восьмое и Шестнадцатое управления образовали Комитет правительственной связи (позднее ФАПСИ), Девятое управление стало Управлением (затем Службой) охраны Президента, Пятнадцатое управление преобразовалось в Главное управление специальных программ.

Из подчинения КГБ были также выведены войска спецназа и пограничные войска.

Таким образом, задачи, поставленные Горбачевым и Ельциным перед Бакатиным по уничтожению КГБ как единой структуры, были выполнены к декабрю 1991 года. В соответствии с законом «О реорганизации органов государственной безопасности» КГБ СССР был упразднен и вместо него создали: Межреспубликанскую службу

безопасности (МСБ), Центральную службу разведки и Комитет по охране государственной границы.

Бакатина, как руководителя МСБ, профессиональные вопросы деятельности КГБ мало интересовали. Он, со слов очевидцев, сталкивавшихся с ним, был груб и безапелляционен с подчиненными, любезен с западными дипломатами и новоявленными российскими демократами.

Внутри самого КГБ начались чехарда и сплошные сокращения, в том числе и финансирования, пошли процессы расформирования и преобразований.

Руководящий и оперативный составы управлений КГБ выводились за штаты — освобождались от занимаемых должностей и вновь назначались на должности, но не все, а только после персонального их утверждения на заседаниях каких-то комиссий, в работе которых принимали участие депутаты из числа так называемых демократов и правозащитники, которые свободно разгуливали по зданию КГБ, что в предшествующие годы даже представить себе было невозможно.

Ставленник Бакатина из числа новоиспеченных демократов Евгений Севастьянов, назначенный в сентябре 1991 года начальником московского управления КГБ, предлагал вообще отказаться от методов агентурной работы, всех видов прослушивания и наружного наблюдения.

На Бакатине лежит ответственность и за уход из КГБ многих ветеранов-профессионалов, и за развал агентурной сети КГБ.

Но больше всего Бакатин прославился своим щедрым подарком американцам — передачей им схемы установки спец-техники в новом здании посольства США в Москве в Большом Девятинском переулке.

Американцы многие годы с нетерпением ждали переезда части посольства США в новый комплекс, который начал строиться в Москве еще в 1979 году. Но переселение затянулось на долгие годы из-за обвинений со стороны Администрации, Госдепартамента и спецслужб США в адрес КГБ СССР в установке в посольстве аппаратуры прослушивания и поднятой на этой волне в СМИ и на межгосударственном уровне антисоветской пропагандистской кампании.

Спецслужбами США были организованы всеобъемлющие дорогостоящие поисковые работы в новом здании с использованием

новейших технических средств (томографов), но специалисты ничего не смогли обнаружить, разобраться с волновавшей их проблемой проникновения КГБ в посольство.

По дипломатическим каналам и по линии спецслужб вопрос внедрения спецтехники в новое здание посольства США в Москве неоднократно поднимался американцами, но им официально заявлялось, что в новом здании, после того как там начались поисковые мероприятия, все работы нами были прекращены, что соответствовало действительности, и что им ничего не угрожает.

И на этом фоне Бакатин преподнес американцам бесценный подарок — передал изумленному такой щедростью послу США в Москве Роберту Страуссу семьдесят листов эскизов мест установки прослушивающих устройств в посольстве США.

Я помню, каким расстроенным накануне того события вернулся от Бакатина Красильников, рассказавший, что тот категорически отказался провести официальные двусторонние переговоры с американской стороной по поводу спецтехники в здании посольства США в Москве.

Бакатин, по словам Красильникова, заявил, что в переговорах нет необходимости, так как у него имеется формальная санкция Горбачева на передачу этих документов американцам, а также устное разрешение, полученное по телефону от Ельцина.

Горбачев с Ельциным в своем желании понравиться американцам не остались в стороне от предательства своих спецслужб, пошли на поводу у Бакатина, санкционировали в нарушение закона передачу американцам сведений, составлявших государственную тайну.

Свое фактическое предательство Бакатин аргументировал ссылкой на заключение технических специалистов, не согласованное ни с разведкой, ни с контрразведкой, о том, что аппаратура в здании посольства США в Москве уже не работоспособна, якобы не секретна, устарела, выведена из строя и обнаружена американцами.

Тем самым он в одностороннем порядке, даже не рассекретив переданные американцам документы, пошел на беспрецедентный в истории взаимоотношений иностранных спецслужб шаг, грубо нарушив незыблемый принцип взаимности.

Бакатин рассчитывал на то, что американцы в ответ отдадут нам информацию о многочисленных прослушивающих устройствах, к тому времени уже внедренных ими в квартиры и офисные учреждения

советских дипломатов в Вашингтоне, но этого не произошло и не могло произойти.

Как и следовало ожидать, надежды Бакатина на компромисс с США и на передачу в ответ на его «жест доброй воли» нам в КГБ чертежей ФБР и АНБ, завершивших к тому времени установку и налаживание своей современной системы прослушивания в новом здании посольства СССР в Вашингтоне, полностью провалились.

Я никогда не забуду мою единственную встречу с Бакатиным, состоявшуюся в его день рождения, 6 ноября 1991 года, в здании КГБ на Лубянке.

В тот вечер я находился по окончании рабочего дня в своем кабинете на восьмом этаже и готовил на пишущей машинке какой-то документ, при этом дверь, соединяющая кабинет с коридором, из-за духоты была открыта.

Неожиданно ко мне в комнату вошел Бакатин, кабинет которого был расположен на четвертом этаже, с вопросом, почему у меня открыта дверь и кто я такой. (Перед этим, как выяснилось, Бакатин побывал в кабинете Красильникова.)

Я встал и представился, назвал свою должность — заместитель начальника первого отдела, начальник первого отделения Второго главного управления КГБ СССР.

Следующий вопрос со стороны Бакатина был таким: «Каковы ваши служебные обязанности?»

Я доложил, что всю свою профессиональную жизнь я, как сотрудник, а теперь и руководитель первого отделения, занимался и занимаюсь исключительно посольской резидентурой ЦРУ и разработкой конкретных американских разведчиков, а также разоблачением агентов из числа российских граждан и оперативными играми против ЦРУ. В качестве заместителя начальника первого отдела я уже некоторое время курирую вопросы технического проникновения в здание посольства США в Москве и организую взаимодействие с техническими подразделениями нашего ведомства.

Что тут началось! Бакатин был возмущен и разгорячен (может быть, в связи с тем, что вышел лишь передохнуть и прогуляться между поздравлениями от череды его гостей), но самое «мягкое и приветливое» выражение с его стороны в мой адрес было следующим:

«А кто вам позволил заниматься такой работой против американцев в ведомстве, которое я возглавляю?» Красноречивая иллюстрация его настроения и профессиональной компетенции, не правда ли?!

Наша «беседа», вернее, возбужденный монолог Бакатина прервал один из разыскавших его помощников, доложив, что в здание КГБ поздравить председателя с днем рождения прибыл министр обороны СССР Шапошников.

Напоследок Бакатин резко заявил, что мы еще увидимся и что он вызовет меня для подробного доклада о деятельности контрразведки против посольства США в Москве и американцев, с которыми надлежит строить дружественные отношения, а не провоцировать их на конфликты и конфронтацию.

Он покинул мой кабинет в сопровождении своего помощника, но обещанного им вызова не последовало, и мы больше не встречались.

Очевидно, у Бакатина были более важные дела по развалу органов безопасности под видом реформирования КГБ, чем разборки с конкретными оперативными сотрудниками.

Глава четырнадцатая

«Гаврилов» и что из этого получилось

Восьмидесятые годы прошлого столетия характерны не только острым противостоянием и соперничеством между КГБ и ЦРУ, но и, как бы это ни показалось парадоксальным, контактами между ними, которых не существовало в годы холодной войны.

Безусловно, в то время не могло идти речи о сотрудничестве или партнерских взаимоотношениях советских и американских спецслужб, а лишь о контактах в области сугубо узких сфер, затрагивающих собственные профессиональные интересы КГБ и ЦРУ, таких, как судьбы разоблаченных агентов, подготовка обменов одного агента на другого или поиск без вести пропавших лиц (офицеров разведки) на территориях наших государств.

Первая попытка организовать подобную встречу с санкции руководства КГБ СССР была предпринята первым отделом ВГУ в 1982 году, когда московскую резидентуру ЦРУ возглавил Карл Гебхардт.

Было использовано несколько попыток установить контакт с ним по телефону, но они ни к чему не привели.

Затем один из заместителей Красильникова Леонид Голубовский при возвращении Гебхардта из Хельсинки в Москву на перроне Ленинградского вокзала вступил с ним в разговор, но американец от контакта категорически уклонился.

Скорее всего, Гебхардт строго придерживался инструкций Лэнгли о запрете контактов с работниками КГБ, но, может быть, свою роль сыграли и его чрезмерная осторожность и подозрительность, боязнь провокаций со стороны Лубянки.

Тогда мы приняли решение изложить наше предложение о встрече в письменном виде, а чтобы у Гебхардта не возникло сомнений в авторстве письма, доставить это послание прямо к месту его проживания, что было сделано мною лично.

Письмо в конверте, адресованное в Лэнгли, с предложением КГБ об установлении неофициальных контактов с ЦРУ для обсуждения проблем взаимной заинтересованности я доставил в строго охраняемый жилой дом для иностранцев. Дверь квартиры открыла его дочь, и я

передал письмо ей с просьбой вручить отцу, когда он вернется с работы. На конверте были указаны имя и должность Гебхардта.

Но и эта наша акция успеха не имела.

Прошло еще несколько лет, прежде чем между КГБ и ЦРУ начались в Москве неофициальные контакты, организованные в 1986 году Управлением «К» ПГУ и первым отделом ВГУ КГБ СССР, переговоры, которые с 1989 года стали носить регулярный характер.

Со стороны ЦРУ в них принимали участие последовательно сменявшие друг друга резиденты ЦРУ в Москве Джек Даунинг, Майкл Клайн и Дэвид Рольф (они же в то же самое время участвовали в операции «Фантом»), а со стороны КГБ эти контакты вел начальник первого отдела ВГУ Рэм Красильников.

В ходе встреч в Москве, носивших неофициально-конфиденциальный характер, как бы вырабатывались правила игры, кодекс чести и поведения спецслужб СССР и США.

Между КГБ и ЦРУ велись переговоры о взаимном отказе от провокаций, пыток, похищений людей и убийств, применения ядов, снабжения ядами своих агентов для самоликвидаций, об исключении из практики использования психотропных препаратов.

Обсуждались вопросы обеспечения физической безопасности американских дипломатов и здания посольства США в Москве, взаимные претензии по поводу оборудования строящихся в Москве и Вашингтоне зданий посольств США и СССР спецсредствами для прослушивания и съема информации с линий связи.

На этих встречах также выяснялись судьбы людей, пропавших без вести на территории наших стран, судьбы перебежчиков из числа завербованных ранее агентов.

С самого начала (по договоренности с американцами) было признано целесообразным, в интересах конфиденциальности, обозначить этот контакт как «Гаврилов».

Когда мы звонили в посольство, Красильников или эпизодически я, то представлялись Гавриловым. Когда инициатива звонка исходила от ЦРУ, то американцы, если Красильников отсутствовал, просили дежурного по отделу позвать к телефону Гаврилова или что-то передать ему — таковы были условия связи.

Во время отсутствия в Москве перечисленных резидентов ЦРУ к контактам подключались их заместители, а при отсутствии

Красильникова роль Гаврилова исполнял я.

Помимо достаточно регулярных встреч в Москве, дополнительно в Хельсинки и Берлине проходили переговоры, но уже в расширенном составе, в которых, помимо Красильникова, со стороны КГБ принимал участие начальник первого отдела Управления «К» ПГУ Леонид Никитенко.

Со стороны американцев переговорщиками были начальник советского отдела Оперативного директората ЦРУ Милтон Бирден и руководитель управления контрразведки ЦРУ Гарднер Хэттавей (бывший резидент ЦРУ в Москве), Тэд Прайс, сменивший Хэттавея на его посту, и резидент ЦРУ в Москве Майкл Клайн.

На этих встречах, помимо деликатных вопросов, связанных с деятельностью спецслужб США и СССР, обсуждались и иные проблемы, затрагивающие общечеловеческие ценности и разрешение которых является целью любых спецслужб независимо от того, в дружественных отношениях они находятся или нет.

К этим проблемам относятся борьба с международным терроризмом, нераспространение ядерного оружия, уничтожение химических вооружений, противодействие организованной преступности и незаконной продаже обычных видов вооружений, наркотрафик.

Контакт Гаврилов создал платформу для дальнейших, уже открытых переговорных процессов между американскими и российскими специальными службами по вопросам, представляющим взаимный интерес или касающимся безопасности наших стран. Переговоры начались официально после распада СССР.

В августе 1991 года, еще до ГКЧП, по приглашению КГБ СССР Милтон Бирден, руководитель советского отдела Оперативного директората ЦРУ, и Джек Дивайн, руководитель центра ЦРУ по борьбе с наркотиками, посетили Среднюю Азию, где обсуждали с советской стороной пути сотрудничества в международной борьбе с наркотрафиком.

7—8 августа, когда американцы возвратились из Ташкента в Москву, состоялась моя первая непродолжительная встреча с Милтоном Бирденом в особняке приемов КГБ, где проходили переговоры с американцами.

В те дни, предшествовавшие августовским событиям ГКЧП, советская и американская стороны пытались достичь понимания между КГБ и ЦРУ в таких областях, как противодействие наркоторговле и распространению оружия массового поражения, обеспечение безопасности ядерного, химического и биологического вооружений.

Но события 19 августа 1991 года на время прервали переговорный процесс, суть которого сводилась к определению конкретных сфер взаимодействия между КГБ и ЦРУ. Американцы приостановили сотрудничество до прояснения обстановки в Москве и в ожидании нового руководителя КГБ СССР, которым, как известно, стал Бакатин.

Однако контакты Гаврилова и 19 августа, и в последующие дни и недели не прекращались и были достаточно интенсивными, но исключительно лишь по вопросам безопасности посольства США в Москве, генконсульства США в Ленинграде и их дипломатического персонала.

После ГКЧП продолжались необратимые центробежные процессы распада СССР, усилилась опасность международных вооруженных конфликтов, и на этом фоне всем участникам переговорных процессов стало очевидно, что в новом мире, при новом раскладе политических сил особенно необходимо взаимодействие самых сильных спецслужб в мире, советских и американских, и надо договариваться на официальном уровне.

И такая встреча состоялась. В конце октября 1991 года по приглашению американской стороны в США для проведения переговоров была направлена объединенная делегация во главе с заместителем председателя КГБ — начальником Второго главного управления генерал-майором Федором Алексеевичем Мясниковым.

В составе делегации были представитель ПГУ Леонид Рябченя, английского направления контрразведки Вениамин Каширских, КГБ РСФСР Владимир Зайченко, специалист по борьбе с организованной преступностью Александр Громов и я, в то время заместитель начальника первого отдела В ГУ.

Мы были первыми представителями российских спецслужб, в составе официальной делегации посетивших в Вашингтоне штаб-квартиры ЦРУ и ФБР.

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли мы были приняты Ричардом Керром, исполнявшим в то время обязанности директора ЦРУ, а также

легендарным руководителем Оперативного директората ЦРУ Томасом Тветтэном.

Во встречах с руководителями ЦРУ взаимно было подчеркнуто, что холодная война закончена, мир видоизменился, но противоречия, обусловленные государственными интересами, неизбежно остаются.

При этом констатировали, что разведка и контрразведка всегда находятся на противоположных сторонах игрового поля — они всегда будут работать друг против друга, но формы работы должны носить цивилизованный характер.

В этом же контексте декларировали взаимные пожелания — не выносить на политический уровень конфронтационные вопросы, которые можно было бы разрешить напрямую между ЦРУ и российской контрразведкой, не предавая их гласности через средства массовой информации и внешнеполитические ведомства наших стран.

Общие темы переговоров были обозначены сторонами заранее — это общечеловеческие ценности и общенациональные угрозы, против которых спецслужбы наших стран, несмотря на противоречия между ними и не прекращающееся противостояние, могут и обязаны совместно бороться.

Стороны заявили, что в новых условиях относятся друг к другу как профессионалы с большим уважением, и согласились, что наступила эра прямых переговоров и контактов между противоборствовавшими сторонами, сильнейшими спецслужбами мира, и это в интересах не только российского и американского народов, но и всего человечества.

В переговорах в Лэнгли и на заседаниях в конференц-зале гостиницы, где нас разместили, неоднократно принимали участие Милтон Бирден, Пол Рэдмонд, руководитель контрразведки ЦРУ, а также в то время резидент ЦРУ в Москве Дэвид Рольф.

Пол Рэдмонд отвечал в советском отделе ЦРУ за все тайные операции против Москвы и за работу с перебежчиками в США из числа сотрудников советских спецслужб.

С ЦРУ было достигнуто взаимопонимание о том, что хотя мы и не союзники, но можем иметь партнерские отношения по таким вопросам, как борьба с международным терроризмом и нераспространением ядерных вооружений и наркотических веществ.

Договорились о целесообразности, учитывая взаимные интересы, объединить усилия КГБ и ЦРУ в борьбе за запрещение и уничтожение

химических и бактериологических боеприпасов, предотвращение незаконных поставок обычных вооружений в регионы конфликтных ситуаций.

Стороны пришли к заключению, что контакт Гаврилов свою миссию выполнил и в Москве можно перейти на открытые контакты, в которых со стороны американцев будут принимать участие резидент ЦРУ и его заместитель, а со стороны КГБ — руководитель первого отдела ВГУ и, если это потребуется, его заместитель.

Предполагалось по вышеуказанным вопросам, а также и по иным, представляющим взаимный интерес, наладить информационный обмен, а в случае необходимости и проведение совместных операций.

Было также достигнуто соглашение о периодическом делегационном обмене между КГБ и ЦРУ для обсуждения проблемных вопросов и подведения итогов партнерского взаимодействия. (Во исполнение этого решения уже в феврале 1992 года делегация ЦРУ совместно с представителями РУМО посетила Москву.)

После завершения переговоров в штаб-квартире ЦРУ по приглашению американской контрразведки наша делегация побывала в штаб-квартире ФБР. Встреча в ФБР не была продолжительной. Мы, с нашей стороны, предложили американским контрразведчикам найти точки соприкосновения и организовать партнерское взаимодействие, например, по вопросам борьбы с организованной преступностью.

Ответ американцев был лично для меня обескураживающим — по заявлению высокопоставленных лиц ФБР ни о каком взаимодействии с КГБ не может идти речь до тех пор, пока на территории США не прекратится столь агрессивная и активная деятельность российской разведки, особенно военной (ГРУ).

После такой постановки вопроса дальнейшее пребывание в штаб-квартире ФБР смысла не имело, и на память нам осталась лишь совместная фотография.

Так закончилась официальная часть наших переговоров. На следующий день на самолете ЦРУ мы совершили перелет в Сан-Франциско, где продолжались, но уже в полуофициальном порядке, разговоры по темам основных переговоров. Затем был обратный перелет и возвращение в Москву.

Договорились с американцами, что в средствах массовой информации обеих стран будет опубликовано краткое сообщение о

состоявшихся в США переговорах.

В газете «Известия», № 263 от 4 ноября 1991 года, появилось следующее сообщение:

«Спецслужбы всех стран, объединяйтесь! С 26 октября по 2 ноября в Вашингтоне проходила встреча делегаций представителей советских служб безопасности и разведки, возглавляемой заместителем председателя КГБ СССР Ф. Мясниковым, сообщили нам из Центра общественных связей КГБ СССР.

Советские представители встретились с исполняющим обязанности директора центральной разведки США Ричардом Керром и ответственными сотрудниками ФБР. Во время встречи были намечены сферы будущего сотрудничества между американскими и советскими спецслужбами, такие, как борьба с наркотиками, терроризмом, организованной преступностью, контроль за распространением оружия массового уничтожения.

Состоялся обмен мнениями о возможностях улучшения общей атмосферы отношений между спецслужбами двух стран.

Обе стороны рассматривают визит делегации советских служб безопасности и разведки как успешный. Состоявшиеся переговоры, возможно, положат начало новым отношениям между спецслужбами».

Про такую делегацию, как наша, говорят: «Они были первыми». Я горжусь тем, что вместе с другими стоял у истоков новой эры взаимоотношений между российскими и американскими специальными службами, которые в последующие годы получили развитие.

Глава пятнадцатая

Что было дальше

Если оглянуться назад в недалекое прошлое и поразмышлять о роли руководителей государства и руководителей органов безопасности, то вырисовывается очень даже наглядная картина.

Так, в период с 1966 по 1991 год, в течение двадцати пяти лет, страну возглавляли четыре генеральных секретаря ЦК КПСС — Л. Брежнев, Ю. Андропов, К. Черненко и М. Горбачев.

В тот же период времени сменилось тоже только четыре руководителя органов безопасности Советского Союза.

Юрий Владимирович Андропов возглавлял КГБ пятнадцать лет, с 1967 по 1982 год. Его ненадолго, на шесть месяцев с мая по декабрь 1982 года, сменил Виталий Васильевич Федорчук. Виктор Михайлович Чебриков стоял во главе КГБ с 1982 по 1988 год, а затем КГБ руководил Владимир Александрович Крючков.

Те годы ознаменовались для личного состава контрразведки КГБ СССР возможностью спокойно работать, уверенностью в сегодняшнем и завтрашнем дне, стабильностью обстановки во всех коллективах, неуклонным ростом заработной платы оперативных сотрудников в соответствии с их продвижением по служебной лестнице, передачей оперативного опыта ветеранами молодым сотрудникам и преемственностью поколений в подразделениях.

Обстановка в ведомстве резко изменилась в 1991 году.

После того как страну возглавил Ельцин, после целенаправленной ликвидации в период его президентства КГБ как единой структуры государственной безопасности, в ведомстве начались всевозможные преобразования и переименования: Межреспубликанская служба безопасности СССР (1991 год), Агентство федеральной безопасности РСФСР (1991 год), Министерство безопасности Российской Федерации (1992 год), Федеральная служба контрразведки (1993 год), Федеральная служба безопасности (1995 год).

За восемь лет правления, с 1991 года по 31 декабря 1999 года, Ельцин сменил девять руководителей органов безопасности страны.

С августа 1991 года по январь 1992 года ведомством руководил Вадим Бакагин, с января 1992 года по сентябрь 1993 года — Виктор Баранников, с декабря 1993 года по февраль 1994 года — Николай Голушко, с февраля 1994 года по июнь 1995 года — Сергей Степашин, с июля 1995 года по июнь 1996 года — Михаил Барсуков, с июля 1996 года по июль 1998 года — Николай Ковалев, с июля 1998 года по август 1999 года — Владимир Путин, с августа 1999 года — Николай Патрушев. На посту директора ФСБ РФ Патрушева в мае 2008 года сменил Александр Васильевич Бортников. Но это уже было после ухода Бориса Ельцина с поста президента.

Каждый новый руководитель, как правило, приводил с собой свою команду и пытался сказать новое слово в обеспечении безопасности страны: видоизменить структуру ведомства, сократить оперативный состав, ужесточить кадровую политику, иначе расставить акценты в оперативной деятельности, например определить что главнее — борьба с терроризмом или со шпионажем, хотя и так понятно, что каждое подразделение должно заниматься своим делом и не дублировать функции другого.

Смена Ельциным руководителей ведомства, как правило, влекла за собой и смену руководителей основных его подразделений, в том числе и контрразведки, которая переименовывалась и в Управление контрразведывательных операций, и в Департамент контрразведки, и в Службу контрразведки.

В период президентства Ельцина и кадровой чехарды (а иначе и не назовешь то, что происходило) руководителей органов безопасности России, офицерский состав контрразведки неоднократно выводили за штат их подразделений, и они находились в подвешенном, стрессовом состоянии, не уверенные в сегодняшнем и завтрашнем дне, так как по указанию Администрации президента периодически сокращались численность и финансирование контрразведки, дробились подразделения и видоизменялись их функции.

На фоне чистки подразделений и постоянных кадровых сокращений уходили из органов опытные сотрудники, а молодежь не желала в безденежье и в ситуации отсутствия идеалов идти на службу.

Это привело к тому, что образовался серьезный разрыв поколений, когда некого было назначать на вакантные руководящие должности.

Стоило больших усилий удержать американское направление работы в контрразведке на достаточно приемлемом уровне, ведь приданные силы (наружное наблюдение, технические средства) были подвергнуты катастрофическим сокращениям и сведены до минимума.

О восстановлении прежних наших оперативных и оперативно-технических возможностей по американской линии не могло идти и речи.

Но, как говорится, жизнь продолжалась, и в тот самый сложный для нас период американцы, в соответствии с нашими договоренностями в Вашингтоне, через посольскую резидентуру ЦРУ наращивали переговорно-информационную работу — буквально завалили нас информационными запросами.

На достаточно частых встречах мне приходилось получать от них информационные запросы по тематике, напрямую не касающейся ни деятельности первого отдела, ни ведомства в целом.

После таких встреч, возвратившись в отдел, я был вынужден, отвлекаясь от своей непосредственной работы, готовить многочисленные запросы в другие подразделения и органы безопасности, добиваться и получать от них ответы, обрабатывать их и затем, на последующих встречах, передавать эти ответы американцам.

Так же, как в рамках операции «Фантом» мы заставили резидентуру ЦРУ работать буквально на износ под нашим контролем, так и американцы обрушили на нас шквал запросов, которые мы были вынуждены исполнять, не имея к тематике этих вопросов прямого отношения.

Аналогичной активностью американцам мы не смогли ответить, так как другие подразделения КГБ, владельцы информации, были по большей части заняты своими внутренними проблемами. К тому же они опасались американцев, не доверяли им и не имели ни желания, ни дополнительных возможностей заниматься подобного рода информационным обменом.

Надо было что-то делать, и мы вышли с предложением к руководству ведомства передать весь этот информационный поток создаваемой Службе (управлению) международных связей (СМС), оставляя за собой право и обязанность присутствовать на каждой встрече с американцами, сотрудниками ЦРУ, так как это наши объекты

разработок, переложив на плечи СМС проработку запросов со стороны ЦРУ и подготовку ответов на них.

Наше предложение было поддержано, но и вплоть до моего отъезда в 2000 году в загранкомандировку я участвовал во всех переговорах и с делегациями ЦРУ, и в большинстве встреч с резидентами ЦРУ в Москве, последовательно сменявшими друг друга: Дэвидом Рольфом, Майклом Суликом (впоследствии он возглавлял контрразведывательное подразделение ЦРУ, одно время он был помощником заместителя директора ЦРУ, в сентябре 2007 года его назначили главой подразделения агентурной разведки ЦРУ), Рольфом Моуэтт-Ларсеном и Стивеном Каппесом (в 2000 году американец руководил Центром контрразведки ЦРУ, в 2004 году был заместителем директора ЦРУ по операциям, в 2006 году был назначен первым заместителем директора ЦРУ).

Когда Служба международных связей встала на ноги, переговоры с ЦРУ проводили в доме № 2 на ул. Большая Лубянка, в небольшой рабочей комнате при служебном кабинете Ю.В. Андропова, окнами выходящей на Лубянскую площадь.

Чтобы пройти в эту комнату для переговоров, надо миновать большой бывший рабочий кабинет Андропова, где осталась обстановка со времен Юрия Владимировича — его рабочий стол, сейф и стол для переговоров.

Американцы, по их словам, первое время, затаив дыхание, пересекали кабинет Ю. В. Андропова, представляя, какие события могли там происходить многие годы назад.

Встречи, за исключением тех, где мне приходилось заявлять американцам официальные протесты по поводу их противоправной деятельности, иногда происходили в ресторанах и в другой обстановке с глазу на глаз и всегда в уважительно-дружеской атмосфере — мы прекрасно понимали друг друга, иногда и не все договаривая.

Вот как одну из таких встреч описывает Рольф Моуэтт-Ларсен, в то время резидент ЦРУ в Москве (публикация «НГ-Независимое военное обозрение» от 18.02.2011 года «У истории много коварных путей и запутанных троп»):

«Не доверие, а профессиональное уважение друг друга отдельными офицерами стало одним из важнейших слагаемых тех

скромных успехов, которые принесли усилия по получению конкретных результатов от поддержания связей между спецслужбами.

Эти неоднозначные результаты были подвергнуты испытанию в напряженные часы, предшествовавшие попытке путча, которую предприняли сторонники жесткого курса во главе с Русланом Хасбулатовым и Александром Руцким в октябре 1993 года и которая была направлена против президента Ельцина.

Одним прекрасным осенним днем мой домашний телефон зазвонил. Звонил генерал ФСБ Валентин Клименко, являвшийся одним из основных на тот момент офицеров связи своего ведомства с резидентурой ЦРУ в Москве.

Настроение у него было мрачное. Мне пришлось напрячься, чтобы расслышать его слова. Генерал спокойным тоном сказал мне: “Рольф, я должен тебя немедленно видеть. Приезжай один, но не заходи на Лубянку. Езжай на метро. Встретимся на углу остановки метро на площади Дзержинского”. Сказав это, Клименко вздохнул и добавил: “И, пожалуйста, приезжай один”.

Прежде чем отправиться на встречу, я предпринял необычные меры предосторожности — сообщил нашему послу Томасу Пикерингу о моем предстоящем randеву с ФСБ на тот случай, если я не вернусь. А про себя я подумал: “На чей же стороне КГБ?”

Я вышел из метро на Лубянке. При этом наружка следовала за мной по пятам. “Какой поворот судьбы”, — хмыкнул я, подумав о том, что сотрудники службы наружного наблюдения были, по всей видимости, даже больше озабочены и озадачены, чем я.

Валентин и его коллега поравнялись со мной еще до того, как я дошел до места встречи. Рукопожатие генерала было твердым. “У нас проблема, — начал Валентин. — Когда президент выслушал сегодня утренний доклад, то он спросил нас (ФСБ), почему офицеры ЦРУ встречаются с путчистами в (российском) Белом доме”. Посмотрев мне в глаза, Клименко продолжил: “Мы ответили, что не знаем. В ответ на это президент поинтересовался: ‘А на чьей стороне ЦРУ? Соединенные Штаты за меня или против?’” Сказав это, ветеран контрразведки сделал паузу для пущего эффекта, прежде чем спросил меня: “Что же нам сказать ему? Нам нужен ваш ответ на этот вопрос прямо сейчас”.

Я вздохнул с облегчением. Ответить на вопрос Клименко было просто. Для этого не надо было истребовать ответ из посольства или Вашингтона.

“Пожалуйста, заверьте президента Ельцина в том, что США в его углу ринга. Соединенные Штаты твердо поддерживают правительство России”.

Я разъяснил Клименко, что встреча между сотрудниками посольства США и сторонниками жесткого курса была организована в рамках действий ЦРУ, направленных на информирование Вашингтона о быстро развивающихся событиях в Москве.

“Хорошо! — воскликнул явно удовлетворенный моим ответом Валентин. — А теперь передай в Вашингтон следующее: российские военные в самом скором времени примут меры, необходимые для разрешения кризиса. Убирайте своих офицеров из Белого дома в течение двух следующих часов или же они попадут под перекрестный огонь или будут взяты в заложники путчистами”.

Поездка обратно в посольство на метро, казалось, длилась вечность. Те, кто вели за мной слежку, как испарились. Я доложил послу, и мы сообщили в Вашингтон о решении Ельцина предпринять военные действия. Были приняты меры для защиты тех, кто проживал на территории посольства, в связи с ожидавшимися действиями правительства по противодействию путчистам.

Как и говорил Валентин, танки въехали в город и стали занимать позиции спустя два часа. Вскоре посольство США оказалось перед перекрестным огнем российских военных и путчистов, которые заняли позиции в зданиях по периметру американского дипломатического комплекса.

Когда перестрелка стала интенсивной, персонал и члены семей сотрудников посольства укрылись в подвале. Малочисленное подразделение морских пехотинцев, облаченных в боевое снаряжение, заняло позиции перед импровизированной баррикадой, сооруженной из мебели. Эти молодые ребята были единственной преградой между незащищенным персоналом посольства и внешним миром.

Я хорошо запомнил их мрачные лица, их решимость биться до последнего человека, в случае если путчисты, которые уже всю сновали по территории дипломатического комплекса, предпримут атаку на наше подземное убежище.

Позднее той ночью резидентура ЦРУ получила указание отправить офицеров в резиденцию посла в Спасо-Хаусе с целью оборудовать там альтернативный командный пункт, из которого можно было поддерживать по спутнику связь с Вашингтоном. Посольство было отрезано от внешнего мира, и его сотрудники не могли сообщать с его территории о развитии путча.

Я возглавил команду из трех офицеров ЦРУ, которая вырвалась из гаража посольства на одной машине под покровом ночи. На улицах нас ожидал хаос. Только чудом нам удалось кружными путями, ведшими через едкий дым и мимо толп людей на улицах, добраться до Спасо-Хауса без приключений. Тотчас же мы отправили свою первую телеграмму в Вашингтон, описывающую ситуацию в Москве.

Ситуация в центре Москвы продолжала ухудшаться по мере того, как приближался рассвет. Постепенно Спасо-Хаус стал местом сбора для сотрудников посольства, готовивших отчеты, а также для персонала из числа российских граждан, которые пришли на работу, как если бы это был обычный рабочий день.

Но обычным в этот день на самом деле не было ничего. Элита российских войск вела бои со снайперами, от дома к дому, в высотных строениях, что нависали над резиденцией посла. Шальные пули стучали дождем по крыше резиденции во время внезапно вспыхивавших перестрелок. Вооруженные путчисты зашли на территорию посольства, разбив несколько стекол.

Я отправил весь российский персонал по домам, где они могли бы быть в безопасности. Я также позвонил послу, чтобы сообщить ему о возможности того, что путчисты захватят командный пункт в Спасо-Хаусе и возьмут сотрудников посольства в заложники.

Невозмутимый посол предложил мне сделать нечто удивительное: позвонить связному офицеру ФСБ и попросить о помощи. Казалось, что сделать подобный первый шаг можно было разве что из отчаяния, но мы прислушались к совету посла за неимением лучших идей.

Вскоре у нас зазвонил телефон. Офицер ФСБ сообщил, что его ведомство получило нашу просьбу и что он должен нам сообщить кое-что по поручению генерала Степашина.

Офицер сообщил нам, что группа хорошо вооруженных сотрудников ФСБ в штатском уже выдвинулась к Спасо-Хаусу с

заданием обеспечить нашу безопасность. “Однако, — продолжил он, — им поручено выполнять свое задание, а вы выполняйте ваши. Вас разделяет черта. Не пересекайте ее. Установите зрительный контакт, чтобы подтвердить добросовестность намерений. Но не более. Понятно?”

“Понятно, — ответил я. — И спасибо”. — “Пожалуйста”. И так группа сотрудников ФСБ стала нашими молчаливыми партнерами на все время кризиса.

Мы все стали свидетелями того, как делается на самом деле история. Я тогда понял, что ничего в судьбе той или иной нации не предопределено. Я понял, что не история делает личностей, а личности делают историю.

Российские политические деятели, военнослужащие и офицеры разведки, а также простые граждане предопределили будущее России посредством тех решений, которые они приняли во время того кризиса. Если бы они приняли другие решения, то события стали бы развиваться по совершенно иному пути. В тот момент истины американские и российские интересы совпали».

В девяностые годы американские и российские спецслужбы, как видно из этого конкретного примера, находились в контакте и напрямую обменивались информацией по ряду вопросов, представлявших чрезвычайное значение для национальной безопасности обеих стран. В руководстве спецслужб было понимание того, что подобные отношения надо строить на основе неукоснительного соблюдения собственных интересов, просчитывая выгоды и риски, сопровождающие конкретные действия.

А вот другой пример, когда канал партнерских контактов между ФСБ и ЦРУ был использован американцами для решения уже конкретного оперативного вопроса...

Летом 1981 года в Москве впервые в новейшей истории КГБ СССР был захвачен с поличным во время выхода на личную встречу с источником ЦРУ сотрудник московской резидентуры Питер Богатыр.

После задержания американского разведчика доставили в приемную КГБ, где официальное разбирательство с ним, в котором и я принимал участие, проводил Рэм Сергеевич Красильников.

До прибытия в приемную представителя МИД СССР, который затем вызвал сотрудника консульского отдела посольства США,

Красильников и я пытались разговорить американца, делая упор на то, что его предки — выходцы из России, он сам прекрасно говорит по-русски и жаль, что нам пришлось встретиться в такой обстановке.

Американец хмуро отмалчивался, но затем бросил такую фразу: «Да, обстановка не самая подходящая, да и времени у нас с вами нет для обстоятельного разговора, так как сейчас приедет представитель посольства США».

Эту фразу можно было расценить по-разному — и как просто ничего не значащий ответ, и как действительно сожаление, что не удалось поговорить, но в любом случае эта его фраза мне запомнилась.

Первая делегация российских спецслужб, посетившая для переговоров ЦРУ и ФБР США. На первом плане ее руководитель Ф. Мясников, слева направо: В. Каширских, В. Зайченко, А. Громов, Л. Рябченя и В. Клименко

Делегация в штаб-квартире ФБР. Вашингтон, США

Делегация в штаб-квартире ЦРУ, Вашингтон, США

Исполняющий обязанности директора ЦРУ Ричард Керр (справа) и руководитель российской делегации генерал-майор Ф.А. Мясников

На приеме в китайском ресторане рядом с супругой Керра

В Лэнгли, США, с резидентом ЦРУ в Москве Майклом Клайном

В Белом доме, Вашингтон, в зале для брифингов

В приемной директора ЦРУ, справа резидент ЦРУ в Москве Дэвид Рольф

В Сан-Франциско, второй слева — резидент ЦРУ в Москве Дэвид Рольф, второй справа — руководитель контрразведки оперативного директората ЦРУ Пол Рэдмонд

В самолете: Пол Рэдмонд и руководитель Евразийского отдела ЦРУ (ранее Советский отдел) Милтон Бирден при написании сообщения в СМИ о переговорах между американскими и российскими спецслужбами

Руководитель Евразийского отдела ЦРУ Милтон Бирден и назначенный резидентом в Москве Джон Макгафен на переговорах в здании КГБ в Москве

Джон Макгафени генерал Р. Красильников в Москве. 1992 год

В Сергиевом Посаде, Троице-Сергиева лавра. Слева направо: В. Клименко, Дэвид Рольф, Джон Макгафен, Милтон Бирден и генерал Р. Красильников

Переговоры в Москве в 1982 году с делегацией ЦРУ во главе с Милтоном Бирденом. Российскую часть переговорщиков возглавлял генерал-майор Ф. Мясников

Сотрудник ЦРУ Дэвид Рольф после переговоров

Подведение итогов переговоров между ФСБ и ЦРУ, Подмосковье

С резидентом ЦРУ в Москве Стивеном Каппесом

Официальное разбирательств в тот день закончилось составлением соответствующего протокола. Богатыр был отпущен и отвезен консулом в американское диппредставительство, и затем, через несколько дней, Министерством иностранных дел он был объявлен персоной нон грата и покинул нашу страну.

Работая по американцам, мы со временем многому научились, в том числе и отслеживать передвижение по миру известных нам сотрудников ЦРУ, и знать, в посольствах каких стран и на каких должностях они работают.

И вот однажды нам стало известно, что Богатыр прибыл в столицу Болгарии Софию для работы в посольстве США в качестве резидента ЦРУ.

Тогда возникла идея, а не попробовать ли нам дотянуться до Питера Богатыра из Москвы в Софию с завуалированным вербовочным предложением — мы же контрразведка. А так как американцы активно занимаются за рубежом вербовкой наших граждан, так и нам не пристало упускать открывающиеся возможности.

Нам было известно, что ЦРУ, особо не церемонясь (даже без предварительного знакомства с гражданами России), осуществляло прямые вербовочные подходы к ним, особенно к работникам ПГУ (СВР), предлагая за сотрудничество с разведкой до одного миллиона долларов США, поэтому вербовочный подход к Питеру мы расценивали еще и как ответную меру.

В любом случае мы посчитали, что ничего не теряем. Если американец из личных или карьерных соображений пойдет на контакт с нами, мы сможем приобрести ценный источник информации, если не пойдет на контакт и сообщит своим руководителям о письме, то мы его скомпрометируем хотя бы тем, что он в свое время дал повод контрразведке заинтересоваться им в вербовочном плане.

Подготовили на имя Питера и доставили прямо в его квартиру в Софии письмо, в котором американцу напомнили о встрече в Москве и о его сожалении в связи с тем, что тогда не удалось откровенно поговорить.

Сообщили в письме Питеру, что если у него есть потребность профессиональная или личная с нами связаться, то мы обеспечим секретность контакта.

Чтобы у него не было сомнений в том, что письмо исходит из российской контрразведки, в конверт мы вложили фотографию Питера Богатыра в приемной КГБ. На этом же снимке был изображен и я.

Для связи ему специально был дан известный в ЦРУ номер моего рабочего телефона в Москве.

Время шло, и мы ждали реакции американца на наше предложение, хотя, если честно, не очень-то рассчитывая на положительный результат.

И вот однажды Майкл Сулик, резидент ЦРУ в Москве, пригласил меня на ланч в ресторан гостиницы «Славянская».

Мы сделали заказ официанту и в ожидании, когда нам принесут заказанное, американец достал из кармана фотографию, на которой изображены Питер Богатыр и я, и с хитрецей в голосе спросил, не знаю ли я, каким образом эта фотография и написанный на ней моим почерком номер телефона попали в московскую резидентуру.

Я ответил, что изображенная на фото ситуация — это дела давно минувших дней. И что если у ЦРУ не было более десяти лет назад в приемной КГБ своего фотографа, то тогда фотография — это привет мне от Питера из Софии, который он передает не лично, как я надеялся и просил его, а через руководство ЦРУ, а здесь, в Москве, через Майкла Сулика.

Заявил Сулику, что эта незатейливая, легкая агентурная комбинация — часть нашей работы и что они, американцы, на нашем месте поступили бы точно так же, не упуская ни малейшего шанса добиться успеха.

В глубине души я ожидал официального протеста со стороны ЦРУ за организацию нами такого вербовочного подхода к Питеру Богатыру, однако протеста не последовало.

Обсудили с Майклом Суликом вопросы профессиональной этики и пришли к заключению, что случившееся — это нормальная честная игра спецслужб, сегодня побеждает один, завтра — другой. Это наша работа.

Как пишут в таких случаях корреспонденты, ланч прошел в теплой, дружеской обстановке, а это действительно так и было, потому что мы и без долгих объяснений, без криков и угроз, протестов и пререканий прекрасно понимали друг друга.

Ситуация с Питером Богатыром была последней комбинацией, проведенной с моим участием против ЦРУ в качестве начальника Управления контрразведывательных операций ФСБ России, которое я возглавлял с 1997 по 2000 год.

В эти три года была уже совсем иная работа. Другой уровень ответственности.

Так как в поле зрения контрразведки находятся спецслужбы практически всех стран, имеющих свои резидентуры или отдельных представителей в посольствах в Москве, то мне в короткий срок пришлось ознакомиться с особенностями деятельности и почерком работы уже не только американской, но и английской, немецкой,

французской разведок, стран Центральной Европы и Балтии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки, с тем чтобы можно было принимать компетентные решения по всем направлениям деятельности контрразведки.

Ежедневное принятие ответственных управленческих решений в области оперативной практики, кадровой политики, административной деятельности — вот не полный перечень того груза, который лежит на плечах начальника управления.

Решения выработывались в ходе ежедневного общения с моими заместителями, начальниками отделов и входивших в управление служб, еженедельных разного рода совещаний с привлечением к ним в необходимых случаях и оперативного состава.

Помимо этого приходилось на постоянной основе взаимодействовать с руководителями других оперативных управлений центрального аппарата ФСБ, начальниками территориальных органов ФСБ, Службы внешней разведки, ФАПСИ, Оперативно-поискового управления, МИДа, пограничниками, администрацией органов власти и управления различных уровней.

В итоге многочисленных переговоров и встреч выработывались выверенные и согласованные решения по отдельным вопросам, готовились и согласовывались совместные планы по различным линиям работы и как итог — проводились совместные оперативные мероприятия.

Кроме работы в качестве начальника управления КРО ФСБ РФ, мне приходилось готовить и принимать участие в региональных совещаниях по американской и иным линиям работы, возглавлять делегации ФСБ в поездках за рубеж, неоднократно выступать на многочисленных совещаниях руководства ФСБ и заседаниях коллегий ФСБ, участвовать в переговорах с зарубежными партнерами в Москве.

В те годы моими заместителями были генералы Евгений Тарасов, Николай Волобуев, Борис Мирошников, Владимир Скорик, Виктор Лугинин, Сергей Беседа и Александр Ильяков, которые вели работу каждый по закрепленному за ним участку оперативной деятельности, курируя несколько закрепленных за ними отделов контрразведки.

Я с большой теплотой вспоминаю те годы совместной с ними работы, годы, наполненные взаимоуважением и взаимопониманием, профессиональным отношением со стороны всех к своим

обязанностям, стремлением каждого добиться поставленных целей и удовлетворением и от самого процесса работы, и от ее результатов.

Я благодарен им за поддержку и за тот вклад, который они внесли каждый на своем участке в дело обеспечения безопасности России.

Не мне судить, каким я был руководителем Управления контрразведывательных операций ФСБ России, но, по крайней мере, в те три года управление не стояло на месте. Было проведено множество мероприятий по иностранным спецслужбам, разоблачены агенты из числа граждан России и иностранные разведчики.

Глава шестнадцатая

Официальный представитель ФСБ

К концу девяностых годов в результате переговорных процессов ФСБ установила договорно-правовые отношения с рядом спецслужб иностранных государств. С некоторыми из стран договоры были оформлены юридически в письменном виде, с другими мы достигли устных договоренностей.

В рамках этих договорных отношений происходил обмен делегациями, а также на основе взаимности в посольствах были введены должности официальных представителей.

В ряде наших посольств за рубежом для официальных представителей ФСБ России МИД выделило должности советников.

В Москве статус официального представителя ЦРУ американцы придали резиденту ЦРУ в Москве, занимавшему к тому времени традиционно должность советника по региональным вопросам; во время отсутствия его полномочия передавались заместителю резидента ЦРУ, который практически постоянно вместе с резидентом принимал участие в переговорных процессах.

Наконец, дошла очередь и до США.

С 1997 по 2000 год в качестве начальника Управления контрразведывательных операций я, помимо прочего, продолжал курировать американскую линию.

В начале 2000 года зашла речь об открытии должности официального представителя ФСБ в посольстве Российской Федерации в Вашингтоне.

Первоначально предполагалось направить в Вашингтон на эту должность именно меня как сотрудника, хорошо знакомого с американской проблематикой, стоявшего вместе с Красильниковым у истоков контакта Гаврилова и завязывания партнерских связей между КГБ и ЦРУ и лично знакомого со многими сотрудниками российского направления Лэнгли.

Кстати, и сами американцы на переговорах высказывали и мне, и вышестоящим должностным лицам пожелание, чтобы именно я был

«первооткрывателем» аппарата официальных представителей ФСБ в Вашингтоне.

Однако заместитель директора ФСБ (в то время Сергей Борисович Иванов, курировавший тогда международное сотрудничество ФСБ) сообщил, что по решению директора ФСБ Патрушева и по согласованию с начальником Управления «К» Службы внешней разведки командирование меня в Вашингтон было признано нецелесообразным.

Мне сказали примерно следующее: «Валентин, ты столько лет занимаешься ЦРУ, тебя там очень хорошо знают. Знают и то, что ты принимал участие в более чем десятке захватов с личным их разведчиков в Москве, в разоблачении их агентуры, пытался их вербовать. Против тебя или твоей жены будет масса способов в отместку за твои дела устроить провокации, так зачем нам нужна эта головная боль?»

В результате в Вашингтон через некоторое время поехал другой сотрудник, а я был направлен официальным представителем ФСБ в Израиль в посольство РФ в Тель-Авиве, где и проработал последующие четыре года.

С позицией руководства ФСБ трудно было не согласиться, но, и вполне естественно, в тот момент я был разочарован, так как отчетливо сознавал — наступил рубеж в моей практической деятельности по американской линии, менялся не только мой статус, но главное — содержание моей оперативной практики, когда на первый план выходит не ловля американских шпионов, а организация взаимовыгодного сотрудничества с иностранной разведкой и контрразведкой другого государства. В любом случае я продолжал охранять интересы собственной страны.

Статус официального представителя предполагает безусловный отказ от проведения оперативной работы и оперативных мероприятий на территории иностранного государства, в котором официальный представитель получил аккредитацию.

Российская сторона на основе взаимности взяла на себя такие обязательства. Официальный представитель не имеет права дискредитировать институт партнерских взаимоотношений своими непродуманными действиями.

Как бы ни был велик соблазн получить информацию оперативным путем, нельзя забывать о контрразведке страны пребывания и большой вероятности наткнуться на подставу иностранной спецслужбы.

Негативные политические последствия провала не идут ни в какое сравнение с иллюзорной полезностью непроверенной информации, полученной официальным представителем способом, выходящим за рамки его функциональных обязанностей в стране пребывания.

Я добросовестно придерживался основополагающих принципов деятельности в качестве представителя ФСБ России, работая в Израиле.

Готовясь к командировке, мне пришлось, помимо изучения страноведческого материала об Израиле, усовершенствовать навыки уверенного владения автомашиной, обращения с компьютером, получить квалифицированный инструктаж о финансовых операциях и отчетности, пополнить словарный запас своего английского языка.

Степень владения иностранным языком должна быть такова, чтобы официальный представитель ФСБ не только мог ежедневно знакомиться с прессой, но и легко общаться с окружающими.

Официальный представитель (если ему не предоставлен переводчик) обязан уверенно и самостоятельно вести переговоры и консультации с коллегами из иностранных специальных служб, а встречи официального представителя с руководством, например с директором разведки или контрразведки, предполагают, что собеседники хорошо понимают друг друга.

Очень важным рабочим моментом является необходимость в сжатые сроки переводить с иностранного языка на русский язык официальные запросы партнеров, их информационные сообщения и эти переводы незамедлительно направлять в Центр.

Страноведческая подготовка обеспечивает официальному представителю знание основных исторических вех государства пребывания, праздников, быта и нравов, национальных традиций, которым рекомендуется следовать неукоснительно.

Общая оперативная подготовка требует от официального представителя знания истории местных спецслужб, даты их основания, истории партнерских отношений, знания фамилий и кратких биографических данных действующих руководителей и их предшественников.

К специальной оперативной подготовке я бы отнес навыки официального представителя по выявлению наружного наблюдения, умение обнаружить спецтехнику в собственной квартире, оценить степень надежности защиты сейфа и компьютера, обнаружить признаки конспиративного проникновения в снимаемую квартиру.

Каков бы ни был уровень партнерских связей, контрразведка есть контрразведка, и ее прямая обязанность присматривать за любым представителем любой спецслужбы любого иностранного государства, будь ты хоть трижды официальным представителем...

Планируя подготовку к поездке, я ознакомился с оперативными материалами в отношении официального представителя израильской разведки в Москве Реавуна Динеля, который в середине девяностых работал в израильском посольстве.

«20 апреля 1998 года суд Московского военного округа приговорил сотрудника ГРУ подполковника Владимира Ткаченко к трем годам заключения. Он входил в группу офицеров ГРУ, продавших Моссад около двухсот секретных космических снимков стран Ближнего и Среднего Востока.

Ранее два года условно получил другой член группы — подполковник Геннадий Спорышев. А организатор торговли, отставной полковник ГРУ Александр Волков, дома у которого сыщики изъяли триста сорок пять тысяч долларов, проходил на суде как свидетель.

Ткаченко, Волков и Спорышев служили в Центре космической разведки ГРУ.

С 1992 года центр стал зарабатывать валюту для военной разведки, продавая иностранцам слайды, сделанные со спутниковых пленок. Цена одного слайда могла превышать две тысячи долларов. В зависимости от качества изображения снимки делились на не секретные и секретные.

Группа офицеров ГРУ попала под суд за продажу как раз секретных снимков, покупателем которых стала израильская спецслужба Моссад в лице своего официального представителя в Москве Динеля. Его интересовали снимки Ирака, Ирана, Сирии и Израиля.

В начале девяностых Динель был направлен в Москву для координации деятельности российских и израильских спецслужб по борьбе с терроризмом и наркомафией. Вскоре Динель вышел на

полковника Волкова — начальника одного из отделов Центра космической разведки.

Александр Волков рассказал, что вполне официально доставал для Динеля не секретные слайды, а деньги вносил в кассу центра. Встречались они не таясь, заключая сделки в посольстве Израиля или в ресторанах.

В 1993 году Волков из армии уволился и стал одним из основателей и заместителем гендиректора коммерческой ассоциации “Совинформспутник”, являвшейся официальным и единственным посредником ГРУ в торговле космическими снимками.

В 1994 году уволился из центра и старший помощник начальника отдела подполковник Спорышев. Он первым через Волкова продал Динелю несколько секретных слайдов с изображением территории Израиля. Год спустя Спорышев подключил к делу сотрудника ГРУ подполковника Ткаченко, имевшего доступ к фильмотеке центра. Группой заинтересовалась ФСБ.

13 декабря сотрудники Управления военной контрразведки ФСБ задержали с поличным на станции метро “Белорусская” Волкова в момент, когда он передавал сотруднику Моссад Динелю десять секретных слайдов с изображением территории ближневосточных стран. Динеля выдворили из страны».

В тот период времени, когда захватили с поличным Динеля, я был первым заместителем начальника Управления контрразведывательных операций ФСБ России.

Как известно, в сферу деятельности УКРО входит организация контрразведывательных мероприятий по всем иностранным диппредставительствам в Москве и действующим под их прикрытием посольским резидентурам, и исходя из этого для израильтян я был одним из руководителей того подразделения ФСБ, которое имело прямое отношение к посольству Израиля.

5 ноября 2000 года я вместе с женой прибыл в Тель-Авив в качестве официального представителя ФСБ, то есть занял позицию аналогичную той, на которой в 1995 году во время захвата с поличным находился сотрудник Моссад Динель.

Хотя к операции с Динелем в Москве в 1995 году я непосредственного отношения не имел, так как я всю жизнь занимался исключительно американской линией, и об этом в Моссад были

осведомлены, но Шабак, то есть израильская контрразведка, с этим, очевидно, не стала считаться.

(В тот период времени у ФСБ с Шабак партнерских отношений и прямых контактов, за исключением незначительных эпизодов, не было.)

Итак, 5 ноября после приземления в аэропорту Бен-Гурион мой предшественник, которого я менял на посту представителя РФ, нас с женой временно разместил на освободившейся более месяца назад квартире в одном из районов города, где раньше жил дежурный комендант российского посольства. У коменданта закончился срок командировки.

И первая же ночь с 5 на 6 ноября 2000 года в Тель-Авиве для нас стала практически бессонной. Израильская контрразведка (а больше-то и некому) приветствовала мое прибытие в страну беспокоящими телефонными звонками. Звонили и молчали в трубку. И так всю ночь с периодичностью в тридцать — сорок минут, как бы поздравляя с прибытием и предстоящим праздником 7 ноября.

Это был единственный случай с так называемыми беспокоящими действиями, с которыми нам пришлось столкнуться. Больше такие детские игры не повторялись.

За исключением нескольких ситуаций, редкое наружное наблюдение за мной в городе было достаточно конспиративным. Но во время поездок по стране на автомашине наблюдение несколько раз было открыто сопровождающим, причем сотрудники НН даже жестами показывали, мол, мы с вами.

При отсутствии сопровождающего наблюдения мою автомашину пропускали как бы по постам встречного НН, но эти посты особо и не скрывались и передавали нас от одного к другому.

После того как я заменил автомашину на новую, в которой имелось встроенное устройство GPS, мы наружное наблюдение в городе за собой больше не фиксировали. За мной наблюдали дистанционно.

В наше с женой отсутствие нашу квартиру неоднократно посещали сотрудники Шабак.

Сначала это делалось конспиративно. О посещениях свидетельствовали лишь оставленные мною пластилиновые метки, раздавленные на полу или вовсе исчезнувшие.

Но после того как мы с женой, будучи уверенными в том, что наша квартира прослушивается, демонстративно обсудили факты

конспиративного посещения нашей квартиры сотрудниками спецслужб, израильтяне (не сомневаюсь, что преднамеренно и в целях оказания на нас психологического давления) стали открыто оставлять следы своего пребывания в нашем доме.

Это были, например, жевательная резинка, приклеенная к зеркалу, пепел от сигарет на полу (а мы не курим), окуроч в туалете, непонятного происхождения пятна на зеркалах, следы грязной обуви, переставленные или поваленные предметы, измененное положение штор и ряд других признаков.

Но все эти проявления никоим образом не влияли на мою деятельность в качестве официального представителя ФСБ, которую можно было условно разделить на работу с партнерами и информационную.

Роль официального представителя очень важна. Она заключается в организации конкретного взаимодействия на рабочем уровне, пребывании в постоянной доступности для партнеров, поддержании по просьбе партнеров связи с Москвой для решения срочных вопросов в реальном времени, приеме делегаций из Москвы, обеспечении переговорных процессов, подготовке соответствующих оперативных документов.

Если конкретнее, то суть взаимодействия ФСБ через своего официального представителя с израильскими партнерами заключалась в информационных обменах и стремлении на их базе к проведению совместных операций — серьезнейших мероприятий, требующих тщательнейшей подготовки и проработки.

Совместные мероприятия являются лакмусовой бумажкой, если так можно выразиться, степени доверия между спецслужбами.

Все четыре года моим партнером по регулярным контактам был сотрудник Моссад Эдди Алтер — профессиональный разведчик, в совершенстве владевший русским и английским языками.

Во время наших официальных встреч, проходивших большей частью в штаб-квартире Моссад в Тель-Авиве (а неофициальных у нас и не было), он всегда был подготовлен, оставался невозмутимым, обладал здоровым чувством юмора. Постоянно выказывал готовность оказать помощь по любым вопросам, связанным с пребыванием в стране, был доброжелателен, тактичен и предупредителен.

Рабочие встречи с Эдди Алтером были достаточно регулярными, не реже раза в одну или две недели. Приглашения на встречи, срочный обмен информацией или договоренности о предстоящих встречах проходили по телефону.

К встречам иногда подключался непосредственный руководитель Эдди — сотрудник Моссад Даниэль Кан, о котором у меня также остались самые добрые воспоминания. Он появлялся тогда, когда речь шла о приезде в Израиль делегации российских спецслужб, официальных переговорах или о поездках израильтян в Москву.

В иерархии израильских специальных служб Моссад занимает исключительное положение, является как бы старшим партнером для всех иных служб. Под присмотром Моссад организуется взаимодействие с иностранными партнерами, поэтому Эдди Алтер был тем связующим звеном, которое позволило наладить служебные отношения с контрразведкой Шабак, полицией и Министерством обороны Израиля.

Он принимал участие во встречах с иными представителями Моссад, организовывал пребывание в Тель-Авиве многочисленных делегаций ФСБ РФ, их переговоры с руководством Моссад и поездки по стране.

С его помощью и при непосредственном участии мне посчастливилось встретиться с легендарными директорами Моссад Эфраимом Халеви и заменившим его затем на этой должности Меиром Даганом.

Именно легендарными, ведь во всем мире известны мастерство и высокий профессионализм израильской разведки. А Халеви и Даган многие годы руководили ведомством и конкретными операциями, в частности Халеви славился искусным проведением тайных переговоров с руководителями арабских государств и разведок.

Штаб-квартира израильского Агентства безопасности Государства Израиль (Шабак, или, по-другому, Шин-Бет — Общая служба безопасности и контрразведки Израиля) также находится в Тель-Авиве.

Основным контактером со стороны израильской контрразведки для меня являлся сотрудник Шабак Бениамин Парвар, специализировавшийся на российском направлении и, по моим представлениям, отвечавший в том числе и за работу против посольства

РФ в Тель-Авиве, то есть за его контрразведывательное обеспечение, а также его сотрудник Шломо Вишнер.

Контрразведчикам-профессионалам из различных стран, несмотря даже и на незнание национальных языков друг друга, всегда нетрудно найти общий язык, потому что принципы деятельности контрразведчиков идентичны.

На мой взгляд, ярким доказательством такого понимания между контрразведчиками стала ситуация, когда в 2003 году для разрешения одного щекотливого вопроса израильская контрразведка предпочла обсудить ситуацию со мною, а не с представителем СВР РФ.

В израильской прессе прошло несколько публикаций, в которых российский дипломат (указывались его имя, фамилия и должность в посольстве России в Тель-Авиве), находившийся второй раз в командировке в Израиле, открыто назывался сотрудником СВР, и израильским гражданам рекомендовалось отказаться от контактов с ним.

Сообщалось, что о его ведомственной принадлежности утечка сведений в прессу произошла из канцелярии премьер-министра Израиля Ариэля Шарона.

В статьях говорилось, что некий гражданин Израиля, с которым действительно поддерживал чисто дружеские отношения сотрудник Службы внешней разведки России, через своего адвоката обратился в канцелярию премьер-министра с жалобой на Шабак.

По словам этого израильтянина, контрразведчики из Шабак донимали его требованиями или прекратить контакты с российским гражданином в связи с якобы существующей угрозой национальной безопасности для Израиля, или продолжить контакты, но уже под контролем контрразведки.

Этот израильтянин, возмущенный произволом властей, посчитал, что контрразведка нарушает его конституционные права, и потребовал оградить его от контроля со стороны органов безопасности.

Через некоторое время я был приглашен на встречу в Шабак, где Бени Парвар извинился за эти публикации в прессе и попросил меня передать и в СВР, и в ФСБ, что израильская контрразведка сожалеет об этих публикациях.

Контрразведка, по его словам, пыталась их предотвратить, но не смогла, так как корреспонденты, ухватившись за горячую информацию

и ссылаясь на конституцию и свободу прессы в Израиле, требования Шабак проигнорировали и придали гласности информацию, добытую ими в канцелярии премьер-министра.

Мне сообщили, что изложенная в публикациях информация в основном соответствует действительности. Но к сотруднику СВР у контрразведки претензий нет, так как своими действиями он в действительности ущерб Израилю не нанес.

Но что касается израильского гражданина, то со стороны Шабак все действия были и правомерны, и своевременны, так как обычной и вполне оправданной для израильской контрразведки является практика выявлять в полном объеме связи сотрудников СВР с израильтянами, опрашивать своих соотечественников и предупреждать этих граждан о потенциальной опасности таких контактов, требовать их прекращения или если и продолжать дальнейшее общение, то под контролем контрразведки.

В беседе неоднократно подчеркивалось, что так поступают практически все контрразведки в мире, в том числе и российская в отношении дипломатов-разведчиков в Москве и их знакомых. Но в данной ситуации им попался неуравновешенный, неадекватно воспринимающий происходящее израильтянин, с которым в Шабак просто не смогли совладать. Отработка связей объектов и беседы с ними — это повседневная работа любой контрразведки.

Помимо рабочих встреч с Бени Парваром, мне приходилось участвовать в переговорах и вступать в контакты и с другими сотрудниками контрразведки Государства Израиль — руководителем Департамента охраны и безопасности Дороном Бергербест-Эйлоном, начальниками разных уровней подразделения по связям с иностранными партнерами этого же департамента, с представителями департамента по внутренним и иностранным делам, с действующими сотрудниками силовых структур, офицерами, обеспечивающими безопасность на воздушном и наземном транспорте.

На мой взгляд, партнерские связи с контрразведкой Государства Израиль были весьма полезны и эффективны.

Все представители контрразведывательных структур и подразделений безопасности Шабак искренне стремились наладить взаимовыгодное сотрудничество с ФСБ Российской Федерации, откликались на все наши просьбы о консультациях по вопросам борьбы

с международным и внутренним терроризмом, об обмене опытом при проведении контртеррористических операций, об особенностях силового воздействия на вооруженных преступников, тактике ведения переговоров при захвате заложников и т. д.

В Тель-Авиве у меня в качестве партнера было и Министерство обороны Государства Израиль в лице представителей Управления безопасности министерства Итамара Граффа и Шломо Мааяна.

Для решения ряда интересовавших израильскую сторону вопросов мне несколько раз пришлось побывать в здании Министерства обороны в центре Тель-Авива.

Если при посещении штаб-квартир Моссад или Шабак после прохождения процедуры проезда через жестко охраняемые КПП попадаешь на территорию, где сразу и не определишь, где ты находишься — то ли это университетский городок, то ли научно-исследовательский институт, где без дела никто не ходит и все сотрудники находятся на своих рабочих местах, а тебя встречают внимательные, в меру сосредоточенные и приветливые сотрудники, то в комплексе зданий Министерства обороны картина совсем иная.

В строго охраняемые вооруженными военнослужащими въезды почти всегда очередь из автомашин. Те, у кого имеются постоянные или временные пропуска, умудряются эту очередь «растолкать» и просочиться вовнутрь.

У кого же заказаны одноразовые пропуска, те вынуждены в этой очереди медленно продвигаться к КПП, где в последний момент вдруг оказывается, что пропуск на твою автомашину или забыли заказать, или заказали, но на другое время, или номер автомашины в пропуске указан не верно, или пропуск заказан, но еще не донесен до КПП и где-то в пути на территории министерства, или что-нибудь еще.

После этого начинаются изнурительные телефонные переговоры и долгие поиски виновника отсутствия пропуска, но, наконец, все улажено и ты въезжаешь в святая святых безопасности Израиля — на территорию Министерства обороны.

По всей территории туда-сюда снуют в основном дамы в военной форме с бумагами в руках, одни куда-то спешат, другие мирно стоят группами и переговариваются, третьи медленно, но с деловым видом со стаканчиками кофе в руках прохаживаются между зданиями, подставляя лица теплему солнышку.

Когда удастся припарковаться, отыскать нужный вход в нужное здание (а их там несколько) и подняться на этаж — там опять женское, солдатское, с очень серьезными лицами царство.

Но, достигнув нужного тебе кабинета, обнаруживаешь, что все там по-деловому, а женское царство работе не мешает, а вносит в нее свой позитивный вклад. Ну а проблемы с пропуском по сравнению с серьезностью решаемых задач — это такие мелочи, о которых быстро забываешь и не вспоминаешь о них до очередной поездки в Министерство обороны.

Важным партнером для меня была и полиция Государства Израиль. Ее штаб-квартира находится в Иерусалиме, поэтому для переговоров или обмена информацией мне приходилось каждый раз ездить из Тель-Авива в Иерусалим.

Моим партнером был классный специалист своего дела Ашер Бен-Артцы, возглавлявший секцию Интерпола и международных операций департамента криминальной разведки полиции Израиля.

Обаятельный, доброжелательный и улыбчивый человек, настроенный на позитивные отношения с партнерами, на создание условий для успешной работы в Израиле.

Он всегда был открыт для взаимодействия, для демонстрации возможностей полиции по борьбе с внутренним и международным террором, для сплочения всех антитеррористических сил, невзирая на национальную принадлежность против экстремизма.

Мое пребывание в Израиле совпало с начавшейся в октябре 2000 года интифадой со стороны палестинских арабов, сопровождавшейся многочисленными терактами против мирного населения Израиля и ответными шагами со стороны армии, полиции и контрразведки Израиля по уничтожению палестинских террористов.

Ашер доводил до иностранных спецслужб информацию из первых рук о терактах и ответных мерах израильтян.

Под эгидой Ашера Бен-Артцы был создан клуб, состоявший из офицеров безопасности посольств России, США, Белоруссии, Украины, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Польши, Канады, Японии и ряда других государств.

Помимо офицеров безопасности, в клуб входили и официальные представители полиции, разведок и контрразведок всех этих

государств, аккредитованные при своих посольствах и имевшие дипломатический статус.

Члены клуба собирались для брифингов ежемесячно или в одном из ресторанов Тель-Авива, или на территории одного из полицейских участков. Происходил обмен мнениями и доведение израильтянами до членов клуба сведений о текущем положении вещей, об угрозах дипломатическим миссиям со стороны палестинских террористов.

Для членов клуба Ашер Бен-Артцы организовывал поездки в сектор Газа, на Западный берег реки Иордан, на границу с Египтом в пустыню Негев, к строящейся разделительной стене между западными палестинскими территориями и Израилем, в места, где проходили теракты.

Неоднократно члены клуба приглашались Ашером в разные полицейские участки, где для нас устраивались брифинги по конкретным операциям, проведенным полицией, а также мы бывали в качестве почетных гостей на учениях полиции, устраивавшихся на стадионах Тель-Авива и в его пригородах.

О нужности и полезности такого партнерства с полицией Израиля излишне говорить, но у нас с Ашером было и другое поле для взаимодействия, где, прямо скажем, мы с ним не преуспели.

Речь идет об оказании юридическо-правовой помощи по уголовным делам либо в рамках уже возбужденных дел или по проверке сигналов на граждан Израиля, имевшихся в производстве в ФСБ.

На наши письменные официальные запросы о правовой помощи по конкретным лицам мы, как правило, не получали никаких официальных ответов, а устно нам сообщалось, что такой-то израильтянин полицией не найден, или сменил место жительства, или у полиции нет материалов, подтверждающих сведения ФСБ.

В итоге Ашер Бен-Артцы каждый раз с виноватым видом признавался, что информацию по гражданам своей страны, за исключением вопиющих случаев (жестокое убийство, наркотрафик в больших объемах и т. д.), в другие государства полиция Израиля не передает.

Делегация КГБ СССР в Болгарии. Встреча в софийском аэропорту.
1984 год

Переговоры КГБ СССР с вьетнамскими коллегами в Ханое. 1991
год

На переговорах в Ханое. Справа — официальный представитель КГБ во Вьетнаме В. Мараев

Делегация ФСК РФ в Минске, Республика Беларусь. 1994 год

Делегация ФСБ РФ в Улан-Баторе, Монголия. После переговоров.
1998 год

Переговоры в ФСБ с делегацией Намибии. Сентябрь 1995 года

Переговоры в ФСБ с делегацией Грузии. Сентябрь 1996 года

Переговоры в ФСБ с американцами. Октябрь 1998 года

Вручение правительственной награды. Директор ФСБ Н. Ковалев.
Весна 1998 года

Вручение правительственной награды. Директор ФСБ В. Путин.
1999 год

Неплохо поработали. 1998 год

С Александром Сазоновым. Встреча по случаю присвоения генеральского звания. 1995 год

Вместе с Александром Жомовым. Проводы в Израиль. Ноябрь 2000 года

Вместе с Александром Жомовым десять лет спустя. Сентябрь 2010 года

В 2000 году генералы Сергей Беседа (слева) и Владимир Скорик (справа) были моими заместителями в Управлении контрразведывательных операций Департамента контрразведки ФСБ России

Официальный представитель ФСБ России в Государстве Израиль.
В рабочем кабинете в Тель-Авиве. 2000 год

С делегацией ФСБ РФ на пути к Мертвому морю. 2003 год

Переговоры с израильскими партнерами в Тель-Авиве. 2004 год

Семинар в одном из полицейских участков в Тель-Авиве

Встреча официальных представителей иностранных спецслужб с полицией Израиля

На первом плане — официальный представитель МВД России А. Шубов

Разминирование подозрительного предмета перед подъездом нашего дома на улице Герберт Самуэль в Тель-Авиве. Фото из окна квартиры

Весной в Иерусалиме

У входа в консульство РФ в Тель-Авиве с супругой, сотрудницей консульства

С супругой на Мертвом море

В музее бронетанковых войск

В Иерусалиме у Стены Плача. 2001 год

С супругой в Иерусалиме, в Старом Городе

На приеме по случаю Дня независимости Республики Беларусь

С супругой после приема посольства РФ по случаю Дня России в одном из отелей Тель-Авива

На одном из приемов вместе с сотрудниками посольства России в Государстве Израиль

Прием в одном из ресторанов Тель-Авива по случаю окончания нашей заграничной командировки. Справа — посол Российской Федерации в Государстве Израиль Геннадий Тарасов. 10 октября 2004 года

Помимо партнерских связей, очень важным элементом деятельности официального представителя является и информационная работа, цель которой своевременно информировать ФСБ об оперативной обстановке, ситуации и событиях в стране пребывания.

Источниками такой информации служат открытые источники, к которым официальный представитель имеет ежедневный доступ — телевидение, Интернет, пресса на русском и английском языках.

Первостепенный интерес представляли сведения и публикации о разведке, контрразведке, полиции и других специальных службах страны пребывания, их структуре и руководящем составе, их деятельности, о шпионских скандалах и судебных процессах над разоблаченными иностранными агентами.

Важное значение имело и информирование Москвы о внешнеполитических акциях и событиях в стране, которые могли бы повлиять на наши межгосударственные отношения, о серьезных внутриполитических событиях (политические кризисы, смена президента и правительства, результаты выборных кампаний), о

крупных экономических проектах и инвестиционных намерениях, нацеленных на Россию, об антироссийских акциях и проявлениях.

Наше пребывание в Израиле, как я уже говорил, совпало по времени с обострением израильско-палестинских отношений, со второй интифадой, набравшей обороты, и многочисленными террористическими актами, совершавшимися палестинскими смертниками в автобусах, кафе и на рынках на территории Израйля.

И именно терроризм — террористические организации и акты терроризма, меры по борьбе с терроризмом — был главной содержательной частью российско-израильских партнерских отношений.

Поэтому неудивительно, что большинство делегаций ФСБ, посещавших Израиль для проведения переговоров и обмена опытом, представляли подразделения, занимавшиеся в России борьбой с международным и внутренним терроризмом.

Для российской стороны антитеррористический опыт израильтян, методика подготовки специалистов по борьбе с террором, тактика проведения конкретных операций, сведения о материально-техническом оснащении подразделений антитеррора оказались чрезвычайно полезными.

Израиль, как вы понимаете, — это отдельная страница моей жизни, и она не имеет прямого отношения к американской тематике.

Скажу лишь, что у миллионов людей так и осталось несбывшейся мечтой побывать в центре зарождения трех мировых религий, прикоснуться к религиозным святыням, побродить по одному из древнейших городов мира Иерусалиму, окунуться в реку Иордан и озеро Кинерет, посетить Назарет, Верхнюю и Нижнюю Галилею, проехать Израиль вдоль и поперек от Красного до Средиземного моря. А мне посчастливилось прожить в этой замечательной стране с чудесным климатом целых четыре года.

Но главным все эти годы была работа, и я получил глубокое удовлетворение и от ее процесса, и от ее результатов.

А результаты были. Обмен опытом с израильтянами позволил нам, во-первых, организовать физическую и техническую антитеррористическую защиту в аэропорту Домодедово по образцу тель-авивского аэропорта Бен-Гурион, и, во-вторых, система посадки в автобусы и троллейбусы Москвы сделана по израильскому образцу.

Но и в Израиле мое прошлое, связанное с работой на американском направлении, все же напомнило о себе.

Однажды в феврале 2003 года мне домой позвонил дежурный из нашего посольства и сообщил, что меня разыскивает американец, некий мистер Бирден. Он просил меня связаться с ним и оставил номер своего телефона в гостинице «Шератон».

В тот же день я поехал в гостиницу, где и произошла моя последняя непродолжительная встреча с бывшим начальником советского отдела ЦРУ Милтоном Бирденом, который в свое время был и организатором шпионажа против СССР, и инициатором установления партнерских связей между Лэнгли и КГБ.

Бирден подарил мне написанную им книгу «Черный тюльпан» о событиях в Афганистане, активным участником которых был сам, с дарственной надписью и словами благодарности за то, что он использовал, хотя и без моего разрешения, мою фамилию для вымышленного персонажа, полковника КГБ, одного из героев тех событий.

Надпись гласила:

«Валентину Клименко: старому сопернику, ставшему новым другом. С глубоким уважением и признательностью за использование Вашего имени. Милт. Тель-Авив 2.19.03».

Одновременно он рассказал, что работает над книгой, посвященной противоборству КГБ и ЦРУ, которая будет называться «Главный противник». Эта книга действительно была издана в 2004 году и затем переведена на русский язык.

В ее английском издании в отношении меня имеются неточности. Там сказано, что я «вырос от руководителя контрразведывательной службы Второго главного управления до начальника новой российской службы безопасности — ФСБ», а это не так — я руководил лишь управлением контрразведывательных операций ФСБ, а другая неточность — что в Тель-Авиве я являлся резидентом. Но и это не соответствовало действительности.

Но мое пребывание в Израиле не обошлось без приключения, которое иначе как провокацией со стороны израильтян и не назовешь. Случилось это в 2002 году.

Ну как тут не вспомнить пророческие слова Сергея Борисовича Иванова, сказанные им в 2000 году, о возможных ответных мерах со

стороны спецслужб США, если бы я поехал в длительную загранкомандировку в Вашингтон?!

В декабре 2002 года произошла замена российского посла в Государстве Израиль. По существующей практике все дипломаты в ранге советников посольства, и я в том числе, прибыли в аэропорт Бен-Гурион для встречи нового посла и знакомства с ним.

Так как у меня, в отличие от других советников посольства, был выданный израильской разведкой Моссад пропуск на автомашину для выезда на летное поле, то мы с офицером безопасности встретили посла у трапа самолета и доставили его в здание аэропорта, где около часа, пока оформлялись документы и багаж, происходило знакомство и беседа с ним.

Моя автомашина все это время оставалась внутри аэропорта рядом со взлетной полосой.

По окончании протокольной встречи кортеж автомашин двинулся от аэропорта в Тель-Авив, но моя попытка выехать со взлетного поля за пределы аэропорта была жестко пресечена охраной.

У меня отобрали выданный Моссад пропуск. *И* сделано это было под предлогом того, что меня как бы по ошибке пропустили на взлетное поле аэропорта (где я бывал десятки раз до этого), так как мой пропуск якобы просрочен (что не соответствовало действительности).

Мне предложили оставить машину под охраной израильтян и пройти в администрацию аэропорта для разбирательства, что я и сделал.

Но лишь после моих достаточно требовательных телефонных переговоров с Моссад и звонка из спецслужбы в администрацию аэропорта мне с извинениями в связи с «ошибкой, произошедшей из-за сбоя компьютера», отдали пропуск.

Вернувшись из аэропорта, но уже не в посольство, а домой, на набережную Тель-Авива Гербер Самуэль, я обнаружил, что во время нашего с женой отсутствия, а она все еще находилась на работе в консульском отделе, неизвестные вдребезги разбили двойные окна-стеклопакеты нашей квартиры, находящейся на четвертом этаже частного здания.

В квартире был разгром — битые стекла валялись по всей комнате, но из квартиры, как выяснилось при тщательной проверке, ничего не пропало, сейф по внешним признакам не был вскрыт, следов изъятия

техники слухового или визуального контроля из помещения мы также не обнаружили.

Как сообщил прибывший до меня на место происшествия маклер, подобравший нам эту квартиру, никто не видел, как были разбиты окна, но полиция оказалась на месте незамедлительно.

По лестнице пожарной автомашины, по словам маклера, в квартиру через разбитое окно проникли двое одетых в полицейскую форму сотрудников в «попытке застать на месте преступления забравшихся в квартиру грабителей».

Никого не обнаружив, эти псевдополицейские скрылись, и в дальнейшем разыскать их и машину, в том числе и с помощью всесильного Моссад, не удалось.

Для стороннего наблюдателя внешне все должно было выглядеть так, будто произошла попытка проникновения в квартиру неизвестных лиц с целью ограбления (четвертый этаж и при отсутствии пожарных лестниц!), а израильская полиция предприняла срочные меры для их задержания.

Но обстоятельства происшествия свидетельствовали не о попытке ограбления, а лишь об ее имитации и преднамеренном характере этой провокационной акции устрашения.

Единственный ведущий с улицы в дом подъезд, через который мы проходили, постоянно был заперт и дополнительно охранялся консьержем. Постоянно были закрыты и ворота для въезда (входа) на придомовую территорию для парковки автомашин, поэтому посторонние лица просто не имели возможности попасть в подъезд, из окна лифтовой шахты которого и были разбиты длинным металлическим прутом наши окна.

Взобраться же по отвесной стене на четвертый этаж шестиэтажного дома без риска расстаться с жизнью было практически невозможно. К тому же наши окна хорошо просматривались из помещения администрации гостиницы, находящейся напротив, и из полицейского участка, расположенного по соседству. При таких обстоятельствах ни одному здравомыслящему разбойнику не пришло бы в голову пойти на ограбление.

Все это произошло именно в тот день и в то время, когда меня под явно надуманным предлогом, а это могли организовать только

спецслужбы, задержали в аэропорту Бен-Гурион, а моя супруга находилась на работе, что также легко контролировалось.

Не вызывает сомнения, что такую чистой воды провокационную акцию вандализма против официального представителя ФСБ России, несмотря на успешные партнерские отношения с Моссад по вопросам борьбы с международным терроризмом, могли спланировать и подобным образом организовать только израильские специальные службы.

Всем также было понятно, что ни один посол в день приезда, не вручив еще своих верительных грамот, не станет начинать свою службу с ноты протеста в МИД с обвинениями местных спецслужб в провокации в отношении российского дипломата.

На следующий день я доложил послу о случившемся, и по согласованию с ним мною был подготовлен в письменном виде и заявлен Моссад решительный протест «в связи с беспокоящими действиями со стороны израильских спецслужб, граничащими с вандализмом, грубейшим нарушением Венской конвенции и моего дипломатического иммунитета».

Представители Моссад с большой нервозностью восприняли этот демарш. Израильцы намекнули, что разведка к этому происшествию никакого отношения не имеет.

Израильская разведка Моссад на фоне значительного укрепления наших партнерских связей откестилась от участия в той провокационной акции и попыталась объяснить случившееся высоким уровнем бытовой преступности в стране, но мною такие объяснения приняты не были.

Тогда Моссад решил перевести стрелки на контрразведку, и неожиданно для меня на очередную встречу в штаб-квартиру Моссад для знакомства со мной прибыли начальник Управления Шабак и его заместитель, ведущие работу на российском направлении и организующие работу по российскому посольству в Тель-Авиве.

Это была моя первая встреча с контрразведчиками Израиля за два первых года пребывания в этой стране.

Содержательная сторона той встречи показала, что хотя контрразведка Шабак и не взяла на себя прямую ответственность за битые стекла, но завуалированно дала понять, что это ответная мера за сорванную ею операцию против израильтян со стороны некогда

возглавляемого мною управления ФСБ, нарвавшегося, очевидно, на подставу израильской контрразведки.

Они прямо заявили, что не думали, что им придется на территории Государства Израиль проводить контрразведывательные мероприятия не только против СВР и ГРУ, но и против ФСБ России, а им некоторое время назад пришлось это сделать.

Я уверен, что руководство израильской службы безопасности санкции на проведение мероприятия по битью стекол не давало, и я полагаю, что все было организовано на уровне исполнительского звена, возможно, с молчаливого согласия руководства отдела или даже управления, такие, знаете ли, «еврейские штучки».

Хотя израильтяне и классные специалисты, но в них силен и дух авантюризма.

Сбылось-таки пророчество Сергея Борисовича Иванова, но на другом континенте, в другом государстве, при взаимодействии, хотя и партнерском, но не с американскими спецслужбами — таковы реалии невидимого для посторонних мира разведок и контрразведок, в котором мне посчастливилось прожить тридцать семь лет.

5 ноября 2004 года, ровно через четыре года после отъезда из России в Израиль, мы возвратились из загранкомандировки в Москву, и практически сразу же кадровый аппарат приступил к оформлению документов, регламентирующих мою отставку с действительной военной службы в связи с достижением шестидесятилетнего возраста. В январе 2005 года состоялся соответствующий Указ Президента РФ.

Послесловие

В прошедшие со дня возвращения из Тель-Авива до Указа Президента недели и в особенности в последовавшие за Указом месяцы вынужденного безделья после столь активного многолетнего образа жизни чрезвычайно остро ощущались избыток свободного времени и собственная невостробованность.

В те дни я часто задавался вопросом, а какой период службы в КГБ — ФСБ был для меня самым плодотворным и самым интересным?

И без колебания отвечал и отвечаю — восьмидесятые годы прошлого столетия, когда я был в должности начальника первого отделения первого отдела Второго главного управления КГБ СССР, отдела, который возглавлял мой учитель и старший товарищ Рэм Сергеевич Красильников, и когда понятие «контрразведка» было наполнено для меня глубочайшим содержанием.

Контрразведка и разведка иностранных государств — это антиподы, противоборствующие стороны, но через противоборство они обогащают друг друга знаниями о формах и методах своей работы, добиваются профессионального взаимного уважения.

Национальные же разведка и контрразведка всегда тесно связаны между собой, во многом их функции переплетаются, и в том числе происходит обмен кадрами. Например, контрразведчики идут работать в разведку, а разведчики становятся контрразведчиками, привнося свой опыт в контрразведку, как это было с Рэмом Красильниковым.

И у американцев внутри ЦРУ происходило так же. Опытный разведчик, резидент ЦРУ в Москве с 1997 по 1980 год Гэс Хэттавей, разработкой которого я занимался в то время, с 1985 года до своей отставки в 1990 году возглавлял контрразведывательное подразделение Оперативного директората ЦРУ.

Хэттавей на этом важнейшем в ЦРУ посту заменил Тэд Прайс, а в 1991 году главным контрразведчиком ЦРУ был назначен Джеймс Олсон, тот самый Олсон, который в 1979 году, будучи под прикрытием должности второго секретаря экономического отдела посольства США в Москве, а в действительности работая заместителем резидента ЦРУ Хэттавей, участвовал в совместной операции ЦРУ и АНБ по

подключению к кабельным линиям связи в колодце на Калужском шоссе в Подмосковье.

И другие бывшие руководители московской резидентуры ЦРУ после возвращения в Лэнгли в двухтысячные годы заняли значимые должности в руководстве ЦРУ: Даннинберг стал начальником оперативного управления в контртеррористическом центре ЦРУ, Сулик возглавил национальную службу тайных операций, Каппес был назначен первым заместителем директора ЦРУ.

Уверен, что только уважение профессионализма тех, против кого ты работаешь, сделает и из наших молодых сотрудников разведки и контрразведки профессионалов высокого уровня.

В предыдущих главах я уже неоднократно ссылался на высказывания сотрудников ЦРУ как безусловных профессионалов своего дела, ранее работавших против Советского Союза и затем России. Позволю себе сделать это еще раз.

4 ноября 2002 года в издаваемом ЦРУ не секретном профессиональном журнале «Исследования в разведке» (Studies in Intelligence) была опубликована статья уже знакомого читателю Джеймса Олсона, вот выдержки из нее:

«Потребность в контрразведке не исчезла. Окончание холодной войны не означает конца разведывательной угрозы со стороны бывшего СССР. Разведывательная служба новой демократической России — Служба внешней разведки — продолжает активно действовать против нас. Русские не одиноки. Мы сталкиваемся с растущей активностью китайской разведки, в частности, пытающейся похитить ядерные секреты США. США — единственная оставшаяся в мире супердержава, это означает, что она всегда будет мишенью крупномасштабного шпионажа со стороны иностранных государств.

Первая заповедь. Действовать активно.

Заниматься только обороной — значит проигрывать. Мы не можем позволить себе просто сидеть и ждать, что из этого выйдет. Мы тратили очень много сил, средств и денег для того, чтобы лучше спрятать наши секреты. Но шпионы все равно причиняли нам ущерб.

Мы должны агрессивно действовать не только против традиционных противников, но и против нетрадиционных. Сколько

еще нужно примеров разведывательной активности наших союзников, чтобы понять, что в разведке и контрразведке верна древняя мудрость: есть дружественные страны и народы, но нет дружественных разведок.

Вторая заповедь. Гордиться своими профессионалами.

Это правда, что контрразведчики во всем мире непопулярны. Практически нигде, где они появляются, их не встречают с распростертыми объятиями. Они всегда приносят плохие новости. Контрразведчиков всегда легко критиковать. Если они поймали шпиона — то почему они не могли поймать его так долго? Если они никого не поймали — значит, они вообще ничего не делают. Работа в контрразведке непрестижна и пользуется дурной славой. Здесь нельзя сделать легкой карьеры. Мы должны делать как можно больше, чтобы защищать наших людей, поддерживать их действия и гордиться ими.

Третья заповедь. Знать свою улицу.

Если ты не знаешь места, где работаешь, — ты не контрразведчик. В течение многих лет мы проигрывали тайные сражения людям из КГБ, ГРУ и восточноевропейских разведок на улицах мировых столиц. Мы проигрывали только потому, что не знали, как они совершают свои операции. Мы не были готовы платить полную цену, полностью подчиняя свое время и внимание работе на улицах. Они выигрывали, потому что лучше знали условия в тех местах, где работали. Автомобили, досье, видеокамеры, радиостанции, безопасные места наблюдения играют второстепенную роль, если люди, которые их используют, не знают своей улицы.

Четвертая заповедь. Знать свою историю.

Беседуя с молодыми контрразведчиками, я был очень обескуражен. Они практически не знают истории своей службы. Но не отдавая должного успехам и неудачам предшественников, невозможно успешно работать.

Пятая заповедь. Не отвергать аналитику.

Оперативные сотрудники, честно говоря, очень плохие аналитики. Они в большей степени актеры, создатели, немного импульсивны и, вероятно, в чем-то похожи на ковбоев из вестернов. Лучшие всего они себя чувствуют далеко от своего рабочего стола.

Аналитики совершенно другие: с точки зрения оперативников, они страдают параличом и выглядят заторможенными. Но друг без друга они не могут обойтись. Оперативник при всех своих талантах не способен сделать той работы, которую может сделать аналитик. И наоборот.

Шестая заповедь. Не быть ограниченным.

На протяжении многих лет американская контрразведка подвергалась обструкции со стороны наших врагов. Но я помню также, что ЦРУ и ФБР отказывались разговаривать друг с другом и с пренебрежением относились к военным. Это приводило к печальным последствиям: когда спецслужбы начинают недолюбливать друг друга, этим пользуется противник. Наши коллеги из других спецслужб также много работают, они профессионалы и патриоты. И мы должны уважать их и их организации.

Седьмая заповедь. Тренировать сотрудников.

Контрразведка — это конгломерат различных дисциплин и навыков. Каждая операция уникальна и требует привлечения специалистов. Подготовка специалиста — дело не одного дня и не одного года. Тем более что наши противники тоже тренируют своих экспертов.

Восьмая заповедь. Не стоять в стороне.

Сотрудников контрразведки не любят в очень многих кабинетах. Мы постоянно путаемся под ногами у государственных мужей со своими глупыми секретными операциями. Мы постоянная причина головной боли. Поэтому очень часто контрразведку пытаются отодвинуть на второй план. С точки зрения таких чиновников, контрразведчики постоянно преувеличивают опасности, чтобы преувеличить собственную значимость. Но это не означает, что офицеры контрразведки должны стоять в стороне и спокойно наблюдать, как другие совершают ошибки. Хороший офицер всегда предпочтет выполнение своего долга карьере. Если его работа блокируется каким-то чиновником, то он обязан обратиться к чиновнику более высокого ранга. Потому что нет ничего важнее его миссии.

Девятая заповедь. Не стоять слишком долго на одном месте.

Контрразведка — опасная профессия. На стене нашего офиса должна висеть надпись: “Употребление контрразведывательной

диеты опасно для Вашего здоровья”. Опасность стать жертвой собственного ума достаточно велика — наши сотрудники постоянно нуждаются в прочищении мозгов. Они должны учиться не применять штампы, придумывать необычные шаги и все подвергать сомнению. В том числе и правильность собственных решений. Стоящий на одном месте и недвигающийся вперед проигрывает.

Десятая заповедь. Никогда не уступать.

Десятая и последняя заповедь — наиболее важна. Я аплодировал своим коллегам из ФБР, которые арестовали во Флориде отставного армейского полковника Трофимоффа за то, что он шпионил для СССР много лет назад. Они не уступили. Расследования контрразведки не должны останавливать смены начальников, уходы сотрудников, изменения обстановки и т. д. Мы должны быть подобны питбулям, которые вцепляются во врага и не разжимают челюсти».

Для меня не столь важно, какой национальности профессионал, но в данном случае я готов подписаться под каждой из этих десяти заповедей американского контрразведчика из ЦРУ Джеймса Олсона, ибо эти десять постулатов, как представляется, положены на бумагу именно высококлассным американским профессионалом после глубоких раздумий и размышлений и в назидание молодым сотрудникам, которые приходят на смену ветеранам.

Летом 2005 года, по прошествии нескольких месяцев со дня Указа Президента о моем увольнении, мне первый раз позвонили из ФСБ и пригласили на встречу с директором ФСБ РФ Николаем Платоновичем Патрушевым — мы с ним не виделись более четырех лет, с осени 2000 года, когда перед командировкой в Государство Израиль он вручил мне знак «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации».

Удел всех отставников-пенсионеров — подводить итоги, и после звонка из ФСБ я попытался, готовясь к предстоящей встрече, обобщить, что именно коллективом первого отделения первого отдела ВГУ КГБ СССР было сделано фундаментального за годы службы по американской линии.

Вспоминая то время, уверенно можно сказать, что восьмидесятые были годами напряженного труда, творческого поиска, открытий, разочарований от неудач и неудержимой радости от побед над главным

противником того времени — Центральным разведывательным управлением США.

Мы словно проходили на собственных ошибках курс обучения от начальной школы до высшего образования, от полного незнания противника и методов его работы до точного предсказания его действий во времени, пространстве и по персоналиям.

Мы тогда научились с ювелирной точностью, порой заблаговременно, выявлять не только полный состав резидентуры ЦРУ в Москве, но и разведчиков глубокого прикрытия, направленных Лэнгли в СССР для проведения наиболее важных оперативных мероприятий по связи со своими источниками.

Это был коллективный труд. Мы придумали такие методы контроля, которые позволяли без сопровождающего наружного наблюдения за разведчиками ЦРУ вскрывать проводимые ими агентурные операции, обнаруживая закладываемые американцами тайниковые контейнеры в виде булыжников и перехватывая письма с тайнописью, отправленные ими в адреса агентов из числа советских граждан.

В настоящее время человеку непосвященному трудно себе представить, что в иных ситуациях мы, первое отделение, имели возможность вывести на улицу до пятисот сотрудников КГБ СССР для организации контроля за посольской резидентурой ЦРУ или проведения в Москве поисковых мероприятий на каналах агентурной связи американской разведки. Но так было!

В те годы мы поднялись на высшую ступень чекистского мастерства — оперативные игры против ЦРУ, их были десятки, и они позволяли не только отвлекать силы противника на негодный объект, но и доводить до него выгодную нам информацию и дезинформацию, изучать формы и методы работы ЦРУ, документировать его противоправную деятельность, держать под контролем весь состав московской резидентуры.

А что касается моей работы в Израиле в качестве официального представителя ФСБ РФ, то основными показателями результативности являются совместные оперативные мероприятия и делегационные обмены.

По понятным причинам о совместных мероприятиях я умолчу, а показатель делегационных обменов между ФСБ России и израильскими

разведкой и контрразведкой за четыре года увеличился с одной делегации в 2001 году до примерно двух десятков в 2004 году, что являлось ярким свидетельством взаимной заинтересованности израильских и российских специальных служб в расширении взаимодействия.

Я собирался доложить директору ФСБ и об Израиле, и о главном для меня достижении: в восьмидесятые годы, помимо конкретных разоблачений агентуры ЦРУ из числа граждан СССР и захватов с поличным американских разведчиков-агентуристов из состава посольской резидентуры ЦРУ, первым отделением первого отдела В ГУ была создана методика работы против ЦРУ, которая и легла в основу современных подходов к работе против американцев.

И вот я в последний раз поднялся на лифте в директорскую зону дома № 1/3 по улице Большая Лубянка, где до отъезда в Государство Израиль многие годы бывал многократно, докладывая сменявшим друг друга директорам Федеральной службы безопасности Российской Федерации Степашину, Барсукову, Ковалеву, Путину и Патрушеву различные документы, и участвовал в заседаниях коллегии ФСБ, выступая на них и с докладами, и в прениях.

Нас собралось трое или четверо (точно уже и не помню) генералов, хорошо знакомых друг с другом по совместной службе. Нас пригласили в кабинет, где нас приветствовали директор и его первый заместитель.

Но разговора, к которому я внутренне готовился, не получилось...

Обстановка той непродолжительной встречи была сугубо официальной. Прозвучало короткое вступительное слово директора. Каждый из нас, приглашенных, лишь поблагодарил руководство ФСБ за совместную службу, а в ответ нам вручили от имени директора подарочные часы, после чего мы и распрощались.

Мои часы оказались неисправными, стрелки ни разу с места не сдвинулись, часы до сих пор стоят. Это для меня стало грустным символом завершения моей службы и контрразведывательной эпохи восьмидесятых...

Уважаемые читатели!

Современная мемуарная литература — это достаточно специфический жанр прозы, и, на мой взгляд, она интересна лишь тем, кто лично знал или знает автора, интересуется событиями или процессами, которые имели место в определенный исторический период в государстве, некоей области общественно-политических отношений, профессиональной деятельности и т. д., поэтому если вы, прорвавшись через информационный массив, «добрались» до этих строк, то, стало быть, мой труд и время были потрачены не зря, и надеюсь, что вы узнали что-то для себя новое, нужное и полезное.

Я признателен прежде всего моему коллеге и большому другу генерал-майору Валерию Викторовичу Пронину за настойчивое убеждение и даже моральное принуждение меня к написанию этих мемуаров и полковнику Сергею Вениаминовичу Амочаеву за создание благоприятных условий для этого.

Особые слова благодарности генерал-лейтенанту Василию Николаевичу Дворникову и начальнику Центра общественных связей ФСБ России полковнику Олегу Константиновичу Матвееву за организацию публикации моей рукописи, без чьих настойчивых усилий эта книга никогда бы не дошла до читателя.

Отдельное спасибо писателю-прозаику Ирине Дегтяревой, которая взяла на себя труд прочтения написанного мною, концептуальную, стилистическую и литературную обработку текста.

Ну и, безусловно, слова глубочайшей признательности моей любимой супруге Римме Викторовне, которая не прочитала ни единой страницы моих трудов и никоим образом не вмешивалась в мои занятия ни словом, ни советом, создав тем самым в доме благоприятную творческую атмосферу.

Валентин Клименко

Биографическая справка

Генерал-лейтенант Валентин Григорьевич Клименко, 15 декабря 1944 года рождения, уроженец Москвы, проживает в Москве, женат, имеет двоих детей.

После окончания одиннадцати классов московской средней школы № 175, службы в армии с 1963 по 1966 год и двух лет работы в «Моспроекте-2» в августе 1968 года поступил в Высшую Краснознаменную школу КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского на 2-й (контрразведывательный) факультет.

В январе 1973 года закончил обучение с Золотой медалью по специальности «Правоведение», с присвоением воинского звания лейтенант и квалификации «юрист со знанием иностранного языка».

С 1973 по 1991 год являлся сотрудником первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ СССР, затем возглавлял Первую (американскую) службу Министерства безопасности РФ, а с 1997 по 2000 год в звании генерал-лейтенанта был заместителем руководителя Департамента контрразведки ФСБ России —

начальником Управления контрразведывательных операций (УКРО ФСБ РФ).

В 1997 году обучался на курсах повышения квалификации в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации по программе «Государственная служба Российской Федерации: организационно-правовые основы и кадровое обеспечение».

С 2000 по 2004 год в дипломатическом ранге советника работал в российском посольстве в Государстве Израиль (Тель-Авив) в качестве официального представителя ФСБ Российской Федерации.

29 января 2005 года Указом Президента РФ № 105 по достижении предельного возраста (60 лет) был уволен с действительной военной службы.

Награжден орденами Красной Звезды (1986 год), Трудового Красного Знамени (1990 год), «За военные заслуги» (1999 год), Андропова (2012 год), 18 медалями СССР и Российской Федерации, различными грамотами и многими иными ведомственными наградами.

Присвоены почетные звания: «Почетный сотрудник госбезопасности» (1981 год) и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации» (2000 год).

Генерал-лейтенант ФСБ Валентин Клименко родился в 1944 г. в Москве. Годы его службы в КГБ, а затем и в ФСБ, с 1973 по 2005 г., пришлось на сложный, но чрезвычайно интересный период и для нашей страны, и для деятельности советской контрразведки.

Валентин Григорьевич прошел путь от младшего оперуполномоченного первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ СССР до начальника Управления контрразведывательных операций ФСБ РФ и заместителя руководителя Департамента контрразведки Федеральной службы безопасности.

На его счету одиннадцать захватов с поличным сотрудников ЦРУ (Центральное разведывательное управление) в Москве и Ленинграде, пресечение четырех акций технической разведки США, проведение мероприятий, связанных с разоблачением ряда советских граждан – агентов ЦРУ, участие во многих оперативных играх.

Генерал Клименко кавалер четырех орденов, награжден шестнадцатью медалями, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» (1981 г.) и «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации» (2000 г.).

ISBN 978-5-7133-1611-2

9 785713 316112 >

